

Т.В. РОМАНОВА

МОДАЛЬНОСТЬ.

ОЦЕНКА.

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Т.В. Романова

МОДАЛЬНОСТЬ. ОЦЕНКА. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ

МОНОГРАФИЯ

Нижний Новгород

2008

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГОУ ВПО
НГЛУ

УДК 811.161.1'36:811.161.1'42

ББК 81.411.2-222

Р 693

Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. –
Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. - 309 с.

ISBN 978-5-83839-167-8

Монография посвящена проблемам текстовой экспликации и корреляции категорий модальности- оценки – эмоциональности. В первой монографии *«Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе»*. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003 описаны модальность интеллектуальной квалификации (утверждение / отрицание, неясность / уяснение, кажимость, возможность / невозможность), модальность этической оценки. В данной монографии анализируются модальности определенности / неопределенности, уверенности / убежденности (модальность интеллектуальной квалификации), возражения /согласия (модальность диалогической реакции), оценочная модальность (эстетическая, эмоциональная, логическая оценки), модальности волеизъявления и воздействия. Материалом для исследования послужили тексты современной исповедальной публицистики (мемуары, дневники, письма, записки, автобиографии и т.д.) российской творческой интеллигенции. Для филологов, преподавателей вузов, аспирантов.

Рецензенты: Г.Н. Акимова, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
Т.Н. Синеокова, доктор филологических наук, профессор
Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

ISBN 978-5-83839-167-8

© Издательство ГОУ ВПО НГЛУ, 2008.

© Романова Т.В., 2008

1. Текстовая корреляция категорий модальность – оценка – эмоциональность

В современной лингвистике объём понятия «модальность» существенно расширился, охватывая, по существу, все возможное окружение пропозиции, любой коммуникативный модус (Таривердиева 1987): модус говорения, знания, мнения, оценки. Модальность проявляет тенденцию к смыканию с категорией субъективности. Не только модально-оценочные значения различных форм и средств выражения модальности, но и психолингвистический механизм возникновения эмоций, эмоционального отношения, тесное переплетение эмоциональности и экспрессивности и наличие морфологических форм их выражения свидетельствует о том, что эмоциональность, переданная с помощью языковых средств, - это модальное явление и нет необходимости отделения ее от других разновидностей языковой модальности (Петров 1982:101-102)..

Лингвистическая модальность не только не исключает логическую модальность, но и базируется на ней. Для текстов разных жанров характерны различные конфигурации алетической, аксиологической, деонтической, эпистемической, темпоральной, пространственной модальностей.

Применительно к тексту нам кажется разумным определение модальности, которое даёт Г.Я. Солганик: «отношение к действительности – субъективно-объективное, прямое, оценивающее и анализирующее, осложненное существующими философскими, политическими, социально-идеологическими теориями» (Солганик 1999:371)..

В качестве доминирующих модальных значений по материалам современной мемуарной исповедальной прозы нами выявлены следующие.

1. Интеллектуальная модальность (утверждение/отрицание; неясность/уяснение; кажимость. уверенность/убежденность; возможность/невозможность; определенность/неопределенность).
2. Диалогическая модальность (возражение / согласие).
3. Оценочная модальность: этическая, эстетическая, логическая (истинно/неистинно; сопоставление, соотнесение, противопоставление, подчеркивание, модализированное сравнение).
4. Эмоциональная модальность.
5. Волонтивная модальность (желательность – необходимость – долженствование – императивность).

Основу авторской модальности создают категории отношение, оценка, точка зрения. «Модальность, как выразитель отношения, по природе своей оценочна и субъективна, так как исходит только от личности.... Таким образом, снимается дихотомия «модальность — оценка». Сутью модальности можно признать оценочные отношения (Попова 1996:39-40)..

Мы взяли за основу следующую классификацию оценки, актуальную на уровне типологии текста: оценка этическая, эстетическая, логическая, эмоциональная. Тексты-оценки можно также подразделить на моносубъектные и полисубъектные, суть которых состоит в соотнесении разных субъектных модусов с одним явлением, в разных оценках одного факта, а также — на мономодальные и полимодальные (разная, подчас диаметрально противоположная оценка одного и того же объекта).

Необходимо указать еще на одну особенность модальности оценки. Во многих случаях оценка входит как один из компонентов в конструкции, в основе которых лежат другие модальности. Особый интерес представляют модальности, в которых оценка составляет их необходимую часть (Вольф 1985). Так, аксиологическая модальность сложными способами связана с модальностью долженствования. Сходство логических структур с предикатами «хорошо / плохо» и «обязательно /

необязательно» отмечалось не раз. Очевидно, что эта особенность оценки определяется ориентацией оценки на норму, на объект с такими характеристиками, которые предъявляются к нему нормативными требованиями. См. Нагибин:431 («+»), («-»).

Отношение к собаке должно быть бодрым, веселым и товарищеским, иначе это гадость (Нагибин:431).

Основная модальность, связанная с оценочной семой «+» в диктуме, - это модальность желания и близкие к ней модальности, включающие желание как свою часть. При предикатах желания событие оценивается как положительное для субъекта желания, при выражениях нежелания — как отрицательное.

Оценку события со знаком «+» для говорящего предполагает модальность просьбы, для слушающего — модальность совета. Отрицательная характеристика последствий события предполагается, если будет нарушено предостережение (см. Некрасов:133) или запрет (Козаков:182). Модальность угрозы — один из основных видов модальностей, включающих обязательный оценочный знак «-» («плохо»). См. угроза — предупреждение (Эткинд:40-41).

Но тут же оговариваюсь и предупреждаю — если ты, читатель, любитель, любитель крепко склоченного сюжета, завлекательной интриги, интересных, со сложными характерами героев, если ты любишь длинные, подробные, сотканые из деталей романы или, наоборот, сжатые как пружина новеллы — сразу предостерегаю: отложи эти страницы. Ничего подобного ты здесь не найдешь (Некрасов. Записки зеваки:133).

Вот уж был истинный, не дразняще-намекающий, а откровенный антикультовый спектакль, и дело даже не только в том, что со сцены произносились имена Сталина и Мао, «смесь грузинского с китайским». Что до имен, то начальство, конечно, запретило их поминать, однако

актеры быстро восстановили вымаранное. Такое тогда еще могло сойти с рук. Но, повторяю, не в этом была сила спектакля. Открытием Аксенова и, смею сказать, театра был Кисточкин, опора и основа любого культа, притом не фельетонный жлоб, а талант, умница, карьерист, без сомнения с партбилетом в кармане, человек с безусловным и заразительным обаянием. Оттого и особенно страшный (Козаков:182).

Помните, вы, еще не прошедшие испытаний, вы, которых в кабинетах с дубовыми панелями будут склонять на погромные выступления и которым взамен посулят квартиру, внеочередной автомобиль, кафедру, лабораторию, отсрочку пенсии, поездку в Японию, издание книги или даже (в особых случаях) собрания сочинений, помните: вам не удастся уйти в темноту. Наступила пора гласности. Ваше предательство будет выставлено на всеобщее обозрение, ваши доносы извлечены из архивов и сейфов, ваше имя предано позору. Что литератору дороже имени? Может быть, только истина.

А если он наплевал на истину и опозорил имя, что ему остается?
Петля (Эткинд:40-41).

Общеизвестна четырехкомпонентная структура оценки, включающая объект оценки, субъект оценки, основание оценки и ее характер, или собственно оценочный компонент, путем интерпретации сводимый к абсолютным оценочным предикатам. Кроме того, в модальную рамку входит ряд других составляющих, и в первую очередь фрагмент картины мира, - это система ценностей субъекта, включающая как систему ценностей социума, к которому принадлежит субъект, так и связанную с ней индивидуальную систему ценностей самого субъекта.

Среди разнообразных по форме оценочных высказываний выделяют две разновидности, которые различаются по семантике и по синтаксической структуре (Вольф 1985). В логике противопоставляют два основных типа выражения модальности – модальность *de dicto* и

модальность *de re*. В структуре *de dicto* модальный оператор приписывается предложению (суждению), в то время как в структуре *de re* модальность приписывает определенный признак вещи.

В модальности *de dicto* оценочная структура оформляется конструкцией *модус – диктум*. Оценочные модусы выражаются наречиями, глаголами, модальными словами. В форме *de re* оценка относится непосредственно к обозначению субъекта и выражается прилагательными – определениями или предикативами, глаголами и предикативными сочетаниями. Как структуры *de re* Е.М. Вольф предлагает рассматривать и те случаи, когда оценка входит в значение самого слова: *кляча*- лошадь со свойствами, которые оцениваются как плохие.

По наблюдениям Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1999), оценка задает определенные параметры дискурса. Оценочные предикаты информативно недостаточны. В тексте так или иначе компенсируется их смысловая неполнота и неоднозначность. Самым простым примером является дескриптивное развертывание оценки, состоящее в том, что вслед за оценочным предикатом эксплицируется эталон или фактическое положение вещей. Хотя общая оценка является итогом сопоставления положительных и отрицательных свойств объекта (последовательность сообщений часто не отражает ход практического рассуждения: говорящий сначала сообщает аксиологический итог, а потом приступает к фактической характеристике объекта. Отношения в дискурсе между оценкой и дескрипцией аналогичны катафоре. См.:

Калязин – плохой город, безнадежно унылый, неживописный, с подслеповатыми угрюмыми домишками. Единственное, что в нем есть, полузатопленная колокольня – русский ампир. На дне водоема покоится затопленный собор, а еще тут взорвали прекрасный монастырь,

*достопримечательность и гордость заштатного городишки. **Калязин неизменно хуже Кашина, куда мы тоже наведались.***

*В Кашине сохранились белые остовы церквей и монастырских подворий, купола, колокольни в окружении старых **прекрасных** деревьев: вязов, берез, лип, тополей. Тут создан в бывшей церкви (вернее, в соборе женского монастыря) очень **хороший** музей, которым руководит **милая молодая** женщина Вера Алексеевна. Музей закрыт на инвентаризацию, но директриса сразу узнала меня, позвонила, чтобы помещение сняли с сигнализации, и устроила для нас прекрасную экскурсию (Нагибин: 450-451).*

Практически всегда интерпретируется краткое прилагательное *хорош*, *хороша* (*собой*) в значении 'красивый'. Это находит естественное объяснение в том, что красота не стандартна. См. '**бесконечно красивая**' в Таривердиев:59. То же самое с *привлекателен*, *привлекательна*. Но оценка '*красивый*' может и не интерпретироваться. См. Козаков:321.

*А Белла всегда была такой. Она поразительно не изменилась с годами. Такая **странная, бесконечно красивая, утонченно-жеманная, но абсолютно естественная. Она никогда не наигрывала. Такое вот создание. Такой вот редкостный необычный цветок. Какая-то странная смесь татарской княжны и русской царевны. В ней не было простоты, в ней никогда не было панибратства. Сколько помню, а мы знакомы так много лет, мы всегда были с ней на «вы». И мне всегда было странно, когда к ней обращались на «ты». Она как-то всегда от всего дистанцировалась, при полной симпатии, расположении, нежности. Поразительной красоты и совершенства женщина. И такой она и осталась** (Таривердиев:59).*

*Арсений Александрович всегда казался мне очень **красивым**. Даже тогда, на Рижском взморье, когда я мало что смыслил в **истинной***

красоте и даже не знал, чем занимается этот красивый необычной красотой человек на протезе (Козаков:321).

При этом эксплицируются два вида отношений. **Интерпретирующие** отношения предполагают ответ на вопрос: *Что значит хороший (плохой)?* (Таривердиев:59). **Каузальные** отношения предполагают ответ на вопрос типа *Почему хороший (плохой)?* См.:

***Я самая большая сволочь на свете.** Мне позвонили в Москву и сказали, что заболел Проня [собака. - Т.Р.]. Но я пьянствовал и не прислал врача. Я подло придрался к тому, что в какой-то момент Гелла сказала, будто Проне стало лучше.*

Врач приехал лишь на следующий день, сделал все ритуальные действия, и к вечеру Прони не стало.

*Я ждал от себя чего угодно, но не такого подлого **предательства.** Я предал* своего младшего бессловесного братика, доверившего мне свою жизнь, когда крошечным комочком, почти умещавшимся в моей варежке, он поехал со мной от теплого бока матери. Хорошо же я послужил ему, хорошо **выполнил** свой малый долг (Нагибин:178-179).

Таким образом, общеоценочные предикаты обладают сильной валентностью на смысловое развертывание. Эта валентность предопределена их информативной недостаточностью. Ср.:

*Евстигнеев был на несколько лет старше нас. Он пришел к нам уже на второй курс законченным **профессионалом.** До этого, после окончания Горьковского театрального института, служил актером Владимирского драматического театра <...>....он пришел в школу-студию **бывалым актером,** баловнем города Владимира.* (Козаков:31).

Общая отрицательная оценка еще более настойчиво, чем положительная, требует экспликации. Отрицательные оценки обладают более сильным валентностным потенциалом, чем положительные. Хотя

отрицательная оценка автором не всегда интерпретируется. См. Козаков:33.

Как мог красавец Массальский, мой педагог, человек не слишком образованный, что было понятно на его занятиях по мастерству, играть Тузенбаха?! (Козаков: 33).

Отказ от оценки — имплицитно тоже оценка, как правило, отрицательная: *«Старики стали уже действительно очень стары, а среднее поколение и молодежь... нет и продолжать не хочется!» (Козаков:212).*

Общая оценка не всегда нуждается в развертывании. В тех случаях, когда она не является глобальной, а характеризует лишь один из аспектов объекта, возникает необходимость в ограничении сферы ее действия. Ср. Нагибин:558, Таривердиев:66; Козаков:233 (метафора *Тель-Авив — американизированный Баку*).

Совсем непросто остаться приличным человеком в наше время, даже такой пассивный подвиг дается кровью (Нагибин:558).

Он [Василий Аксенов] произвел на меня впечатление человека очень чистого, благородного. Повесть его была тонкой, изящной и пронзительной (Таривердиев:66).

Частнооценочные предикаты охотно образуют разные виды конъюнкции (Арутюнова 1999): чистую конъюнкцию (*и* - отношения) противительную конъюнкцию (*но* - отношения, *да* - отношения, *реже*, *а* - отношения), уступительную конъюнкцию (*хотя* - отношения), возмещающую конъюнкцию (*зато* - отношения).

Школа К.И. Мая наложила сильный отпечаток и на мои интересы, и на мой жизненный, я бы сказал мировоззренческий, опыт. Класс был разношерстный. Учился и внук Мечникова, и сын банкира Рубинштейна, и

сын швейцара. Преподаватели тоже были разные. Старый майский преподаватель Михаил Георгиевич Горохов обучал нас два года перспективе почти как точной науке; преподаватель географии изумительно рассказывал о своих путешествиях и по России, и за границей, демонстрируя диапозитивы; библиотекарь умела порекомендовать каждому свое (Лихачев: 119).

Но вот уже что могу утверждать определенно. Пьеса Аксенова и наш спектакль «Всегда в продаже» был **лучше, интересней, талантливей, чем** вся трилогия вместе взятая, да еще трижды помноженная. **Хоть** за него нас ничем не удостоили, **а** за трилогию Ефремов фактически и получил Государственную премию СССР 68-го года. Формулировалось это так. «За последние режиссерские работы». **И дай ему Бог! Давно пора было отметить нашего «фюлера»** (Козаков:196).

К моему времени университет официально титуловался так: Саратовский ордена Трудового Красного Знамени университет имени Н.Г. Чернышевского, а по-простому — СГУ. То же имя украшает и наш оперный театр, откуда я заключаю, что с Набоковым у меня изначально имелась хотя бы одна общая точка. **Зато** театру драматическому было присвоено имя Карла Маркса — **видимо**, из уважения к уже изведенным тогда немцам Поволжья. Не повезло в этом смысле **лишь** консерватории, носившей имя Леонида Собинова, **да** Театру юного зрителя, и вовсе безымянному (Ильин:194).

Между тем общеоценочные предикаты выражают некоторый итог. Они объединяют аксиологически релевантные признаки. Поэтому для них конъюнкция менее характерна. Союз **и** присоединяет предикаты с тем же аксиологическим знаком. Противительная и уступительная конъюнкция присоединяет предикаты с противоположным аксиологическим знаком.

Общеоценочный предикат может входить в состав как первого, так и второго конъюнкта. Если общая оценка стоит во втором конъюнкте, она подавляет собой частные достоинства или дефекты. Союз *но* сигнализирует о нарушении аксиологической гармонии. Ср.:

Прежде чем перейду к Некрасову, скажу два слова и о Лермонтове, чтоб оправдать то, почему я тоже поставил и его как уверовавшего в правду народную. Лермонтов, конечно, был байронист, но по великой своеобразной поэтической силе своей и байронист-то особенный — какой-то насмешливый, капризный и брюзгливый, вечно неверующий даже в собственное свое вдохновение, в свой собственный байронизм. Но если б он перестал возиться с больной личностью русского интеллигентного человека, мучимого своим европеизмом, то наверное бы кончил тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой, и на то есть большие и точные указания. Но смерть опять и тут помешала. В самом деле, во всех стихах своих он мрачен, капризен, хочет говорить правду, но чаще лжет и сам знает об этом и мучается тем, что лжет, но чуть лишь он коснется народа, тут он светел и ясен.<...> Повторяю, оставался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признававшего правду народную, а может быть, и истинного «печальника горя народного». Но это имя осталось Некрасову... (Достоевский: 503-504).

Если общеоценочный предикат занимает первое место, возможны два вида конъюнкции — противительная и уступительная. В первом случае можно ввести модальность оценки (*может быть*), во втором — нет. См.:

Гейченко натура не трагическая, скорее шутейная... И все-таки с ним интересно, без него жизнь станет куда тусклее (Нагибин:398.)

Возмещающая частица *зато* не может войти в но- конъюнкты, если в первой части стоит общая положительная оценка, только если отрицательная. См.:

Деревенский дом, ориентир — скотный двор. Правда, скотины в нем не было, колхоз в Мутовках был никудышный. Но зато были коровы у местных, а значит, мы пили молоко. Молоко и черный хлеб. Детство, счастье...

В Мутовках было два особенно привлекательных места — река Воря и абрамцевская усадьба. Я не ошиблась в порядке — узкая извилистая речка была у нас на первом месте. Купались мы в бочаге, нестрашном и веселом днем, при ярком солнце, темном и таинственном в сумерках, когда стелился туман по болотцам у реки и начинало пахнуть дикой смородиной и крапивой.

Правда, для меня радость от купания кончилась быстро. Андрей залетел научить меня плавать и, следуя известному методу, швырнул меня в речку. Сделать это ему не составило труда — была я маленькая и такая худая, что в то лето меня звали «вымирающий индус». Плавать, правда, я не научилась, но зато еще долго боялась воды (Тарковская:121-122).

Таким образом, для общеоценочных предикатов наиболее характерна уступительная конъюнкция и наименее естественна «чистая» и- конъюнкция. Для частнооценочных предикатов одинаково приемлемы все виды конъюнкции (но, зато, да, хотя) (Арутюнова 1999). Очень часто указанные виды конъюнкции алогичны, что тоже является средством оценки. См «интеллигентность и подлость» - прием «срывание масок» Л. Чуковская, т. 3:182, С. Довлатов.: «Он хитрый, мелкий, но довольно симпатичный»; «Прочел с удовольствием. Рассказы замечательные. Плохие, но замечательные», С. Довлатов, Проза, Т.2, 20; «Загадка

Фолкнера. Смесь красноречия и недоговоренности» С. Довлатов, Сборник. 17.

По наблюдениям исследователей, истинностная оценка выражается преимущественно грамматически (модальностью), этическая – лексически.

Семантика истинности связана с модальностью «кажимости», утверждения / отрицания, приблизительности, неопределенности, предположения, недостаточного основания.

Отношения соотнесения, сопоставления, сравнения, выделения, подчеркивания выражаются союзами, сравнительными частицами, сравнительными конструкциями. *Как* выражает реальное сравнение; *будто*, *как будто*, *точно*, *словно* — гипотетическое; *будто* свидетельствует о личной ассоциации автора, о субъективности предположения; *как будто*, *точно*, *будто* представляют внешнюю точку зрения, говорящий от нее дистанцируется, могут служить средством внутренней диалогизации речи; *словно*, *как если бы* отражают точку зрения говорящего, являющуюся и точкой зрения самого субъекта ситуации; *будто бы* употребляется для подчеркивания неискренности поведения объекта описания («*будто бы* вскользь сообщил» Нагибин, 93), для выражения неуверенности в том, что сообщается, или полного его отрицания («*Как неправда и то, что Ефремову будто бы удалось создать театр исключительно потому, что другом его был Аджубей*» Козаков, 117); в обороте *все равно что* (*как*) частица *все* подчеркивает невозможность, абсурдность сопоставления; союз *так же, как* является знаком абсолютного уподобления предметов. Идею сравнения выражает прилагательное *похожий* и его дериваты.

Логическая операция сравнения лежит в основе семантики альтернативы (выбора). Тексты, в которых заключена идея выбора, не однородны по своей семантике: их специфика зависит от типа синтаксических структур, оформляющих семантику альтернативы, от их

интонационного оформления, от семантики альтернативных союзов, их экспрессивных возможностей, от семантики лексем, выражающих идею выбора.

Из союзов наиболее выразителен одиночный союз *или*. Структура с союзом *или* часто используется в заголовках исповедальной прозы (А. Зубов «Сорок дней или сорок лет?»; И. Смоктуновский «Быть», имплицитно присутствует прецедентный текст «Быть или не быть!»). Повторяющиеся альтернативные союзы *или, либо* могут быть экспрессивно-категоричными, свидетельствовать о «максималистском способе мышления», оформлять речевой акт угрозы, ультиматума. В исповеди подобный речевой акт возможен только в пересказе от третьего лица, что объясняется интенциональной направленностью жанра, спецификой адресата.

В функции предпочтения без основания выбора используются компаративы *лучше, раньше, охотнее, скорее, легче* и подобные. Автономное *лучше* и др. оставляет за адресатом право выбора; сочетание *лучше с* частицей *уже* имеет значение «неуступчивой уступчивости» в ассоциативном диалоге, инфинитив с частицей *бы* плюс «*лучше*» — значение ирреального (возможного) предпочтения. Автономное *лучше* выражают ценностные сравнения. Для ментальности языковой личности, представленной в исповедальной прозе, актуально соотнесение следующих категорий: *любовь / свобода, любовь / скорбь, добро / зло, нравственность / безнравственность (богатство / бедность), талант / бездарность, здоровье / нездоровье* и др. Предпочтение может быть выражено также конструкцией с союзом *а* при отрицании, простой и составной формами сравнительной степени прилагательного в предикативном употреблении, поддерживаться устойчивыми сочетаниями, союзными средствами, частицами.

Сопоставление в тексте градационно ведет к противопоставлению, которое часто осложняется оттенком уступки: уступка семантически предполагает возмещение или более сильную степень — замещение.

Логическую оценку нельзя категорично противопоставить эмоциональной оценке. Рассматривая их когнитивную структуру, исследователи приходят к выводу о тесной связи интеллектуальных и эмоциональных процессов человеческой деятельности.

Так, например, существует понятие **интеллектуальная эмоция**. Но если, в целях осознания специфики, разводить интеллектуальную и эмоциональную системы человека, то следует сказать, что логическая оценка — это результат процесса мышления, интеллектуальной деятельности, языковыми маркерами которой являются следующие: *воображать, представлять, считать, полагать, понимать, осознавать; интуиция, озарение; доходить, осенять; знать, ведать; верить, догадываться, подозревать; помнить, запоминать, вспоминать, забывать* и т.п. Интеллектуальная деятельность локализуется в *сознании (уме, голове)* и выполняется им же. Семантические примитивы - «*знать*», «*считать*». Эмоции у человека локализуются в *душе, сердце* или в *груди*. Семантический примитив — «чувствовать» (Апресян 1995:42;47-48). .

Модальные реакции связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего, поэтому эмоциональность входит в модальность (через «я» говорящего). Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности. Категория модальности и категории эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого. Категория модальности значительно шире. Категория эмоциональной экспрессии относится к

внешней модальности и составляет ее ядро: в терминологии В.Б. Касевича (Касевич 1990), В.С. Храковского (Храковский 1986), модальность включает в себя два тесно взаимодействующих и взаимосвязанных типа, объективную и субъективную, или, другими словами, внутреннюю и внешнюю модальность. Внешняя модальность, в отличие от внутренней, относится ко всей пропозиции, в чем и реализуется тезис «эмоциональное отношение к предмету речи». При определении предмета речи доминирующей является внутренняя модальность, при определении эмоционального отношения — внешняя модальность.

Эмоции, представляя собой чувственную форму познания как непосредственную реакцию на внешний или внутренний раздражитель, основанную на удовлетворении потребности человека, в отличие от модальности, не являются фактором, конституирующим и определяющим характер суждения в логике.

Возникновению эмоции в большинстве случаев предшествует восприятие или интеллектуальное созерцание какого-либо положения вещей и его интеллектуальная оценка как плохого или хорошего для субъекта, вероятного или маловероятного и т.п. (Апресян 1995:42;47-48). Все это объясняет феномен модальности эмоций. Кроме того, очень многие речевые акты диктуются разного рода эмоциями (ср. *умолять*, *клеимить*, *бахвалиться*, *скулить* в значении «жаловаться» и т.п.) или желанием вызвать определенные эмоции у адресата (*стыдить*, *умолять*, *упрекать* и т.п.).

Все средства передачи эмоциональности могут быть классифицированы по характеру значимости и интерпретированы в терминах абсолютных оценочных предикатов «хорошо / плохо», отсюда логично предположить, что эмоциональность, будучи по природе антропоцентрической, должна соприкасаться с оценочностью, которая не мыслима вне субъекта оценки.

«Эмотивность» как собственно «оценочность» в том смысле, который подразумевается в работе Е.М. Вольф (1985), лишь косвенно соотносится с эмотивностью в теориях эмотивистов, где это понятие подразумевает не просто отношение субъекта к объекту, но отношение, связанное с эмоциями. «Эмотивный» (собственно оценочный) компонент характеризует прежде всего глаголы, которые указывают лишь на отношение субъекта к объекту, но не обозначают свойств последнего, такие как *нравиться / не нравиться, ценить, одобрять* и т.п. «Эмотивность» содержится также в семантике глаголов *эмоционального* отношения *радоваться, огорчаться, возмущаться* и т.п. (*радоваться* — хорошо, *возмущаться* — плохо). Глаголы *любить, нравиться, ненавидеть, восхищаться, восторгаться, негодовать* и др., являясь средствами выражения эмоционально-оценочного отношения, градуированы по степени эмоционально-оценочной реакции субъекта. В соответствии с концепцией панэмоциональности, любое слово языка эмотивно. Об этом говорится в работах Ш. Балли, Л.Б. Бабенко, В.И. Шаховского.

Индикаторами эмотивов являются фразеологизированные конструкции соответствующей семантики (например, вопросительные по форме высказывания, не имеющие собственно-вопросительного значения), междометные высказывания, прерванные предложения, эмоциональные паузы, парцелированные, сегментированные, присоединительные конструкции, повторы, восклицательные высказывания, императивы, суффиксы со значением уменьшительности, ласкательности.

Психологи утверждают, что в языке не может быть «прямого» отражения эмоций, но только такое, какое «снято» в языковых выражениях в формах пережитой эмоции или чувства. Так, Г. Шингаров замечает, что «в психологии понятие эмоции употребляется для сферы чувств-переживаний, а понятие эмотивности — для обозначения психических

процессов, связанных с эмоциями, но несводимых к ним» (Шингаров 1971:3;91). Иными словами, эмоции описываются в языке его формами (исключением здесь можно считать междометные формы, которые не описывают, а сигнализируют об эмоциональном состоянии субъекта), а это означает, что они выражены не непосредственно (в виде сигнала), а опосредованно — в виде описания чувств-отношений или чувств-состояний. Поэтому необходимо различать текст, целью которого является выражение эмоции, эмотекст в строгом смысле слова, и текст — эмоциональную оценку.

Итак, подводя итоги рассуждения о соотношении эмоциональности - оценки - модальности, можно сказать, что эмоция задает определенный угол зрения субъекта, провоцирует положительную или отрицательную модальность; эмоциональное состояние говорящего активизирует его аксиологическую деятельность, провоцируя категоричность оценочного содержания, гиперболизацию достоинств и недостатков оцениваемого предмета или лица и т.д.

2. Модальные факторы и модальные средства текстообразования

Любая текстовая категория является одновременно фактором (на уровне функции) и средством (на уровне способа выражения) текстообразования. Особенно это актуально для категории модальности, так как именно категория модальности, а не какая-либо другая текстовая категория имеет статус интегративной текстообразующей категории, формирующей концептуальную структуру текста, определяющей все другие категории и характеристики текста как антропоцентрического феномена. Текстовая модальность определяется авторской модальностью, тем сознанием, которое стоит за текстом, а оформляется, выражается средствами языковой (объективной / субъективной) и речевой модальности (как речевая категория модальность выходит за рамки лексической и грамматической семантики и включает коммуникативные стратегии и тактики). В дополнение к ранее описанному в лингвистике мы хотели бы привлечь внимание к типам значений субъективной модальности, средствам их выражения в текстах и способности того или иного субъективно-модального значения определять тип текста, стратегии и тактики построения текста, а следовательно, быть фактором и средством текстообразования.

Факторами текстообразования Л.А. Новиков (Новиков 1988) называет причины, обуславливающие, стимулирующие отбор языковых средств, необходимых для построения текста. Средствами текстообразования являются средства, обеспечивающие такие главные признаки текста, как связность, целостность, индивидуальное своеобразие и т.д.

Понятие «средства текстообразования» включает понятие «стилеобразующие средства», но не исчерпывается последним. Средства

стилеобразования – стилистически окрашенные средства – обеспечивают главное назначение текста, заданное функциональным стилем (общение, сообщение, воздействие) или идиостилем. Пересечение средств стиле- и текстообразования неизбежно. В роли средств текстообразования выступают языковые текстовые единицы (фонетические, морфологические, лексические, словообразовательные, синтаксические) в определенных комбинациях. Так, каждое последующее предложение текста содержит в себе намек на содержание предыдущих предложений, что обеспечивает единство текста. Языковые сигналы, указывающие на такую связь, служат средством межфразовой связи, не только формальной, но и содержательной.

«Факторы внешнего порядка, как и факторы стилеобразования, можно подразделить на объективные и субъективные. Объективные факторы «связаны с природой языка – речи», например, форма проявления языка – устная или письменная, вид речи – монологическая или диалогическая, жанр и т.п. Субъективные факторы характеризуют лишь личность «автора – и только ее» (Кожина 1982:161).

Иногда под объективными факторами текстообразования понимают те условия, которые существенны при образовании любого текста, а под субъективными – факторы, действующие при образовании отдельного художественного произведения.

«... объективным текстообразующим фактором является с и т у а ц и я. Отсюда стремление к денотативной интерпретации текста: понять текст – значит восстановить стоящую за ним ситуацию. Однако бывают случаи, когда читатель затрудняется в установлении связи «текст – ситуация», и тогда лингвистический анализ прибегает к выявлению текстообразующих средств – сигналов ситуации.

Фактором текстообразования является функциональный стиль. Средствами текстообразования – стилеобразующие единицы, пересечение которых образует языковую доминанту стиля» (Новиков 1988:152).

Категория субъективной модальности – одно из средств выявления индивидуально-авторского стиля. Субъективная модальность, составляющая, условно, оппозицию объективной модальности и входящая вместе с ней в авторскую модальность, может также служить показателем жанрово-стилевой отнесенности текста.

Можно подойти к выявлению особенностей индивидуально-авторского и функционального стилей традиционно, через систему стилистических средств. Но своеобразие текста (и стиля) нельзя сводить лишь к набору стилистических средств. Здесь нужно некое обобщающее начало. «Стиль интегрирует, унифицирует средства, составляющие речевое произведение, и в то же время дифференцирует данное речевое произведение, отличая его от других. Придавая ему законченность, стиль может существенно повлиять на его общий смысл. Можно сказать, что стиль в некотором роде является связующим звеном между принципом аккумуляции компонентов в их последовательности и суммарным смыслом, который, как представляется, концентрируется в одной точке. Стиль выступает здесь как своего рода «цементирующий материал» также и потому, что он проявляется в селекции и аранжировке образующих элементов не только на уровне собственно лингвистической структуры, но и на уровнях содержания...» (Гаузенблаз 1978:61). Субъективную модальность, как обязательную категорию текста, можно считать интегрирующим началом стилистических средств: стилистические средства действуют в рамках единой категории, реализуются посредством этой категории, и сама эта категория как некая объективная субстанция проецируется на индивидуально-авторский и функциональный стиль.

Таким образом, к выявлению своеобразия стиля текста можно двигаться двумя путями, индуктивным и дедуктивным. Индуктивный путь – это взгляд, проекция «снизу», от средств стилистики, от частных элементов. Дедуктивный путь – это проекция «сверху», от обобщенной семантико-грамматической категории модальности. Эта категория выступает как индикатор, помогающий выявить особенности стиля и жанра, как фактор текстообразования.

Сопоставим два текстовых фрагмента, связанные одной затекстовой ситуацией: оценка Америки, впечатления от поездки в эту страну (Ф.Абрамов, М. Рощин).

Дневниковые заметки об Америке Ф. Абрамова названы «Неужели по этому пути идти всему человечеству?». Это модальная доминанта заметок в целом. Модальное значение *о п а с е н и я*, нежелательности, невозможности. Весь макротекст дневников и любой микротекст дневниковой записи это доказывает. Композиция текста задана ключевым, коммуникативно-сильным, этапным предложением (ЭП) (Романова 1989) «*Что лучше?*», противопоставлены два концепта *русское духовное богатство (идеализм, вершина духа человеческого)* и *американская нищета духа (сытость, индивидуализм)*. При ответе на вопрос ЭП первый названный концепт сопровождается модальной оценкой *хорошо*, второй – *плохо*. Итоговое ЭП: *Не приведи Бог жить в нем* (г. Лос-Анжелес) можно отнести ко всему тексту дневниковых заметок.

Что лучше? Русское духовное богатство или американская нищета духа?

Русский народ поистине великий народ. В условиях большевизма велик духом, любознателен. Не озверел. А если бы дать ему элементарные человеческие условия? Что бы он наворотил? А может – ничего? Нет, нет!

Американская молодежь – ухоженные, отмытые современной цивилизацией дикари <...>

К правам человека. Средний американец, его духовная нищета – это преступление против человечности, а значит, и против прав человека. Почему американцы, президент, конгресс не бьют тревогу? Почему не занимаются своей страной?

*<...> У XX века свои семь чудес. Одно из них – вечерние огни Лос-Анжелеса. Но сам Лос-Анжелес! **Не приведи Бог жить в нем.** Каменные джунгли, человек как муравей. И как тут не вспомнить чудо на Неве!... (Абрамов:113).*

Соответственно виды оценок (отрицательная, положительная) совмещены в тексте и определяют его индивидуально-стилевые особенности. См.:

*Только что вернулся из Америки. Ну, брат, повидал я там дела, повидал землю и коровушек. **Чудеса! Фантастика! Долго нам не видать ничего подобного** – нужны реформы. И реформы коренные, всеобъемлющие [Ф. Абрамов. Письмо к Н. Жерникову] (Абрамов:12).*

*За месяц я не очень мог вникнуть во все сложности американской жизни. **Но, знаете, чего не хватает Америке? Русского идеализма. Русского порыва к горным вершинам духа человеческого...** Я не хотел бы жить в другой стране. Только в России. **Сытость, индивидуализм Запада – это не по мне.** Это не для меня [Ф. Абрамов. Из письма к И. Дудник] (Абрамов 1997:12).*

М. Рощин свои дневниковые записи «На открытом сердце» называет главами из книги «Америка».

Пишется эта «Америка» уже лет десять, не меньше, и пишется каждый день, и снова и снова уплотняется, - вот эти строчки я буквально пишу накануне нового отлета в Штаты – в девятый, между прочим, за эти годы раз, - читатель легко поймет, какое множество набралось за

столько-то разов впечатлений, но вы увидите, что это не просто очерк, не одна лишь моя личная малая история, как ни велика она для меня; я торопился хоть с первой частью, с этими давними главками успеть, - 500 лет назад открыли Америку, мы все открываем ее для себя по-прежнему каждый день, и я хочу участвовать в этом открытии, плыть в команде Колумба – с любовью и сердцем к этой земле, такими же, как к своей земле и ко всем своим (Рощин 1992:81).

Модальная доминанта повествования *с любовью и сердцем*, которая обуславливает следующую авторскую модальную доминанту долженствования: *поучиться бы*. Поэтому в композиции заметок нет сопоставления. Впрочем, есть одно, но в пользу Америки – о мусоре, мусор *интересный, неинтересный*. См.:

Кстати о мусоре. Кто-то рассказывал: специалисты-американцы приехали к нам, чтобы договориться о постановке мусороперерабатывающего оборудования, заводов-мусорщиков. Прежде всего требовалось изучить сам мусор. Они его изучили и пришли к выводу: у вас мусор «неинтересный». Я готов в это поверить: по сравнению с американским – наверняка. <...>

Они не сентиментальны. Они относятся к упаковке как к упаковке: донес, вынул – гуд бай! Так рождается «интересный» американский мусор, «классовый», если угодно, мусор страны, где много богатых людей, где один выбрасывает такое, что другой не погнушается подобрать да еще спасибо скажет (Рощин 1992:97).

По форме записки – скрытый диалог с недоброжелателем – обобщенным субъектом. См. текст:

Принято поносить американцев за то, что они испокон веку сманивают к себе нужные «мозги». Пользуются чужими достижениями, перекупают, перехватывают, внедряют у себя то, что могло бы быть внедрено на отеческой почве той страны, откуда «утекли» мозги. А

*потом тем же самым «отцам» продают новинку втридорога. Даже спектакли теперь продают по лицензии, целиком, например, идет с успехом пьеса на Бродвее, ну-ка, протолкнем ее в Мексику или в Гондурас: с музыкой, оформлением, мизансценами, костюмами, - берите, ребята, оптом, ставьте, успех обеспечен, делать ничего не надо, только гребите денежки и отваливайте нам за лицензию. И вам **хорошо** и нам **хорошо**. Если так, то, конечно, не больно красиво. **Но что в том плохого**, если люди рыщут, носом чуют новое, хватают, внедряют. **Получиться бы такой расторопности и противопоставить ей свою, чтобы не утекало. Чтобы не из дома, а в дом** (Рощин 1992:98).*

Превалируют положительные оценочные семы и когда автор говорит о городах Америки, и о политике, и о театре, и о людях, и об американский провинции.

Итак, по жанру и функциональному стилю это сходные произведения. Отражая одну и ту же ситуацию, они тем не менее различаются текстообразующими факторами и средствами. У Ф. Абрамова текстообразующими факторами являются модальная доминанта нежелательности и оценки *хорошо / плохо*. Текстобразующими средствами – композиция сравнения, противопоставления, вопросительно-восклицательные предложения, противоположные оценочные семы («+»; «-»).

У М. Рощина текстообразующий фактор – модальность оценки («+», отношение сердечной любви) и долженствования. Текстобразующие средства: композиция (скрытый диалог, спор), оценочные семы («+»).

Обе книги доказывают неразрывную связь, взаимообусловленность цепочки фактор – средство. Факторы текстообразования (в нашем случае – модальная доминанта) стимулируют, обуславливают отбор и комбинации языковых средств текста. Средства текстообразования содействуют превращению разрозненных языковых сегментов в связное целое; они

цементируют, скрепляют текст, придают ему черты индивидуальной неповторимости.

Итак необходимо разграничивать факторы и средства текстообразования. Категория модальности выступает как индикатор, позволяющий выявить особенности стиля, жанра текста. Модальность обуславливает и другие признаки текста. Тип модальной доминанты определяет степень ответственности текста. Большой мерой ответственности обладают тексты с модальной доминантой волеизъявления, с эмоциональной доминантой, меньшей – с интеллектуальной. Таким образом, модальность является фактором текстообразования. Коэффициент модальности и степень воздействия текста зависит от средств образования, положенных в основу конкретного текста. Форма выражения категории модальности определяет ее статус как средства текстообразования.

3. Модальность интеллектуальной квалификации

В соответствии с модусами знания, мнения, волеизъявления, оценки в качестве распространенных нами выявлены следующие модальные доминанты: интеллектуальная доминанта, модус знания и мнения (утверждение / отрицание; неясность / уяснение; кажимость; уверенность / убежденность; возможность / невозможность; определенность / неопределенность); диалогическая доминанта, модус мнения (возражение / согласие); оценочная доминанта, модус оценки (этическая, эстетическая, логическая (истинно / неистинно; сопоставление; соотнесение; противопоставление; подчеркивание; модализированное сравнение); эмоциональная доминанта, модус оценки; волюнтивная доминанта, модус волеизъявления (желательность – необходимость – долженствование – императивность). Основываясь на модальных доминантах, мы выделяем соответствующие типы текстовых фрагментов: текст – интеллектуальная реакция, текста – диалогическая реакция, текст – оценка, эмотекст, текст – волеизъявление, текст – нормативная квалификация.

Классификация текстовых фрагментов по типам ведущего модального значения, на наш взгляд, позволит дополнить и уточнить классификацию речевых регистров и рематических доминант Г.А. Золотовой (Золотова 1982; Золотова и др. 1998). Особый интерес для нас представляют волюнтивный и реактивный регистры. Именно эти регистры представляется возможным подразделить на значения, соответствующие ведущему модальному значению конкретного фрагмента: желания, возможности, убежденности, необходимости и др. Помимо этого, согласно исследованию Г.А. Золотовой, горизонтальные координаты репродуктивного и информативного типов регистров связываются с вертикальной координатой текста (семантическими типами предикатов) и распределяются по зонам динамики повествования

(акциональная рематическая доминанта) и статики описания (предметная, качественная или статальная рематическая доминанта). Для волюнтивного и реактивного регистров не установлено такого вертикального рематического доминирования, поэтому есть необходимость в выделении подтипов импрессивной рематической доминанты, что даст возможность более полного описания волюнтивного и реактивного регистров речи.

Предполагая, что любой текстовый фрагмент может быть квалифицирован с точки зрения модальной семантики, мы анализировали, в основном, тексты с эксплицитно выраженной семантикой, близкие к прототипическому варианту в системе, не претендуя на рассмотрение всех возможных вариантов, реализующих тот или иной инвариант. Необходимо учитывать также ограниченность материала нашего исследования жанром, стилем, эпохой. На другом материале, думается, будут актуальны другие модальные доминанты и типы текстовых фрагментов. Большинство из перечисленных тактик описаны нами в *Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: Дис. доктора филол. наук: 10.02.01 – С. Петербург, 2004.* и в *Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб., 2003.* Здесь мы остановимся на модальностях, не включенных в названные источники.

3.1. Определенность / неопределенность

В оппозиции определенность / неопределенность более маркированным для русского сознания является значение неопределенности. Указанная семантика связана с семантикой неясности, кажимости. Модальная неопределенность согласуется с некоторыми чертами национальной ментальности, в частности, с ее дистанцированностью от действительности. В 1918 г. В лекции «О

русском уме» И.П. Павлов говорил: «<...> не любит смотреть на подлинную действительность» (Павлов 1991; цит. по Арутюнова 1999:816).

Выделяют два типа неопределенности, признаковую (*какой-то, как-то*) и модальную (кажимость (*как бы*) и модальность неуверенности) (Арутюнова 1999:847).

Доказано, что в русском языке ФСП определенности / неопределенности представляет собой функциональное в своей основе единство, образуемое взаимодействующими языковыми единицами разных уровней: полицентрическое ФСП рассеянной (диффузной) структуры с множественностью слабо связанных друг с другом или изолированных разнородных компонентов и неясной выраженностью границ между центральной и периферийной зонами поля. Специалисты уточняют характер ФСП определенности / неопределенности в русском языке следующим образом: это слабо центрированное поле с двумя явно выраженными, но не равноправными центрами, линейно-интонационным (порядок слов и фразовая интонация), который тесно связан с актуально-коммуникативной структурой высказывания, и центром, образованным строевыми лексическими средствами, т.е., местоименными детерминативами (Гладков 1992; Диалектика текста 1999:209).

Из эксплицитных средств выражения неопределенности исследователи указывают конструкции, в состав которых входят: 1) разделительные союзы (*или; либо... либо; а то и; то... то* и т.п.). Ситуация неопределенности – это затруднение с выбором; 2) модальные слова со значением неуверенности (*видимо; возможно; кажется; как будто* и т.п.):

Думаю, что есть ситуации, когда результат каких-то предварительных раздумий и предчувствий сказывается на решении, принимаемом мгновенно и, казалось бы, неожиданно, необдуманно. В

случае успеха мы говорим: я сделал это чисто **интуитивно**, тогда как **на самом деле** в подкорке шел длительный процесс, который и заставил совершить тот или иной решительный и жизненно важный шаг.

Мне не хотелось идти во МХАТ, несмотря на предопределенность моей актерской судьбы в его стенах, - а может быть, именно в силу этой **предопределенности**; *не хотелось*, несмотря на то, что, поступая во МХАТ, я тем самым сразу связал бы свою судьбу с зарождающимся «Современником» и **мог бы стать** одним из основателей дела, возглавляемого Олегом Ефремовым.

И напротив, мне **хотелось** пойти в чужой, малознакомый театр Маяковского к «формалисту» Охлопкову, о котором я **почти ничего** не знал. А тут еще Гамлет замаячил, мой юношеский сон, моя **смутная мечта**, которая грозила теперь **обернуться явью**...

Решение было принято мгновенно. Буквально за сутки **судьба** моя **была решена** (Козаков:38).

Как указывает Н.Д. Арутюнова, «попадая в позицию вводного слова», почти все предикаты истинности, необходимости, восприятия и знания получают значение предположительности, т.е. модальной неопределенности» (Арутюнова 1999:816). 3) группы, указывающие на приблизительное количество (*около...; пять-шесть...; минут 10; от ... до ...; 10 рублей с копейками* и т.д.). 4) неопределенные местоимения (*кто-то; какой-нибудь; кое-что* и т.п.). Неопределенные местоимения и местоименные наречия характеризуются дополнительными семами, как персональность, темпоральность и т.п. 5) условные союзы (в собственно условном, но не так называемом «сопоставительном» значении: *Если Коля пришел, он принес груши*).

В.З. Санников (Санников 1987: 32-37), объединивший рассматриваемый класс неопределенных утверждений в пять перечисленных видов конструкций, не настаивает, что этот ряд конечен.

Кроме указанных языковых средств, назовем лексические средства (см., например, *сумрачная тональность, трагедийный подтекст, витает в дух, таится, как это ни странно* (Иволгин: 238) [семантика странности]; *неопределенным, представлялась* (Нагибин: 41-42); по наблюдениям Арутюновой (там же: 829), обобщение в повседневной речи служит дополнительным средством выражения ее неопределенности и незавершенности (*вообще, и вообще, как-то, совсем, не совсем, в общем-то*).

Как отмечают авторы коллективной монографии «Диалектика текста», модальность определенности / неопределенности носит ярко выраженный коммуникативный характер, обозначая условия взаимопонимания и степень осведомленности собеседников о предмете высказывания в процессе общения, поэтому функционирование данной семантики тесно связано с проявлением субъективного отношения говорящего к действительности (Диалектика текста 1999:205).

В.З. Санников выделяет несколько типов неопределенных утверждений. Первый тип: «вынужденно-неопределенные» (или «неуверенные») утверждения. В целом условия успешности «вынужденно-неопределенных» или «неуверенных» утверждений могут иметь приблизительно такой вид: говорящий (Г) не может сказать полной правды либо он недостаточно осведомлен (модальность недостаточного основания по Арутюновой, см. ниже Козаков: 150), либо он описывает гипотетическое будущее (см. ниже Бродский:74); эта семантика может структурно членить текст: противопоставление определенности / неопределенности:

Табакон начинает говорить, повышая голос, пытаясь придать своей интонации гражданскую весомость.

Его обрывают и говорят ему, по-видимому, что-то не менее весомое, после чего он уже не сопротивляется, о временах маккартизма не поминает, а вяло мямлит в трубку:

- Нет, я понимаю, но как-то глупо получается... как-то стыдно перед ним... А что придумать?.. – И долго вздыхает в трубку. – Да, да. Нет, я понял... До свидания... (Козаков:150).

В общем, он был влюблен в пространство, и особенно в морское. Он хотел, чтобы у России был флот, и своими руками этот «царь-плотник», как называет его современники, поострил первый корабль (ныне выставленный в Военно-морском музее), используя навыки, приобретенные в дни работы на голландских и британских верфях. Так что его видение было вполне определенным. Он хотел, чтобы город был гаванью для русских флотилий, крепостью против шведов, столетиями разорявших эти берега, северной твердыней державы. В то же время он представлял себе город как духовный центр России: источник разума, наук, просвещения, знания. Реализации этого видения и была подчинена вся его сознательная деятельность; это было не то что побочные продукты военных посягательств в последующие эпохи (Бродский:74).

Сознавая коммуникативную неполноценность своего сообщения, Г. Считает его полезным для слушающего (С), поскольку он считает, что либо более точная информация не обязательна, либо сообщение облегчает поиск более точной информации. См.:

Но, огорчаясь, любил. И вот когда шла травля компаративиста Эйхенбаума, Ираклия, его Ираклий, подписался под какой-то статьей или даже написал какую-то статью (Козаков:22).

Г предполагает, что С знает о ситуации еще меньше, чем Г; либо в условиях общения нет источника более точной информации, либо такого источника нет вообще: что-то, не уверен, кажется.

Второй тип неопределенных утверждений – «намеренно-неопределенные утверждения». Этот случай, когда говорящий не хочет сказать точнее. Данный тип неопределенных утверждений делится на два подтипа: «утверждение о чередующихся ситуациях выбора» (см. ниже Козаков: 187-188, 171, а также ниже Козаков: 17) и «утверждения, абстрагированные от несущественных деталей одной ситуации» (см. Козаков:18, а также выше Козаков:22).

*На спектакль Никита Сергеевич пришел с семьей и сопровождающим чином. Чин охранял **то ли** его от людей, **то ли** людей от него – скорее всего и то и другое* (Козаков:187).

***То ли** шутит, **то ли** злится, черт его разберет. Делать нечего...* (Козаков:171).

*Анна Андреевна одевалась и диктовала это стихотворение, подкрашивая губы, поэтому звук был приглушенный. Надевая свои лучшие вещи, которые, как она мне рассказывала, раздобыла ей Ольга Бергольц по **каким-то** лимитам, на которые она формально не имела никаких прав – **какое-то** черное платье, черно-бурая лиса, - она рассказывала нам попутно бытовые детали этого дела, и что она сейчас **более или менее** одета, и тут же она сказала, что накануне они были в Пушкинском доме, в музее, где выставлена часть кабинета А.А. Блока, в том числе папироса, которую он не докурил и оставил в пепельнице* (Козаков:18).

Условия успешности намеренно-неопределенных утверждений могут быть сформулированы так: «Г не сообщает полной правды, намеренно опуская сведения, не представляющие, по его мнению, интереса для С: либо распределение (временное, пространственное и т.п.) нескольких чередующихся ситуаций; либо указание некоторого участника или признака одной ситуации». Например, Нагибин:451 – абстрагирование признаков: *какой-то скрытый порок (то ли ... то ли)*. Автор недоговаривает что-то, т.к. а) считает ненужным (см. выше Козаков:22);

б) не считает важным (см. Козаков: 17-18 – неопределенно, т.к. безразлично; в) и то и другое (см. выше Козаков:150).

Для исповеди характерна тактика «точно не помню» (см. выше Козаков: 17-18; 18). То, что неважно с точки зрения говорящего, подается приблизительно (Козаков:18), то, что важно, помнит очень точно (см. выше Козаков:40). Нужно разводить неопределенность и недоговоренность (умолчание – намек), см. выше Козаков:22.

В оппозиции определенность / неопределенность для русского языкового сознания более маркированной является семантика неопределенности.

Модальность неопределенности характерна для русской языковой личности в целом: она согласуется с некоторыми чертами национальной ментальности, с стремлением более к стихии, аномалии, неопределенности (Н.Д. Арутюнова; Ю.Н. Караулов). Это доказывает и употребление языковых средств: «попадая в позицию вводного слова, почти все предикаты истинности, необходимости, восприятия и знания получают значение предположительности, т.е. модальной неопределенности» (Арутюнова 1999:816).

Личность, речевой портрет которой характеризуется модальностью неопределенности, можно квалифицировать как языковую личность, склонную к описанию гипотетического будущего, не склонную скрывать свою осведомленность или, напротив, умалчивающую, недоговаривающую известное, склонную выражаться намеренно-неопределенно. Противостоит этим двум типам личность, как правило, выражающаяся определенно. К первому типу можно отнести Ю. Нагибина, А. Наймана, ко второму – М. Козакова, И. Бродского, В. Рецептера, О. Павлова, А. Кончаловского, к третьему – А. Солженицына, Е. Эткинда, П. Басинского, М. Захарова, Д. Лихачева, Л. Чуковскую

Функционирование рассмотренной семантики связано с проявлением субъективного отношения говорящего к действительности. Значения определенности / неопределенности возникают в процессе сообщения и носят ярко выраженный коммуникативный характер: говорящий (пишущий) учитывает осведомленность слушающего (читающего), приспособливает то, что он говорит (пишет) к тому, о чем адресат, по его мнению, думает в данный момент.

Основными стратегиями текстов с модальной доминантой неопределенности являются следующие:

- выражение недостаточной осведомленности (тактические средства: *или; или ... или; а то и; ли.. ли; не то... не то; то ли ... то ли; может... (а может; кажется; как будто; вроде бы; видимо; вероятно; скорее всего; то – местоимения; около; больше; меньше; 5-6...; рублей 20-30...; если...)*);

- описание гипотетического будущего (тактические средства: *или; или ... или; а тои; ли ...ли; может... (а) может; видимо; вероятно; скорее всего; нибудь – местоимения; около; больше; меньше; 5-6...; если)*; эта семантика может структурно членить текст: противопоставление определенности / неопределенности.

- облегчение адресату поиска более точной информации (тактические средства те же, плюс авторские лексические средства, средства обобщения: *вообще, и вообще, как-то, совсем, не совсем* и др.);

- сокрытие более точной информации, намеренно-неопределенные утверждения; данная интенция реализуется в трех основных тактиках:

1) автор опускает сведения, недоговаривает, умалчивает. Тактика, характерная для мемуарной исповеди (*точно не помню*), которую необходимо отличать от классической неопределенности. Кроме того, нами выявлены две причины указанной тактики: а) нежелание субъекта что-то сообщать; б) субъект то, что не считает важным, «не помнит», а то, что считает важным, воспроизводит очень точно, помнит «определенно»;

2) сообщение о чередующихся в пространстве, времени и т.д. некоторых ситуациях (тактические средства: *или...; ли; а то и; то...то; нибудь-местоимения; около; больше; меньше; 5-6...; если...*);

3) абстрагирование от несущественных деталей одной ситуации (тактические средства: *кое- местоимения; около, больше, меньше*).

3.2. Уверенность / убежденность

Значения уверенности / убежденности противопоставлены модальностям неясности, кажимости, неопределенности и модальности недостаточного основания.

Рассматриваемая модальность в исповедальной прозе чаще всего эксплицируется предикатами *уверен* и *убежден*. Между названными предикатами есть ряд существенных смысловых различий (Лауфер 1993). Во-первых, они различаются степенью категоричности: с помощью предиката *убежден* высказывается более «сильное», более категоричное мнение, чем с помощью предиката *уверен*. Ср.:

В одном из почти сотни пярнуских писем Самойлова, которые у меня хранятся, - лестный комплимент: «Очень жду твоей прозы. Уверен, что ты выдающийся мемуарист. Если помнишь, ты однажды читал мне кусок ленинградских воспоминаний с письмами Эйхенбаума. Было весьма интересно» (Козаков:281).

*Фильм и спектакль – результат сотворчества писателя, режиссера, артистов. Я много раз говорил тебе, что **убежден**: трудно, даже невозможно сделать роль вопреки замыслу режиссера, и никогда не будет игра убедительна без помощи партнеров (Леонов:216).*

Модусы *уверен* / *убежден*, употребленные для введения оценки (субъект оценки – адресат), оформляют речевой акт комплимент. См. выше М. Козаков.

Отсутствие эксплицитно выраженных модусов уверен / убежден является тактическим средством смягчения категоричности. См.:

Мы говорили: я люблю этого писателя, а того не люблю, а это – плохой писатель. Читая книгу, следует постараться понять в первую очередь человека, который ее написал, взглянуть на мир его глазами. Если его взгляд на мир совпадает с твоим – его любишь, он может не совпасть, но быть интересен. Его можно полюбить и за это. Но главное – понять его. Это происходит далеко не всегда, поэтому так опасно утверждать: этот плохой писатель, а этот – хороший. Лучше – мне нравится или мне не нравится (Козаков:343).

Во-вторых, уверенность, в отличие от убежденности, предполагает наличие мотивировок, объяснений, обоснований. См. выше Козаков: 281; ср.:

*Был там один персонаж, тоже летчик, написанный драматургом как типичный выразитель сталинской догмы. На все вопросы, которые могли тревожить, у него один ответ: «**Так надо!**» Почему «так надо», зачем «так надо», наконец, кому «так надо»? Неважно, «так надо». Автор пьесы как бы **иронизирует** над этой позицией, но в конце он и устами самого Коновалова яростно ее **провозглашает**: «**Так надо!**» (Козаков:48).*

Но реальное речевое употребление в текстах исповедальной прозы делает это различие не столь очевидным. Ср. аргументацию в тексте с доминантой убежден и категорический отказ от обоснования веры, даже вопреки очевидному, в следующих текстах.

*Но **убежден**, никогда и никто не учил наших критиков уважению к личности. В известном смысле это понятно – такова традиция. Кажется, Герцен сказал, что никому в Европе не пришло бы в голову высечь Спинозу или отдать в солдаты Паскаля. В российской истории это заурядные факты. Вспомните трагические судьбы прошедшего через*

десятилетия солдатчины Шевченко, повесившегося после унижения порки Сороки, объявленного сумасшедшим и посаженного под домашний арест Чаадаева. Только в нашей «пассионарной» стране могли быть написаны слова, принадлежащие перу столпа отечественной критической мысли: «... одного страстно желаю по отношению к нему: чтобы валялся у меня в ногах, а я каблуком сапога размозжил бы его... физиономию... Пусть заведутся черви в его мозгу и издохнет он в муках – я рад буду¹». О ком бы ни были эти слова написаны – о писателе самом бездарном или самом реакционном, **не слишком ли непомерен накал эмоций? Не слишком ли велики притязания критика?**

Помните «Чайку» Чехова? Я – помню. **А помните, что писала о ней критика? Нет? Не странно ли?** В определенном смысле художнику везет, ибо, как правило, критические статьи печатаются на газетной бумаге, которую нам предприимчивый народ использует для заворачивания селедки или для иных, гигиенических надобностей, хотя общеизвестна антигигиеничность подобного употребления ввиду вредности свинца, из коего льют печатные формы. **Но ведь это мы с вами не помним, что писала критика о «Чайке», а Антон Павлович помнил!** Поклялся в истерике никогда не писать для театра... Депрессия Рахманинова после критических отзывов о Первой симфонии длилась три года. О живом Врубеле критика вообще писала в прошлом времени. А что писали шведские критики о Бергмане, левые итальянцы о Феллини? **Где все эти статьи? Кто их читает?...** (Кончаловский. Низкие истины:341).

<...> И дело врачей... Но **ты ни на секунду не сомневаешься, значит: «Так надо!» Ты всосал это с молоком матери, тебе это внушили, ты веришь Ему, Он Надчеловек, Он почти Бог!** (Козаков:59).

Демонстрируемую тактику можно назвать тактикой опровержения очевидного, схема ее реализации: *хотя, но (уверен, убежден)*. В отсутствие

---

¹ Белинский В.Г. Полн. Собр. Соч. Т. 12. С.109.

обоснований равно допустимы оба предиката (См. возможность замены в примере Козаков: 48).

Третий отличительный признак рассматриваемых предикатов – временная отнесенность. Уверенность локализована во времени: она возникает, приходя на смену сомнениям, исчезает при переоценке имеющихся сведений или поступлений новых. Можно говорить о существовании уверенности, возникновении, исчезновении, возвращении. См. Бродский: 16; также Козаков: 59; 281.

Как ни странно занятое тобой место, если оно хоть сколько-нибудь прилично, будь уверен, что в один прекрасный день кто-нибудь придет и потребует его для себя или, что еще хуже, предложит его разделить (Бродский:16).

Форма повелительного наклонения обозначает, как правило, действие, обращенное в будущее. Здесь *будь уверен* в значении «всегда должен быть уверен».

Убежденность не связана с временем, она проявляется единственным способом: как нечто, всегда имеющее место, непреходящее. См. выше Кончаловский, Леонов.

Четвертое семантическое отличие рассматриваемых предикатов состоит в том, что уверенность характеризует внешние проявления состояния, убежденность – внутренние, скрытые свойства. См. примеры выше. Убежденность – только состояние, уверенность – еще и чувство. Ср.: «*Вера не уверена... Иногда ей кажется...*» (Нагибин: 451). Чувство, состояние нередко выражается в оценке, которую дает субъект (*весьма интересно; Он Надчеловек, Он почти Бог*. М. Козаков). Ср. также:

Было ли что-нибудь еще для меня в этом решении стать частью паствы русского православия? Не знаю. Пожалуй, было еще одно смутное чувство: теперь я не один в мире. Я не одинок. Кто-то большой, сильный, добрый взял меня слабого, трусливого, одинокого под

свое крыло, под свою защиту. И он, несомненно, поможет мне, поведет меня по жизни, поддержит во всех моих начинаниях и устремлениях. О своем долге перед ним я, разумеется, тогда не только не думал – даже не догадывался, не знал, что такой долг есть, должен быть и что именно это и есть самое главное и самое что ни на есть трудное, а подчас и мучительное (Козаков: 240).

Уверенность в приведенном примере выражена имплицитно.

Итак, уверенность – эпистемические и эмоциональное состояние; имеет место в некоторый момент времени; способно проявляться в разной степени; как правило, имеет те или иные причины. Убежденность – эпистемическое состояние; безотносительно ко времени; не имеет степеней проявления; не имеет причин.

Модальность уверенности / убежденности перекрещивается с модальностью утверждения / отрицания. Все средства, усиливающие семантику утверждения / отрицания, корректируют ее в сторону уверенности / убежденности.

Семантическое поле уверенности / убежденности отлично от смежных семантических полей знания и мнения. Уверенность / убежденность – это утверждение знания. Объектами мнения и / или веры чаще являются рассуждения и внутренний мир субъекта, а не внешняя реальность.

Если предикат уверенности / убежденности заменить на предикат знания (ср. *Уверен (знаю), что миллиона два петербуржцев сразу ответят деньгами.* Розенбаум:47), то выраженная степень убежденности намного больше: говорящий перестает уже отдавать себе отчет в субъективности собственной веры - и она становится для него объективным знанием. Ср.: *Я знаю это потому, что с тех пор уходы мои повторялись – с нарастающей частотой* (Бродский:15).

Будучи противопоставлены знанию по признакам неполноты и субъективности, акты мнения и веры противопоставляются друг другу по своему «психологическому обоснованию». Акт мнения («Я думаю, полагаю, считаю...») основывается, как правило, на эмпирических посылках. Слова *думаю, полагаю, считаю* подразумевают некоторую (пусть неэксплицируемую) цепочку логических обоснований. См.:

Мне кажется, Мариенгорф и отец стали соавторами исключительно из-за своей дружбы, общности взглядов и положения. Что касается творческой стороны, я думаю, они были не нужны друг другу, писали по-разному и оба это понимали, что не мешало им обожать друг друга, ежедневновидеться помимо работы и даже носить костюмы, сшитые из одного материала, у одного литфондовского портного. Они были как Пат и Пташон. Анатолий Борисович – длинный, с длинным лицом, длинными конечностями, а папа – маленький, толстенький, с брюшком и чаплинскими усиками на круглом лице (Козаков:14).

В этом случае актуальны тактики опровержения общепринятого утверждения (*считают – думаю*; см. ниже Козаков:93; 178);

Я думаю, что в этом решении проявилась сила, а не слабость тогдашнего коллектива. У ребят была идиосинкразия ко лжи, и это свойство, воспитанное в коллективе тем же Ефремовым, сработало, несмотря на ностальгическую грусть по студийным основам, на которых начиналось дело «Современника», дело Ефремова и его сотоварищей, основателей театра: Жени Евстигнеева, Гали Волчек, Лили Толмачевой, Игоря Кваши, Олега Табакова, Вити Сергачева... (Козаков:14);

Противоречия (уступка) обычному, привычному:

При моей, как многие считают, уникальной памяти на стихи я с великим трудом задолбил строки Роберта Рождественского, которыми открывался праздник <...> (там же: 178);

Опровержения прошлого мнения через сегодняшнее знание:

Я их осуждал, горевал, глядь – через полгода и сам оставил жену с двумя детьми... То есть это я так думал, но выяснилось, что и она выходит замуж за другого. Вот какие бывают переломные моменты – и в жизни людей, и в жизни целого коллектива, когда все рушится, все меняется со страшной скоростью и появляется чувство нестабильности и думается: как выплывем? Однако не мною сказано: все проходит. Все проходит, все образуется, но ничего, видать, не забывается (Козаков:179).

К средствам, реализующим указанные тактики, относятся антонимическое противопоставление (*другие – я; <...>, а не <...>*), схемы (*хотя, но*) и др.

Акт веры / убежденности основывается на иррациональных посылах. В случае, когда модусы мнения не сопровождаются логическим обоснованием, их семантика сближается с модусом веры/убежденности. См. (*я думаю – мы это чувствовали*):

Мне – в застолье, на моем же дне рождения, в присутствии гостей – он выдавал такой анализ моей работы, что гости недоумевали: «За что он тебя так не любит?» Но я думаю, что именно тогда он и любил меня и всех нас. И мы это чувствовали, хотя обидно порой бывало до слез (Козаков: 93).

И Б. Шатуновский подразделяет виды мнения на два типа: объективное и субъективное. Первое выражается глаголом *думать*, второе – *считать* и *полагать*. Первый тип – результат отражения фрагмента действительности, второй – создается умом. Соответственно, двум типам мнения свойственна разная степень уверенности-категоричности (Шатуновский 1993:127-133). Ср. Козаков: 14 (*Я думаю= мне кажется*); Козаков:44 (*считает*); Козаков: 45 (*не думаю*); ниже Козаков: 301 (*полагаю, не думаю*).

*И он, Охлопков, многое продумал за это время и **считает**: все, что произошло, пойдет на благо процветания нашего театра...*(Козаков:44)

*Потом не рассказывали, как перед гастролями за границу в Болгарию, куда повезли этот спектакль, Л.Н. Свердловин всерьез ставил вопрос об охране, которая должна сопровождать его, исполнителя роли И.В. Сталина. А мало ли что? Все-таки хоть и Болгария, но заграница... Анекдот? **Не думаю**. Уж очень похоже на правду (там же:45).*

Тактика совмещения речевых актов убеждения /уверенности и речевого акта мнения в однородном ряду приводит 1) к повышению аргументативной силы уверенности и убеждения, 2) к градационному усилению, совмещению внутреннего и внешнего, скрытого и явного, состояния и его проявления, чувства и его выражения (в оценке). См.:

*«**Я думаю, я уверен**: он погубил в себе самое дорогое, что было в его природе, - трагикомическое начало дарования, редчайшее свойство художника (Козаков: 103); «Теперь, задним числом, задним умом, которым многие из нас крепки, **я думаю, я уверен**, что на мой вопрос, когда-то заданный Игорю Кваше в кафе «Националь»: «А кто же Чехов?» - был бы абсолютно правомочен ответ: «Вампилов» (там же:126).*

Форма «он верит», «он убежден» (лицо – субъект веры и убеждения и субъект оценки не совпадает) несет на себе отпечаток снисходительного пренебрежения к чужому заблуждению. См. выше М. Козаков: 48; ср.:

*Современные актеры высокого класса всегда будут завораживать внимание зрителя, даже если **зритель будет уверен**, что Отелло задушит Дездемону. Все дело в тех неожиданных, непредсказуемых зигзагах при движении к печальному финалу.*

Этот театральный эффект глубоко исследовал и доказал выдающийся немецкий драматург и режиссер Бертольд Брехт.

Во время милой беседы двух людей на сцене он мог сделать объявление: «Он убьет ее через пять минут». Потом мог объявить: «До

преступления осталась минута». И эта минута при определенной высококлассной режиссуре и актерском существовании никак и никогда не снизит зрительского интереса. Может быть, наоборот, усилит интерес к происходящим незримым изменениям в сознании сценических героев и манере их поведения (Захаров:96).

Указанная форма не всегда связана с выражением авторской иронии, автор может и разделять чужую точку зрения, см.:

Помню, по просьбе Самойлова я прочитал тогда «мудрому Стасику» Рассадину и нашей компании только что написанную Д.С. «Беатриче». Рассадин – один из последних рыцарей русской литературы. Полагаю, что он и по сей день думает, что поэт в России всегда больше, чем поэт. Я, кстати, разделяю эту точку зрения, оттого мы с ним и дружили даже на расстоянии, хотя далеко не всегда и во всем соглашаемся друг с другом (Козаков:301).

Авторская точка зрения может совпадать с чужой во времени. См. прием субъективной отстраненности – о себе во 2-м лице (выше – Козаков: 59): «отгоняет сомнения» - тактика обнаружения противоречия («И дело врачей... Но...»).

«Если знание, - пишет М.Г. Селезнев, - существует в сознании субъекта независимо от своего речевого выражения, то акт веры тесно связан с языком – вера оформляется именно актом ее исповедания (внешнего или мысленного). Связь акта веры с исповеданием веры объединяет глагол *верить* с перформативами; возможность внутреннего, невыраженного исповедания – разделяет» (Селезнев 1988:246). Суть проблемы можно пояснить, сравнив глагол *верить* с близким ему, но подразумевающим обязательное внешнее выражение глаголом *исповедовать*, относящимся к числу «классических» перформативов. Ср.:

А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество. Я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал (Достоевский: 375-376).

См. невыраженное исповедование в примерах выше, Козаков: 59; 48; 240.

Формы «я верю...», «я убежден» определенным образом связывают и обязывают человека, подобно обещанию, оформляемому перформативом «я обещаю» или клятве, оформляемой перформативом «я клянусь».

Поскольку для выражения уверенности и убежденности не требуется основания, полярно связанной с модальностью уверенности / убежденности является модальность достаточного / недостаточного основания. Семантические операторы (наречия) *вправду, воистину, истинно, действительно* указывают на большую уверенность / убежденность.

Для выражения модального значения уверенности / убежденности важна композиция текстового фрагмента, велика роль синтаксических средств: структур предложений, средств и способов связи частей сложных предложений.

Для текстов с модальной доминантой уверенность / убежденность, как правило, характерна двухкомпонентная семантическая структура. Семантические отношения между частями текста задаются следующими тактиками:

1. Тактикой ограничения утверждаемого, оговорка. Схема: *уверен / убежден, но* (Леонов: 216).

2. Тактикой опровержения очевидного. Схема: *хотя, но верю / убежден* (Козаков: 59).

3. Тактикой опровержения общепринятого утверждения: *считают – думаю* (Козаков: 93; 178); противоречия (уступка) привычному (Козаков: 186), опровержения прошлого мнения через сегодняшнее знание

(Козаков: 179). Средство реализации указанных тактик: антонимическое противопоставление (*другие – я; <...>, а не <...>*); схемы (*хотя, но*) и др.

4. Тактикой обнаружения противоречия в своей и чужой точке зрения. Прием: субъектная отстраненность – о себе во 2-м лице (транспозиция личных форм); «замалчивание» сомнений (*Хотя...; Но...*) (Козаков:59).

Интенция убеждения (направленная на адресата, в отличие от убежденности) и уверенности предполагает следующую текстовую структуру: тезис – мотивировка (аргументы, демонстрация).

Рассмотренная модальная семантика, указанные речевые тактики эксплицируют определенный тип языковой личности: личность, взгляды, мнения которой очень часто противоречат общепринятым, поэтому склонную возражать, отстаивать свое мнение; языковую личность, которой свойственна высокая степень субъективности, оценочности, перволичная форма повествования и рассуждения, употребление перформативных модусов, гиперболизация своего «я» (М. Козаков, А. Розенбаум, Д. Самойлов, И. Бродский, Е. Леонов, М. Захаров и др.).

4. Модальность диалогической реакции: возражение / согласие

Речевое общение, построенное на отношениях, - позиция — «согласие» и позиция — «несогласие», - это интеллектуальное и эмоциональное явление, модальное по своему содержанию, отражающее процесс познания окружающей действительности. Согласие — несогласие — это полное или неполное совпадение или несовпадение концептуальных позиций субъектов.

Модальность согласия — несогласия эксплицитно диалогична. Реакция согласия — несогласия в диалогической речи возникает в ответ на реплику-стимул и связана с областью говорящего (адресанта) и слушающего (адресата). Данная модальная семантика полисубъектна. Диалогичность модальных реакций (их открытость, закрытость) определяется степенью категоричности выражаемого намерения. Первый перлокутивный эффект при категоричном возражении — собеседник чувствует неуважение к своему мнению. Вводные компоненты, выражающие высокую степень уверенности: *очевидно, естественно, несомненно, безусловно, само собой разумеется, я убежден...* - не нужны тому, кто согласен с автором, и вызовут негативную реакцию у тех, для кого данное мнение как раз не очевидно и не само собой разумеется. Мягче и цивилизованнее звучит: *мне кажется, представляется, на мой взгляд; я думаю, что...; мне близка другая точка зрения.* См.: Достоевский:266-267 (не знаю, согласитесь ли...).

Не знаю, согласитесь ли вы со мной, но когда наш русский идеалист, заведомый идеалист, знающий, что все его и считают лишь за идеалиста, так сказать «патентованным» проповедником «прекрасного и высокого», вдруг по какому-нибудь случаю увидит необходимость подать или заявить своё мнение в каком-нибудь деле (но уже «настоящем» деле,

практическом, текущем, а не то что так в какой-нибудь поэзии, в деле уже важном и серьезном, так сказать, в гражданском почти деле), и заявить не как-нибудь, не мимоходом, а с тем, чтобы высказать решающее и судящее слово, и с тем, чтоб непременно иметь влияние, — то вдруг обращается весь, каким-то чудом, не только в завязатого реалиста и прозаика, но даже в циника. Мало того: цинизмом-то, прозой-то этой он, главное, и гордится. Подает мнение и сам чуть не щелкает себе языком. Идеалы побоку, идеалы вздор, поэзия, стихишки; наместо них одна «реальная правда», но вместо реальной правды всего пересолит до цинизма. В цинизме-то и ищет ее, в цинизме-то и предполагает ее. Чем грубее, чем суше, чем бессердечнее, тем, по-его, и реальнее. Отчего это так? А потому, что наш идеалист, в подобном случае, непременно устыдится своего идеализма. Устыдится и убоится, что ему скажут: «ну, вы идеалист, что вы в «делах» понимаете; проповедуйте там у себя прекрасное, а «дела» решать предоставьте нам». Даже в Пушкине была эта черта: великий поэт не раз стыдился того, что он только поэт (Достоевский:266-267).

Продуктивной является следующая стратегия возражения: уяснение (удостовериться в том, что вы поняли собеседника: «Вы хотите сказать, что...», см. Бродский:180); согласие («Я согласен с тем...», см. Бродский:82-83); возражение (аргументация своей позиции — возражение под видом согласия («да, но...»¹)). См. Солженицын:88.

---

¹ Мы можем долго говорить по вопросу кича. **Есть такое мнение у недоделанных людей, что Шишкин — это кич. Розенбаум, «Гоп-стоп» - это тоже кич. Раньше я спорил, сейчас — нет. Кич так кич. Пусть. А что такое кич? Это то, что любят миллионы людей. Почему ты считаешь, что миллионы — козлы, а ты один умный? А я, как доктор, могу сказать, что такое кич. Это то, что люди ноздрями чувствуют, инстинктом. Кора головного мозга у нас у всех разная — в силу образованности, в силу генотипа, в силу окружающей среды, воспитания и многих других вещей. Но инстинкты у нас у всех одинаковые. Боимся мы одинаково — что вор в законе, что член-корреспондент Академии наук в области философских изысканий.**

Средства оформления: «действительно», «спору нет», «не спорю», уступительно-противительные фразеосхемы.

- *Вам надо тихо сейчас сидеть!* — *внушает.*

Любовь к женщине с точки зрения инстинкта совершенно одинакова у всех. Это цветы мы дарим разные и по-разному — один с поклоном, другой с реверансом, третий просто в лицо сунет. Но есть нечто, что одно, и оно одинаково реагирует. Кич — это воздействие прежде всего на инстинкты, и они далеко не всегда низменные. Не надо наши инстинкты равнять с низменностью. Инстинкт — это страх, это любовь, это нормально, это здоровое ощущение человека. Хуже, когда у человека нет инстинктов, когда у него одна кора, а подкорки нет, — это плохо. Это уже не человек, а растение, по земле ходящее.

Поэтому для меня понятие кича — не обидное, а совершенно нормальное. Другое дело, что кич может быть более цивилизованный и менее цивилизованный, более интеллектуальный и менее интеллектуальный, — в зависимости от того, кто это сделал. Но это будут любить двести миллионов — вся страна... Они что, все болваны? Если певицу Линду любят неизмеримо меньше, это не значит, что певицу Линду не надо слушать. Это же можно сказать и про Махавишну, и про «Битлз», и про Шнитке, и про Моцарта...

Моцарта любит половина земного шара. А сколько умников говорят, что это кич? Примитивный, дескать, человек, любит Моцарта, Вивальди, Баха, «Лунную сонату», «К Элизе»... А вот я Шнитке слушаю. Хотя сам в Шнитке, как правило, ничего не понимает. Но это отдельная история — про любовь.

Как нормальный человек может не любить Моцарта? Нормальный человек не может себе позволить такой роскоши — не любить Моцарта. При этом, если он музыкант, он может и должен играть Шнитке, но не любить Моцарта невозможно. Бах, Моцарт, Вивальди, Верди... Вагнера я могу слушать с напрягом, но мне это нужно для общего образования. Зато, когда я слышу Верди, мне плевать, кич это или не кич, я просто купаюсь в этой музыке.

Понятия «кич», если это сделано талантливо, для меня нет. Слово это придумано для того, чтобы оправдать свою несостоятельность. Тот человек, который состоялся, оправдывает себя тем, что состоявшегося называет кичевым. «Маяковский — это кич». Напиши ты хотя бы десятую часть того, что написал Маяковский, и так напиши. А человек, который сам ничего не может, называет это кичем.

Народ — сто миллионов дворников, академиков, учителей, студентов, врачей, бандитов, продавцов пива, шоферов, домохозяек, совершенно разных людей — это любит. Лишь человек, который не состоялся, будет говорить: «А-а, это все кич».

Сидит в зале секретарь обкома партии, сидит диссидент или сидит вор в законе, и все трое «тащатся» оттого, что им спели про любовь понятно, нормально, по-русски. Это что, кич? Пускай про меня говорят: «Он работает на всех. Конъюнктура». Да, «он» работает на всех — «он» работает для всех! Пусть «он» спел хоть двоим, — не очень-то интересуюсь, кто из них вор, а кто академик. И если то, что я спел, попало обоим в душу, значит, это сделано правильно. (Розенбаум:21-23).

Сейчас — да, я согласен. Но все же честно предупреждаю, если «РК» («Раковый корпус») напечатают за границей — я разошлю писателям свои объяснения. (Какие объяснения — тоже нельзя говорить. Прежде времени ему скажи — лапу наложит, и плакало мое «Изложение». Так запретитель сам себя обрекает не знать никогда вовремя правды...). (Солженицын, Бодался теленок..., № 7:88).

Правила речевого поведения предписывают сопровождать возражение выражением хотя бы частичного согласия с мнением собеседника. При помощи этикетки «да, но...» говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли. Возражение при этом подается как простое уточнение в общем-то верной мысли (Булыгина, Шмелев 1997). См.:

Я сужаю понятие «невольник» не из ученых соображений и не по недостатку душевной широты. И не прочь согласиться с тем, что человек, рожденный в неволе, информирован о свободе генетически или духовно: из прочитанного, не то просто по слухам. Следует добавить, что его генетическая жажда свободы, как и всякое стремление, до известной степени непоследовательна. Это не действительная память его разума или тела. Отсюда жестокость и бесцельное насилие столь многочисленных восстаний. Отсюда же их подавление, другим словом, тирания. Смерть такому невольнику или его родным может представляться освобождением. (Известное «Свободен! Свободен! Наконец свободен» Мартина Лютера Кинга). Но как быть с теми, кто родился свободным, а умирает в неволе? Захочет он или она — и давайте не впутывать сюда церковные представления — считать смерть утешением? Быть может. Скорее, однако, они сочтут ее последним оскорблением, последней непоправимой кражей своей свободы.

Тем именно, чем сочтут ее родные или сын; тем, что она и есть по сути. Последнее похищение (Бродский:450).

Рассмотрим средства выражения согласия / несогласия в тексте.

Основная функция слова *действительно* состоит в том, чтобы подтвердить, что обсуждаемая ситуация имеет место в действительности: говорящий сначала сомневался в истинности поступившей информации, а затем удостоверился в ней. В этом смысле можно говорить, что *действительно* выражает согласие, при этом оно акцентно выделяется. Ср.: *Тогда режиссер Георгий Ансимов ушел из Большого в оперетту. Он предложил Марине Чуровой помочь ему в новом для него театре, не оставляя ее основной работы в Большом. Марина согласилась, но поставила условие: переворот в оперетте. Действительно, как надоели эти нафталинные спектакли, очередные «Летучие мыши», «Цыганские бароны», герои- простаки и неперенные хэппи-эндсы, эти бодрые моряки в опереттах советских композиторов. Я так же, как и Марина Чурова, терпеть не мог эту развлекательную полуоперу с ходульными героями и вставными музыкальными номерами. И ее стремление перевернуть репертуар и эстетику этого театра мне было понятно (= я был согласен с этим. — Т.Р.) (Таривердиев:211).*

В реальных текстах слово *действительно* чаще всего используется для полемики, когда, соглашаясь с какой-то частью, говорящий возражает против существа мысли оппонента (Булыгина, Шмелев 1997:306-307). В данном случае слово будет безударно. См.:

Очень часто приходится слышать о свободе русского человека. Да, русские действительно чрезвычайно свободны внутренне, и не удивительно, что компенсацией этому является отсутствие свободы внешней. Свободное общество они создать не в состоянии (или пока не в состоянии), и именно из-за неумения себя регламентировать. Каждый

хочет быть свободен сам — всем стать свободными при этом заведомо нереально (Кончаловский. Низкие истины: 113).

Семантику возражения под видом согласия поддерживают выделенные в тексте средства; вставная конструкция с семантикой ограничения утверждения смягчает категоричность. См. еще пример:

*На моих глазах создавалась картина «Маскарад». Очевидно, Николай Константинович написал эту картину потому, что его несбывшейся мечтой была роль Арбенина. Я стал восхищаться этой картиной, а Николай Константинович спрашивает: «**Неужели** вам действительно нравится?» Он не верил, когда ему говорили, что его живопись прекрасна... Очень многие картины, написанные Симоновым в годы войны, были замазаны, а его коллеги по театру К.И. Адашевский и О.Я. Лебзак вспоминали их с восхищением и восторгом* (Фурманов: 240).

Удостоверительный вопрос, выражает удивление, сомнение, требует подтверждения (согласия) или возражения. Семантику слова *действительно* поддерживают противительно-уступительные отношения, выраженные союзом *а* в последней конструкции.

Таким образом, слово *действительно* имеет две текстовые семантики: 1) «снятие сомнений» при непарентетическом употреблении; 2) согласие с оговорками при парентетическом употреблении — текстовой маркер полемики по принципу «да, но...». Укажем, что реальное текстовое функционирование может опровергать эту тенденцию, указанную Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым (Булыгина, Шмелев 1997). Так, в следующем примере слово *действительно* выражает согласие — «снятие сомнений», но при этом акцентно не выделяется.

Француз действительно во всем противоположен англичанину, англичанин — существо берложное, любящее жить особняком, упрямое и непокорное; француз — стадное, дерзкое, но легко пасущееся. Отсюда два совершенно параллельные развития, между которыми Ла-Мани. Француз

постоянно предупреждает, во все мешается, всех воспитывает, всему поучает англичанин выжидает, вовсе не мешается в чужие дела и был бы готов скорее поучиться нежели учить, но времени нет, в лавку надо (Герцен:480).

Два типа употребления можно выделить и у выражения (я) *согласен*. Но с точностью до наоборот. При самостоятельном употреблении эта формула выражает именно согласие, тогда как вводное (парентетическое) *согласен* лишь вводит «область согласия» и предполагает последующее возражение См. выше Солженицын:88. В этом смысле можно сказать, что парентетическое *согласен* представляет собой знак несогласия. См. также выше Розенбаум:21-23. Сходным образом функционируют в русском языке средства: *спору нет, не спорю, бесспорно, несомненно, конечно безусловно*. Ср.:

Многие нынче говорят и пишут о крахе интеллигенции... Разве академик Сахаров — не русский интеллигент? А Свиридов? А Лихачев? А Солженицын?

Конечно, интеллигентны, но есть и разница (Залыгин:113).

Я помню, что когда мы готовили его творческий вечер в «Октябрьском», он совершенно искренне говорил: нужно ли это, может быть, народ не придет, будет неинтересно! Скромность его была удивительной, уникальной.

Конечно, был полный зал его поклонников! В течение нескольких дней, каждый вечер — четыре тысячи зрителей (Фурманов:140).

Свет или блеск? возразит мне кто-нибудь: свет ума или блеск интеллекта? **Пусть блеск**, отвечу я, **но попробуйте блистать в наших окрестностях — посмотрим, что у вас получится.** В глухие дни нашей юности, во времена тусклые и мутные, среди косноязычия, неуклюжести и тяжелой необщительности — нет, все-таки не блестела: сияла нам далекая рабочая лампа в почти иностранном Тарту. Блеск Школы

Лотмана, поздний свет Просвещения, грация свободной мысли и прелесть обхождения своих людей (Седакова:117).

Ср. также, Эткинд:29, 31 (возражение-уступка = согласие с оговоркой).

<... > - Ну что ж, — скажет профессор-зоолог, — подумаю. Только вы ведь меня знаете, я человек самостоятельно мыслящий, я скажу, что думаю. В травле принимать участия не собираюсь, но в научной дискуссии— почему бы нет? (И он в самом деле уверен в своей порядочности, позднее он сам себе удивится — как это его понесло? Как это случилось, что коллеги ему руки не подают?) <... > [уступка = согласие с оговоркой (условие), объяснение-мотивация. — Т.Р.].

<...> — Хорошо, - скажет академик, - только не ждите от меня речей, я произнесу несколько слов, а на мою активность не рассчитывайте: я выступлю только потому, что не согласен с научным направлением профессора Л, нужно молодых оберегать от его неверных идей. Я хорошо отношусь к Л, но истина мне дороже. <...> [согласие с оговоркой = уступка.— Т.Р.].

<... > — Хорошо, я выступлю, но говорить буду по сугубо частным вопросам, и ни слова о политике. В этом смысле не рассчитывайте на меня... [уступка ведет к полному согласию. — Т.Р.].

<... > А в этом смысле на нее никто и не рассчитывал. Для политических выступлений найдутся другие — их вполне достаточно на кафедрах истории КПСС, политэкономии и философии. Они подхватят то, что скажут Иван Степанович и Степан Иванович, все, что скажет она, преданная ученица, полагающая, что ее профессор отстал от современной научной методологии, и они дадут всему этому верную политическую оценку, они, как говорится, «расставят акценты» <... > (Эткинд:29, 31).

В синтаксисе подобные отношения классифицируются как уступительно-противительные. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «противительная конъюнкция в аксиологическом контексте отражает логику спора, предметом которого является обсуждение плюсов и минусов какого-либо объекта или положения дел. В первом члене выражается согласие с тем, что объект обладает некоторыми достоинствами (недостатками), а во второй части выставляется контрдовод, то есть открывается другая сторона медали. Допущение передается вводными словами *конечно, возможно, разумеется, надо признать* и др. <...> Аксиологический спор обречен на циркулярность. Очередной ход в нем может достигаться инверсией конъюнктов, превращением *зато* в *хоть*, и наоборот» (Арутюнова 1999:223-224). Прямые средства выражения: *хотя, но...; несмотря на...; хотя и...;* косвенные: *с одной стороны; с другой стороны* и т.д. Уступительно-противительные отношения являются средством организации не только синтаксических структур (предложений), но и текста: оформляют его композиционно и содержательно, намечают коммуникативную перспективу. Ср.:

«На заре морозной алой»,

дописал эту строку Свиридов. Он окутал пушкинские слова звуковым волшебством, которое всякий сразу узнает как волшебство. Конечно, волшебство таким не бывает. Это бесспорно, как и то, что зимняя заря — морозная. Но Пушкин почему-то этого не сказал! И волшебство его, если это волшебство, так сразу не узнаешь: оно небывалое. Оно не звучит и не действует, а молчит и ждет (Седакова:105).

С одной стороны, люди простые инстинктом и сердцем понявшие дело революции и приносящие ему наибольшую жертву, которую человек может принести, — добровольную нищету, составляют небольшую кучку праведников. С другой — эти худо прикрытые затаенные самолюбия, для

которых революция была служба, position sociale, и которые сорвались в эмиграцию, не достигнув места; потом всякие фанатики, мономаны всех мономаний, сумасшедшие всех сумасшествий... (Герцен.:135).

Схема «с одной стороны, с другой стороны» равна схеме «хотя, но», но, в отличие от нее, имеет сему 'сомнение'. На уровне текста подключаются и другие средства выражения рассматриваемых отношений.

Имплицитно согласие / несогласие может быть выражено вводной конструкцией со значением ссылки на чужое мнение (см. Козаков:209), безличной структурой с семантикой ссылки на обобщенное мнение (Козаков:89), вопросительным предложением (Козаков:95 «*Да разве в этом дело?*» - возражение = *Не в этом дело*), текстовым сближением семантики глаголов молчали = соглашались (Эткинд:71).

В «Современник» пришел тогда Валя Гафт, он-то и стал сразу репетировать Шамраева. Сыграл дядюшку в «Обыкновенной истории» и Стеклова в «Большевиках». В «Продажу» вместо меня вошел Мягков. Незаменимых, как утверждают, нет. (Козаков:209). [Имплицитное несогласие с общепринятым утверждением. Смысл ясен только из подтекста].

Какой ефремовский спектакль положил начало «Современнику»? Принято считать, что «Вечно живые», которыми открылась студия молодых актеров, о чем и извещала сине-белая афиша, приглашающая зрителей в филиал МХАТа. Формально так. Но трамплином послужила все-таки пьеса «В добрый час». А начало «Современнику» и его эстетике было положено в ЦДТ, где в одном спектакле, в единой точке скрестились три линии: Эфрос— Розов — Ефремов (Козаков:89).

Нет, никто не встал, никто этих слов не произнес. Все безмолвно слушали Докусова и, значит, соглашались с ним. Соглашаясь с ним в 1974 году, оправдывали его же речи и статьи 1949 года. Молчали из

страха. Молчали — по привычке молчать. Молчали — из неверия в свои силы. Я не перестаю думать об этом с глубокой тоской, похожей на отчаяние (Эткинд: 71).

Приведем еще примеры:

Помните «Чайку» Чехова? Я — помню. А помните, что писала о ней критика? Нет? Не странно ли? В определенном смысле художнику везет, ибо, как правило, критические статьи печатаются на газетной бумаге, которую наш предприимчивый народ... Но ведь это мы с вами не помним, что писала критика о «Чайке», а Антон Павлович помнил! Поклялся в истерике никогда не писать для театра... (Кончаловский. Низкие истины:341). [Первая часть — лакуна (восстанавливается *хотя, согласен*), вторая часть — частица и союз (*но ведь, а*)].

Какой русский не любит быстрой езды? Я русский, но — не люблю! И еще неизвестно, полюбил бы эту езду Гоголь, очутись он в наших условиях (Ильина:57). [Риторическое утверждение (косвенное согласие) используется в собственно-вопросительном значении (языковая лакуна = *хотя, но, частично согласен, но*)].

Да, для меня моя культурная среда, русская среда, осталась основной, единственной: в русской церкви я себя чувствую дома, в отличие от церкви протестантской или католической, от мечети или пагоды. И все же, все же... (Кончаловский. Возвышающий обман: 67). [Синтаксическая связь присоединение, оформленная при помощи частицы и союза, прием умолчания — средства организации отношений в смысловом сечении текста].

Наряду с рассмотренными, русский язык располагает средствами, «изначально» предназначенными для того, чтобы передать «возражение под видом согласия». Речь идет о конструкциях, охарактеризованных Д.Н. Шмелевым (Шмелев 1960) как уступительно-противительные

фразеосхемы. Фразеосхема допускает почти свободное лексическое наполнение, но при этом для заполнения двух синтаксических позиций в схеме предложения должна быть выбрана одна и та же лексическая единица, очерчивающая область согласия, союзы «а», «но» определяют область возражения. К подобным фразеосхемам относят следующие.

1. Им. + Тв. падеж, но (а).

Дружба дружбой, а...

2. Как отметила Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1990:177), в такого рода конструкциях особенно часто используются слова со значением подтверждения (*правда-то оно правда, верно-то верно, так-то оно так, правильно-то правильно*). См. выше Козаков:89 (*Формально так. Но...*) (Эткинд:231).

3. Конструкции «с инфинитивным эхом» (Булыгина, Шмелев 1997) *Пить-то пьет, а ум не пропивает*. Ю. Домбровский; глагольные конструкции. См. В. Некрасов:145-146² (*Написано-то было написано...*).

4. Структуры с именительным темой. *Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..* М. Лермонтов. К описанным в литературе фразеосхемам мы бы добавили структуры «улица как улица», «дома как дома» (В. Некрасов:150-151), «кич так кич» (см. выше Розенбаум:21-23), конструкции с семантикой возражения, в которых вопросительные слова десемантизируются и приобретают статус частиц. Это актуально для

---

² *Все, что тобою, читатель, прочитано до сих пор, написано более трех лет тому назад. И многое из того, что тебя ждет впереди, написано тогда же. Но...*

Написано-то было написано, и после последней фразы (можешь заглянуть в конец, она сохранилась) «до следующей встречи!» поставлен был восклицательный знак, и аккуратно перепечатанное на машинке отнесено в любимый журнал «Новый мир», где все принесенному обрадовались и сказали «наконец-то!» и что-то там потом было исправлено и добавлено (без этого нельзя), и опять прочитано, и написано, наконец, в левом углу рукописи «в набор», и...

*На этом все кончилось. Нет, не кончилось, началось нечто новое. Все изложенное несколькими строчками выше: **все эти** «принес, исправил, добавил, опять принес» **происходило не так молниеносно, как в той фразе** — длилось оно не меньше года. И год этот был далеко не самым уютным в моей жизни. Но поскольку уж я выбрал ту спокойную, неторопливую манеру изложения, я не внес в рукопись никаких существенных корректив, а принес и положил ее на стол редактору. Тогда-то, через два или три дня, была поставлена долгожданная надпись «в набор». Набрали, дали почитать, а потом набор рассыпали. Есть такое странное слово, вернее действие — рассыпать набор. Вот и рассыпали <... > (Некрасов:145-146).*

диалогических единств, коммуникативную перспективу которых определяют реплики-переспросы. Ср. выше Розенбаум:21-23 («Кич так кич. Пусть. А что такое кич?»); Эткинд:96 (Как не будем? Разве...; кому..., если не нам?).

А каким он был, Крещатик...

Скажем прямо, глядя сейчас на довоенные открытки, в особый восторг не приходишь — улица как улица, ну чуть пошире других, дома как дома, четырехэтажные, зелень, довольно жалкая, посередине трамвай ...

Скажи нам это в 20-е — 30-е годы, мы бы глотку перегрызли. Улица как улица? А где вы видели такие тротуары, такой ширины? Незавидные дома? А в начале улицы три 8-этажных дома, бывшие банки? А Бессарабка, Крытый рынок? А трамвай? Первый в России, и вагоны длинные, четырехосные, с тремя площадками, сиденья плетеные. Да что вы, ума лишились?

Да, мы влюблены были в свой Крещатик... (Некрасов: 150-151).

Я бросился на защиту Бродского. В Союзе писателей творчеством «молодых» занималась специальная комиссия, во главе ее стоял Даниил Гранин; я был членом этой комиссии и в качестве такового обратился к ее председателю. «Мы вмешиваться не будем», - отрезал Гранин. Как не будем? Разве это не прямая наша обязанность? На наших глазах происходит расправа с молодым писателем, — кому же его защитить, если не нам? Доводов Гранин не приводил; он отвергал возможность, а значит и необходимость помочь (Эткинд:96).

Фразеосхемы расчленяют и структурно оформляют текст. Обобщим сказанное.

1. Согласие / возражение — это интеллектуальная и одновременно эмоциональная модальная реакция, эксплицитно диалогичная,

полисубъектная. Наиболее тактически и семантически разветвленной, коммуникативно сложной в исповедальной прозе является стратегия возражения. Ее эффективность определяется степенью категоричности выражаемого намерения. При категоричном возражении достигается перлокутивный эффект, нежелательный для адресанта: адресат чувствует неуважение к своему мнению (тактики: *само собой разумеется, я убежден* и др.). Более продуктивными являются следующие тактики стратегии возражения: тактика смягчения возражения (*мне кажется, представляется; на мой взгляд; я думаю, что...; мне близка другая точка зрения* и т.д.); тактика уяснения («*Вы хотите сказать, что...*»); тактика частичного согласия (уступки) («*Я согласен с тем...*»); тактика возражения под видом согласия (*действительно, спору нет, не спорю, уступительно-противительные фразеосхемы, в которых очерчивается область согласия и область возражения: «да, но...», «хотя, но...»* и др.; «Им. + Тв. пад., но (а)», «*правда-то оно правда*», «*это и верно и неверно*», «*пить-то пьет, а*», «*написано-то было написано*», «*кич так кич*», «*улица как улица*», именительный темы. В этом случае возражение подается или как уточнение в общем-то верной мысли (последние две тактики) или используется для полемики: соглашаясь с какой-то частью, как правило несущественной, говорящий возражает против существа мысли оппонента (довод — контрдовод). Подобная полемика часто имеет аксиологический характер. По наблюдениям Н.Д. Арутюновой, «аксиологический спор обречен на циркулярность. Очередной ход в нем может достигаться инверсией конъюнктов, превращением *зато* в *хоть*, и наоборот» (Арутюнова 1999:223-224). Использование тактики «*с одной стороны, с другой стороны*» позволяет говорящему выразить сомнение в правоте оппонированного мнения. Poleмичность стратегии возражение / согласие придает использование вводных конструкций со значением ссылки на чужое мнение (*как утверждают*), безличных структур с семантикой

ссылки на обобщенное мнение (*принято считать*), вопросительных предложений с риторическим эффектом («Да разве в этом дело?>>»), эффектом переспроса («Как не будем?»).

Тактика согласия реализуется в исповедальной прозе в двух семантических разновидностях: согласие — «снятие сомнений» и согласие с оговорками (область согласия и последующее возражение). Данные семантические разновидности определяются, как правило, парентетическим и непарентетическим употреблением следующих средств: *действительно, согласен, спору нет, не спорю, бесспорно, несомненно, конечно, безусловно* и др. 2. Фразеосхемы, являющиеся основным тактическим средством реализации интенции возражения («согласия с оговоркой»), расчленяются и оформляют текст композиционно и содержательно, устанавливают отношения в смысловом сечении текста, намечают его коммуникативную перспективу. Коммуникативную перспективу текста согласия — возражения определяют также реплики-переспросы, вопросительные предложения, они же задают эксплицитно-диалогический характер подобных текстов. 3. Тексты с рассмотренной семантикой имеют ярко выраженный концептуальный характер: согласие — несогласие — это полное или неполное совпадение или несовпадение концептуальных позиций субъектов, их аксиологических «привязанностей». Данные стратегии и тактики позволяют вычленить (обнаружить, охарактеризовать) два типа языковой личности. Первый — склонные к эксплицитному выражению мысли, воли, желания, к категоричному возражению (И. Бродский, А. Кончаловский, А. Розенбаум, Е. Эткинд и др.), второй — склонный к смягчению возражения, к косвенному выражению несогласия, стремящийся проявить уважение, расположить к себе (Р. Фурманов, О. Седакова, М. Козаков, В. Некрасов и др.). Поскольку согласие / несогласие — это эмоциональная и интеллектуальная модальная реакция,

можно говорить об эмоциональном типе языковой личности, реализующей данную стратегию без мотивировки своей позиции, и о рефлексирующем, интеллектуальном типе, если согласие — несогласие сопровождаются мотивировкой (все названные выше). В целом рассмотренные модальные стратегии и тактики характеризуют личность самостоятельную в мышлении (тактики несогласия с общепринятым мнением), но гибкую в выражении оппозицию своих взглядов и взглядов оппонентов.

5. Оценочная модальность

В трактовке содержание категории модальности и соотношения ее с категорией оценки мы придерживаемся точки зрения Ш. Балли, Е.М. Вольф, В.Н. Телии и др., которая заключается в том, что модальность перекрещивается с оценочностью, очень часто модальные значения поглощают оценочные. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого (сопоставление, соотношение, противопоставление, подчеркивание), но и разные виды эмоций (иррациональные реакции).

Как указывает С.А. Васильев, на методологическом уровне встает также **вопрос о соотношении понимания текста и его оценки**. С одной стороны, оценка – нечто внешнее по отношению к тексту, и мы должны понять его, прежде чем оценивать. Но, с другой стороны, невозможно понять текст вне системы ценностей и оценок, ведь он имеет смысл лишь как определенная позиция по отношению к различным ценностям: добро – зло, истина – ложь, прекрасное – безобразное, полезное – вредное и т.д. Смысл текста организован этими категориями, они задают координаты, по которым построен он сам и по которым он соотносится с другими текстами, вступает с ними в диалогические отношения (Васильев 1982).

Рассмотрение прагматических аспектов субъективной модальности ставит вопрос о соотношении прагматики и оценки. Есть мнение, что оценка представляет собой сущность, организующее начало лингвистической прагматики (Язык и антропологические сущности 1997:254).

Субъективная модальность высказывания – разновидность оценки градуирования основания квалификации, представляющей собой установление признаковой определенности объекта. Ее основание

отправляет к основным областям психической деятельности человека: рассудку, чувству, воле, образуя семантические области рациональной, адмиративной, эмоциональной и дезидеративной оценок. Семантическая область эмоциональной оценки образуется противопоставлением операторов «хорошо – безразлично – плохо» (Язык и антропологические сущности 1997).

Вопрос о видах оценки требует комментирования. Исследователи оценочной модальности обычно говорят о двух видах оценки – абсолютной и сравнительной. В формулировках первой используются такие термины, как «хорошо / плохо», второй – «лучше / хуже». Абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, в то время как сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом. См.

*Калязин – плохой город, безнадежно унылый, неживописный, с подслеповатыми угрюмыми домишками. Единственное, что в нем есть, полузатопленная колокольня – русский ампир. На дне водоема покоится затопленный собор, а еще тут взорвали прекрасный монастырь, достопримечательность и гордость заштатного городишки. **Калязин неизменно хуже Кашина, куда мы тоже наведались.***

*В Кашине сохранились былые остовы церквей и монастырских подворий, купола, колокольни в окружении старых **прекрасных** деревьев: вязов, берез, лип, тополей. Тут создан в бывшей церкви (вернее, в соборе женского монастыря) очень **хороший** музей, которым руководит **милая молодая женщина Вера Алексеевна**. Музей закрыт на инвентаризацию, но директриса сразу узнала меня, позвонила, чтобы помещение сняли с сигнализации, и устроила для нас **прекрасную экскурсию** (Нагибин:450-451). [Эстетическая оценка - сравнение].*

Следует сказать, что образованию стереотипа предшествует сравнение.

Аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным. (См. об этом Арутюнова 1999:198).

Ю.Д. Апресян выделяет общую оценку, эстетическую, этическую, утилитарную, истинностную (Апресян 1995:64).

Е.М. Вольф подразделяет оценки на эмоциональные (чувства) и рациональные (мнения). Подчеркивая, что разделение чисто рационального и чисто эмоционального в языке является условным, Е.М. Вольф указывает на то, что способы выражения двух видов оценки в языке различаются, «показывая, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта, эмоциональное или рациональное» (Вольф 1985:40).

Мы возьмем за основу следующую классификацию оценки, актуальную на уровне типологии текста: оценка этическая, эстетическая, логическая, эмоциональная. При этом важным для нас является тезис о взаимообусловленности всех названных типов оценки. Тексты-оценки можно также подразделить на моносубъектные и полисубъектные, суть которых состоит в соотнесении разных субъектных модусов с одним явлением, а также – на мономодальные и полимодальные (разная, подчас диаметрально противоположная оценка одного и того же объекта).

Полисубъектными являются также тексты, основанные на интерпретации чужой оценки. «Под чужой оценкой понимается оценочное высказывание субъекта (S'), которое впоследствии воспроизводится вновь другим субъектом (S''), являвшимся в первом речевом акте адресатом или адресатом-объектом оценки. В структуре эмотивно-оценочного дискурса чужая оценка взаимодействует с самооценкой и оценкой окружающего мира» (Трипольская 2001:315). См. пример полисубъектности оценки (одно явление оценивается разными людьми), интерпретации чужой оценки:

Выходит, **права Алла**: официальное непризнание усугубляется завистью частных лиц, **считающих**, что я краду из их кармана. Любопытно, что тем, кто признан властью, **не завидуют**. Ими **восхищаются, рассказывают восторженные анекдоты** об их богатстве и всех видах преуспевания: Михалков, Симонов. Но в отношении меня иное – **а кто, собственно, позволил? Кто позволил, чтоб выходило столько больших картин, кто позволил столько зарабатывать, кто позволил так жить? А никто не позволял. Куда смотрят власти? А властям я вроде бы не в помеху, скорее наоборот. Но им объясняют, что в помеху. Мол, дурной пример: не доносит, не подлит, не горлопанит с трибун, не распинается в любви и преданности, а живет так, что самому дипломированному стукачу завидно. Кто же тогда стучать захочет, подличать, жопу лизать? Вот меня и одергивают то и дело, карают без вины, унижают.**

Успех Михалкова, Симонова, **даже такой мелочи**, как Юлиан Семенов, понятен, закономерен и ободряющ для окружающих. Таланта почти не нужно, но нужна решимость на любую **пакость, причастность «святому делу сыска»**, неоглядный **подхалимаж** и **беспоощадность** в достижении поставленных целей. Этими качествами, включая, **разумеется, скудость дарования**, наделены почти все лица, желающие преуспеть на ниве искусств. В победах вышепоименованных **корифеев** они видят залог собственного успеха. А мое поведение, моя жизненная линия им органически **противопоказаны**. Не хочется признать, что можно приобрести имя, деньги да к тому же моральный комфорт, **брезгливо избегая всяких бесовских игр, отвергая причастие дьявола. Это приводит в ярость, а ярость толкает к доносам.** Да, друг мой, ты поставил себе непосильную цель: прожить жизнь, оставаясь **порядочным человеком**. Именно прожить, а не протлеть, последнее куда проще. Порядочным

человеком ты, Бог даст, останешься, а вот сможешь ли жить?...
(Нагибин:337-338).

Е.М. Вольф отмечает следующие свойства оценки: эмотивность, экспрессивность, аффективность, интенсификацию (оценочная шкала), что позволяет выделить в отдельный тип оценки эмотивную оценку.

Данное концептуальное содержание является основанием оценки. Особенно актуальна оценочная модальность для исповедальной мемуарной прозы. Мемуары – это материализованная рефлексия, вербализованное стремление осмыслить свои собственные действия и оценить их. Психологи утверждают, что «отношение человека к самому себе никогда не бывает нейтрально-безразличным, незаинтересованным, причем эмоциональная тональность, направленность и интенсивность этих чувств пронизывают все сферы человеческой деятельности» (Психология. Словарь... 1990:99). Таким образом, можно говорить о некоей специфической функции оценки в мемуарном тексте, формирующей в нем то исповедническое, то проповедническое начало.

Как уже говорилось, под субъектом оценочной структуры мы понимаем «лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка. Субъект дает оценку на основании имеющейся в его «картине мира» шкалы и соответствующих стереотипов» (Вольф 1985:68). Придерживаясь точки зрения эмотивистов, мы считаем субъект основным элементом структуры, «так как именно он испытывает эмоции, вызываемые оценкой» (там же).

Субъективность как основополагающая черта мемуарного текста проявляется не только через многообразие форм существования субъекта, но и через многообразие форм оценок, медиаторами которых, по справедливому наблюдению Т.Е. Милевской, выступают различные ипостаси реального автора мемуарного текста.

Автор-повествователь (Я – генеральное), во-первых, демонстрирует оценку на уровне отбора фактов и событий. В этой ситуации даже избирательность памяти является характеризующей. Во-вторых, он отбирает языковые оценочные средства для повествования об этих фактах и событиях.

Автор-персонаж (так называемое Я – историческое) существует в описываемой ситуации и, скорее всего, лишь иллюстрирует ее.

Автор-комментатор (Я – обобщенное) – носитель эксплицитной оценки с точки зрения сегодняшнего дня. Имплицитно в его оценке присутствует «шкала оценок и стереотипы», на которые он ориентирован как представитель определенного эмоционального, социального и культурного типа.

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию совпадения субъектов речи и субъектов оценки в двух из трех авторских ипостасях (Милевская 2001).

В то же время оценка в мемуарном тексте, как и в любом другом тексте вообще, чаще всего «бывает не независимой, она входит как часть в общее построение описания или рассуждения с его аргументацией и органически связана с дескриптивной стороной текста в целом. <...> При этом приобретают оценочный смысл и те слова, которые сами по себе оценки не выражают» (Вольф 1985:203-204).

Как замечает Т.Е. Милевская, оценка автора-комментатора никогда не останется лишь на эмоциональном уровне, в ней всегда присутствует рационально-аналитический аспект, поскольку время неизбежно вносит коррективы в шкалу оценок и стереотипы, на которые ориентирован в данный момент говорящий. Совпадение оценок автора-повествователя и автора-комментатора возможно и в ментальной плоскости, когда ситуация не только описывается, но и анализируется (Милевская 2001).

Мемуарам свойственна оценка оценки, когда автор-комментатор своим примером или ссылкой подчеркивает специфическую

относительность давней оценки, сформированной обстоятельствами. Но автор-комментатор почти никогда не довольствуется лишь фиксацией изменения оценки, за ней следует комментарий, основанный на анализе ситуации и объясняющий изменение «шкалы оценок», что, в свою очередь, базируется на изменении возраста, статуса, образования и т.д. реального автора мемуарного текста.

Анализ текстов произведений мемуарного жанра демонстрирует высокую степень оценочности этих текстов, что вполне отвечает их антропоцентрической природе.

Наиболее актуальной из всех видов оценки для современной исповедальной мемуарной прозы является самооценка. *«Хочу вести дневник для оценки, как бы для собеседника, может быть, как пишет Делакура, я стану лучше от этого»* (выделено нами. – Т.Р.) [Глазунов 1996 №1:218]. В «Словаре по этике» 1989 г. самооценка определяется как «оценка других, принятая личностью в качестве масштаба собственного поведения» (Словарь по этике 1989:389). Как писал М. Бахтин, это «простая формула: я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого» (Бахтин 2000:241). Происходит «построение своего образа в другом и для других» (там же:242), т.к. «большинство людей живет не своей исключительностью, а своей дружостью. Исключительность материализуется и становится паразитической (эгоизм, честолюбие и т.п.) (там же:243).

Как пишет М.В. Ляпон, «самооценка – это, во-первых, интерпретация производителем текста (говорящим «Я») своего поведения в знаковой ситуации, объяснение своего конкретного речевого поступка... Во-вторых, – словесное само моделирование. Словесное само моделирование – это создание языкового автопортрета (Ляпон 1989:27). Моделирование своего языкового образа может осуществляться в противопоставлении себя и языковой личности другого психологического

склада. Подобная стратегия характерна для текстов Ю. Нагибина, И. Глазунова, Т. Дорониной и др.

Особенности языковой личности, по мнению Т.А. Трипольской, могут быть выявлены путем изучения «устройства» и функционирования некоторых участков языка, в которых она имеет свое непосредственное проявление. Таким «участком» языка является эмотивно окрашенная лексика (ЭОЛ), при помощи которой говорящий, оценивая мир, выражая свое эмоциональное состояние, выбирая подходящую оценочную стратегию, демонстрируя языковой вкус, а также речевую и языковую компетенцию, проявляет себя как языковая личность. (Трипольская 1995). Для исповедального текста, как в свое время заметил М. Бахтин, «возможен вопрос: как я изображаю себя, в отличие от вопроса: кто я...» (Бахтин 2000:172). «Жажда быть любимым, осознание, видение и оформление себя в возможном чужом любящем сознании, [стремление] сделать желанную любовь другого движущей и организующей мою жизнь в целом ряде ее моментов силой – это тоже рост в атмосфере любящего сознания другого» (там же:177).

Из коммуникативных тактик самооценки (Трипольская 1999:265) можно указать следующие: 1) представление объективной информации о себе (ссылка на чужое мнение); например:

*Когда во Франции меня спрашивают, какие газеты я читаю, ожидая, что я скажу «Le Monde» или, на худой конец, «Quotidien de Paris», огорашиваю кратким: «Ici – Paris»...Ну и «France – Dimanche». Парижане **шокированы**. Самые **пошлые, бульварные листки, чтиво для консьержек**, и вдруг...*

Да, вдруг...

Парижанам невдомек, что такое «Правда». А нам после постной сухомятки так хочется убийств, ограблений, прелюбодеяний, любовных похождения кинозвезд и экзотических принцесс (Некрасов:195).

2) извинение, отрицание самопохвалы (*не имею право претендовать*) (*А напиши – скажут..., высмеют* (Нагибин:462-463)); например:

...главная героиня, исполнявшая Элизу Дулитл, почти как в настоящем театре перед премьерой, неожиданно заболела. Мне предложили ее заменить, и я, как истинное дитя спонтанности, согласилась не раздумывая. <...>.

*Как только я вышла на сцену, заговорила и что-то сделала неловкое ногой, а потом рукой – раздался хохот. Я, не понимая, почему смеются, продолжила – опять хохот! И так, под легкий «шумок» зала, я отыграла свои две сцены. Мне казалось, что зал разговаривает со мной, - неожиданное, пьянящее чувство... Потом, уже работая в профессиональном театре, я поняла, что это и есть «контакт с залом», который завораживает актера и знаком только тем, кто стоял на сцене. **(На самом деле от моей игры тогда мало что зависело: я, очевидно, принадлежала к тем, чей вид сам по себе вызывал юмористическую реакцию)** (Коренева:40-41);*

3) похвала адресату = собственная положительная оценка; например:

*Итак – читал с большим интересом, сочувствуя и понимая. **Не все такие читатели, как я.** Короче - книга твоя интересная и нужная* (Некрасов:383);

4) тактика похвалы, положительной оценки объекта с последующим или одновременным переключением на положительную оценку себя как объекта; например:

Мне рассказывали, что в свое время Святослава Рихтера хотели пригласить вести класс в консерватории. Он дал согласие. Тогда его попросили написать заявление о приеме на работу: «Я, такой-то, прошу...» и так далее. Рихтер удивился:

- Но я ни о чем не прошу.

- Но так у нас положено.

*Рихтер возмущился и заявление не написал. И преподавать в консерватории не стал. Не знаю, правда ли это, но очень похоже на правду. **Кстати, никогда не писал подобного заявления** (Таривердиев:194).*

Данная тактика характерна, например, для М. Таривердиева, Ю. Нагибина. Нужно сказать, что в максимах Грайса не приветствуется как восхваление, так и самоуничтожение; например:

Надо же, какую страсть я внушил студентке-первокурснице в далеком 1946 году!

*Это было тридцать шесть лет назад. Мы не встречались, не переписывались, но она покупала все мои книги, вырезала мои фотографии из журналов и газет, расспрашивала обо мне всех приезжавших из Москвы людей и все про меня знала. По-моему, это более невероятно, чем любовь Анны к Павлу («Терпение»). **А напиши – скажут: романтические бренди, высмеют** (Нагибин: 463).*

Хвалить себя не полагается (эта максима в современной исповедальной мемуарной литературе часто нарушается), и это определяет тип речевого поведения даже в дневниковом дискурсе:

а) интенция создания своего речевого имиджа реализуется через автокомментарий; например:

А кто вытащил Лемешева из забвения, почти сомкнувшего над ним свой черный свод? И я первый назвал его по телевизору и печатно «великим», Архипова повторила, а сейчас это стало постоянным эпитетом. Я написал о нем так, как не писал ни об одном певце, я вновь сосредоточил вокруг него не просто интерес, а страсти. Даже люди равнодушные обращают внимание, как часто зазвучал он по радио. А сколько пришло писем!... Да что там говорить. Кудрявцева должна Богу

за меня молиться, а она злобствует, идем по начальству доносные письма, распускает грязные слухи (Нагибин:464);

б) контрастное употребление эмоционально-оценочной лексики (ЭОЛ): *балдеют, плевать, орать, горлопанит, стукач, стучать, жопу лизать, подхалимаж* (Нагибин:337);

в) использование эмоционально-оценочной лексики (ЭОЛ), противоречащей контексту, языковому вкусу эпохи (Трипольская 1999:272-304); например:

*Смотрел «Войну звезд» - говно. Но поставлено технически лихо. Смотрел на студии телевидения документальный фильм о поездке Ратони и венгерского телережиссера в Хабаровск. Здесь они сняли опереточный концерт с помощью местных сил, кстати, весьма и весьма неплохих. Ратони ведет передачу, он **омерзительен**, его правда в ногах. Когда он начинает **кочевряжиться** в роли Бонни, то понимаешь, почему он был партнером Сонни Хонти и Латабара. Он **обложил меня**, как волка, в Будапеште: алчет соавторства по сценарию. Габорт предупредил, чтобы я держался от него подальше, пока это мне удастся* (Нагибин:483).

На речевой портрет, или речевой имидж, «работают» так называемые оксюморонные сочетания, алогизм однородного ряда (зевгма); авторское употребление фразеологизмов: *Когда мне было шесть лет, я заболел..., оттого начальное школьное образование у меня было домашним, **болезнь спасла меня от счастливого детства советских школьников*** (Иванов:175); *Не **затаил** в душе **хамства*** (там же:187); *«Кроме нас была Слепян – **грубая, злая, умная*** (Л. Чуковская. Т. I :412); *Я полна жалости к этому человеку, когда не вижу его – **больной, слепой, талантливый, умный** – но каждое слово меня раздражает* (там же:415); *Писать не могу, чувствую себя очень плохо. **Ноги, сердце, Ленинград**....* (там же:418); *Она только что из гостей – от Озерова – где, по ее словам, **шампиньоны***

инженеры, икра; физики, любящие стихи – знаете, как это сейчас принято всюду (Чуковская. Т. 3:115).

Среди способов выражения эмоций и оценки особо следует выделить метафору.

5.1. Метафора как способ выражения оценки

Анализ функционирующих в современной исповедальной прозе российской интеллигенции метафорических моделей помогает определить степень влияния изменений социального характера на функционирование языка художественной публицистики, выявить жанровые литературные метафоры. Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Её назначение – преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира, ввести новую категоризацию в представление, казалось бы, хорошо известных феноменов.

Как отмечает И.М. Кобозева, при анализе метафоры имеет смысл признавать *«метафорами <...> все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии»*. (Кобозева 2001:136-137). При определении степени метафоричности текста индивидуально-авторские креативные метафоры более значимы, чем стертые метафоры. Очевидно, что именно яркие метафоры привлекают к себе внимание адресата. Наряду с моделями концептуальной метафоры частотны в описываемом материале метонимические модели, которые в когнитивистике рассматриваются как своего рода схемы человеческого мышления. См. П. Басинский *«Московский пленник (исповедь провинциала)»: россияне (волжане, беломорцы, туляки, калужане, мордва, татары), провинциальная среда, не*

москвич, провинциал, русский провинциал, провинциальный еврей, провинциальный литератор в Москве, московский пленник, раб Москвы. Метафора в современной мемуарной прозе не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании читателя картину мира. Дискурсивный подход к изучению метафоры означает исследование каждого конкретного текста с учетом ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами. Метафора выявляет целевые установки, взгляды и личностные качества автора, а также ту роль, которую этот текст может сыграть в жизни лингвокультурного сообщества.

Это касается, например, метафорического осмысления понятий *время, память*. При воспоминании прошлое как бы переносится в настоящее и созерцается одновременно двумя «я»: нынешним «я» человека и его прошлым «я» непосредственного участника или наблюдателя былых событий. Важнейшим условием памяти является ощущение человеком тождественности этих двух «я»: человек идентифицирует себя в прошлом и настоящем как одно лицо. Сопоставление у авторов мемуарных исповедей производится как сопоставление **тогда-теперь**, в пользу «тогда». Это, во-первых, объясняется тем, что *«тогда»* - это детство, *а «детская память, конечно же, колодец, и колодец со светлой водой, в которой отражается не только небо, не только все самое яркое, но прежде всего поразившее воображение»*. (Астафьев, Вечерние раздумья:15). Во-вторых – этическим неприятием нынешней жизни на фоне прошлой. Ярким примером этого являются «Воспоминания» Д.С. Лихачева.

При дискурсивном подходе предметом исследования становится не отдельная метафора, а система метафорических моделей. Метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-

источника служит основной для моделирования понятийной системы другой сферы–магнита. (Чудиков 2004:94). При таком моделировании обычно сохраняются и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу читателя в процессе коммуникативной деятельности.

Если взять за основу понятийную дифференциацию сфер-источников метафорического моделирования, то можно выделить следующие модели в современной мемуарной прозе.

1. Антропоморфная метафора. При исследовании этого разряда метафор анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья» и др. В данном случае человек моделирует социальную реальность исключительно по своему подобию. Например, *«Сердца на нас, на детей твоих, у тебя не хватило»*. (Астафьев, Забубенная головушка:30).

2. Натуроморфная метафора. Источниками метафорической экспансии в этом случае служат понятийные сферы «Животный мир», «Мир растений», «Мир неживой природы (ландшафты, метеорология, стихии и др.)», то есть социальные реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы. Ср.: *«Балтийское море по сравнению с Атлантическим океаном лужица. Прудок. Это я так раньше думал. А оказалось наоборот. Балтийское море огромное. На горизонте проплывают острова, качаются, ныряют пароходы, крейсера. Волны вдвое-втрое больше, выше нашего парходика. Балтийское море – это стихия. Романтическая трагедия.*

Атлантический океан, по которому мы плывем, - это блюдо с водой. Да мы и не плывем. Ведь плыть – это значит двигаться мимо чего-то. А тут мимо чего мы движемся? Берегов нет. Островов нет. Ни встречных, ни попутных парходов. По всему кругу горизонт, а мы в середине. Только

цвет этого блюда меняется. От солнца это зависит. А солнце утром вылезает из-за желтого горизонта, идет дугой по синему небу и опускается в красный горизонт, напоследок сверкнув зеленым огоньком» (Образцов:86).

3. Социоморфная метафора. Исследуются концепты, относящиеся к социальной сфере: «Преступность», «Война», «Театр» (зрелищные искусства), «Игра и спорт». Например, *«Ездят по сибирской земле литовцы, латыши, эстонцы, выкапывают из могил родных, погубленных в чудовищных ссылках, и увозят их останки на родину. А куда свозить нам, россиянам, прах наших мучеников, коли вся **Россия** – кладбище...»*. (Астафьев, Вечерние раздумья:30).

4. Артефактная метафора. Исследуются такие понятийные сферы, как «Дом (здание)», «Транспорт», «Механизм», «Домашняя утварь» и др. В данном случае метафорические реалии представляются как предметы, созданные трудом человека. Ср. О. Павлов «Казенный дом» в значении вся страна, *«Тель-Авив – американизированный Баку»*. (Козаков:127).

Названные разряды метафор можно схематично классифицировать следующим образом: «Человек и Природа», «Человек и Общество», «Человек и результаты его труда», «Человек как центр мироздания».

Более частотно в современной мемуарно-исповедальной прозе представлены фреймы *время, память, жизнь, театр, тюрьма, война, мир вокруг человека* и социоморфная метафора.

В соответствии со сложившейся в когнитивной лингвистике традицией для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать ее следующие признаки:

1. Исходную понятийную область (ментальную сферу-источник, сферу-донор) метафорической экспансии.

2. Новую понятийную область (ментальную сферу магнит, денотативную зону, рецепиентную сферу, направление метафорической экспансии).

3. Относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу). Фрейм – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации. Например, в тексте О. Павлова «Казенный дом»: **вахта** (компоненты: *охранник, кипятильник, банка для заварки, форма армейская, дубинка*); **больница** (компоненты: *вахта, помещения, предбанник, карантин, больной, родственники...*). (Павлов 1997). Формально фрейм представляют в виде двухуровневой структуры узлов и отношений: 1) вершинные узлы, которые содержат сведения, всегда справедливые для данной ситуации и 2) терминальные узлы и слоты, которые заполняются данными из конкретной практической ситуации и часто представляются как подфреймы, или вложенные фреймы. (Минский 1979). Активизируя фрейм через данные второго уровня, мы воссоздаем всю структуру в целом (включаем в концепт **казенный дом** компоненты **тюрьма, страна**).

Сценарии, или скрипты, - это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов (например, отдельные эпизоды внутри фрейма «больница»: посещение больных, смена обуви, взятки (*заплатили-разрешили*), пропуск (*сжалился, не пускают*)).

4. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Так, к примеру, в концептуальную структуру текста В. Астафьева «Вечерние раздумья», заданную концептом-названием,

входят метафоры: *жизнь-книга* («книгу пора заканчивать, надо жить дальше или доживать и перелистывать другие страницы, в этой же книге настало время ставить точку»); *память – костер, судьба* («не живи, как душа просит, а живи, как судьба велит»); метонимический перенос *жизнь-время-хворост-костер*.

5. Компонент, который связывает первичные (в сфере – источнике) и метафорические (в сфере–магните) компоненты охватываемых данной моделью единиц. Это позволяет выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих компонентов, почему понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы.

Анализ метафорических моделей помогает определить степень влияния изменений социально-экономического, социально-политического характера на функционирование литературного языка, в частности языка художественной публицистики. Метафорические модели – это одна из частей языковой компетенции образованного читателя, поэтому метафорическая система, организующая каждый конкретный текст, может рассматриваться как реализация общей метафорической системы современного художественно-публицистического дискурса.

Способность к разворачиванию в тексте – важнейшее свойство концептуальной метафоры. Если в тексте появляется та или иная концептуальная метафора, то можно ожидать ее разворачивания по самым разнообразным направлениям и соответственно фреймами и слотам.

Примером такого разворачивания модели в пределах относительно небольшого фрагмента текста может служить текст С. Рассадина (политические фигуры – актёры провинциального театра):

<...> *Если угодно, переход от законченно-интеллигентского ленинского **костюма**, общего для приват-доцентов и земских врачей, к обдуманной эклектике сталинской формы, ставшей униформой для*

вождей меньшего ранга (а дальше – «национальная по форме, социалистическая по содержанию» расшитая сорочка Хрущева под городским пиджаком, костюм не народный, а маскарадный), - это логичная трансформация и наглядное воплощение императорского стиля. То есть стиля театрального, актерского. Многонациональная империя, подавлявшая всех, начиная со «старшего брата», но и учитывавшая существование всех разноликих подданных, - это театр абсурда, прикидывающийся театром классицизма (Рассадин:266-267);

в пределах завершеного текста – текст П. Басинского «Московский пленник». Метафора *пленник* актуализирует фрейм война: отношения Москва – провинция - война; литературная деятельность, деятельность литературного критика – война; текст О. Павлова «Казенный дом» - *больница, тюрьма, линия фронта идеологической борьбы, война, страна.*

В более объемном тексте нередко обнаруживается взаимодействие метафорических моделей с однотипными сферами-источниками, сферами-магнитами и концептуальными векторами. См. текст П. Басинского.

Наиболее типичными вариантами развертывания метафорических моделей в пределах текста являются следующие.

1. Развертывание в тексте одной доминирующей модели. В подобных случаях в рамках текста преобладает метафоры, относящиеся к одной модели (а иногда даже к одному фрейму). Например, С. Образцов «По ступенькам **памяти**», Г. Жженов «Прожитое» (память-жизнь).

Эпизодически в тексте могут встречаться метафоры, восходящие и к другим понятийным сферам, например, в тексте Г. Жженова – к сфере театр, однако эти образы и количественно, и по их роли в организации текста значительно уступают метафорам, относящимся к доминантной модели.

Для понимания текстового содержания метафоры очень важны ее интертекстуальные связи. Ср., например, П. Басинский «Московский пленник», О. Павлов «Бывшие люди», А. Найман «Великая душа».

Ярким признаком доминирующей метафорической модели является ее заголовочное положение, такая метафора «открывает» текст, и она же его заканчивает, создавая текстовую рамку.

2. Параллельное развертывание в тексте двух-трех моделей. В этом случае в составе текста происходит развертывание метафор, принадлежащих к нескольким параллельным или оппозиционным моделям.

В качестве примеров можно указать метафоры *московский пленник, плен-порабощение, очарование* (П. Басинский), *жизнь – театр – игра, жизнь – память – испытание* (Г. Жженов); *казенный дом – самоохрана от народа, линия фронта идеологической борьбы, тюрьма* (О. Павлов); *забубенная головушка – театр, беда* (В. Астафьев). Основой для взаимодействия рассматриваемых моделей служит тот факт, что они отличаются разнообразными векторами и общими компонентами смысла. Ср. *порабощение – очарование (плен), фронт – тюрьма (борьба, линия)*.

3. Использование в тексте разнообразных моделей. В этом случае анализ метафорической системы текста не позволяет выделить доминирующие модели: автор использует разнообразные метафоры, но ни одна модель не воспринимается как ведущая, активно реализующаяся в различных отрезках текста с использованием разнообразных фреймов. Примером значительного количества используемых метафорических моделей без выделения какой-либо доминантной для всего текста может служить текст В. Астафьева «Вечерние раздумья» (см. выше).

С когнитивно-дискурсивной точки зрения метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания, концептуализации и категоризации мира, поэтому особую значимость приобретает ее

когнитивная функция. При этом метафора понимается как своего рода гештальт, сетевая модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости. Поскольку для когнитивной теории характерен широкий подход к выделению метафоры по формальным и семантическим признакам, то смысловое уподобление квалификации данного феномена воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия.

5.2. Эстетическая оценка

Поскольку в основе концептов *прекрасного*, *красоты* в русском языке лежат, в первую очередь, зрительно воспринимаемые свойства предметов, то эстетическая оценка объекта — это оценка его «внешних признаков».

Общая эстетическая оценка объекта нередко сопровождается перечислением других визуально воспринимаемых признаков, создающих целостный внешний вид предмета. Например:

Лицо творящего всегда красиво. Чтобы чем-то заняться, мысленно делаю с него набросок. Портрет Грасса надо, конечно, решать в графике. Мысленно заливаю волосы черным. Когда-то иссиня-черная, крепкая, как конская, волосня его короткой стрижки начала лицо и руки надо протонировать смуглой сепией, сморщив ее кистью у прищура глаз и на лбу, оставив белыми лишь белки глаз, и светлые блики на стеклышках очков с тонкой серебряной оправой, и, может быть, холодный блик на тяжелом серебряном перстне безымянного пальца. Обручальное кольцо он носит на мизинце (Вознесенский:195).

Оценка осуществляется с помощью оценочных предикатов, характеризующих объект с эстетической точки зрения: прилагательными *красивый, некрасивый, прекрасный, безобразный, уродливый* существительными *красавец, красавица, урод*; краткой формой общеоценочного прилагательного *хорош, хороша* и дериватом с уменьшительно-ласкательным суффиксом *хорошенький*; ср.: *Она была очень красивой женщиной* (Рихтер:502); *чудовищная «Марица», уроды, карлики, дебилы* (Нагибин:479); формами сравнительной степени прилагательных, например:

Боже мой! С какой удивительной отчетливостью вспоминается мне кусок моего детства: паркет, залитый солнцем, голубое стекло окна и мать, поющая «Шумом полны бульвары...». В моем детстве не было ничего более прекрасного, чем «Мюр-Мерилиз», Кузнецкий мост, когда глядишь на него от Рождественки, и этой песни в освещенной солнцем комнате.

Есть ли вообще что-либо лучшее, чем воспоминания о молодой матери! (Нагибин:14-15).

Семантика частнооценочных предикатов *красивый, некрасивый, прекрасный, уродливый* и т.д. ориентирована на объект оценки, в оценочных предикатах *симпатичный антипатичный* на первый план выдвигается отношение субъекта, они более субъективны и личностно ориентированы, в силу этого менее категоричны в прагматическом плане (Темиргазина 1999:32), то же самое проявляется в оппозиции *красивая / привлекательная; красив / обаятелен*. См. примеры:

Видимо, притягательная сила квартиры объяснялась тем, что литературу мать любила, понимала, был у нее тонкий вкус и чувство слова. Она была молода, образованна, привлекательна. Среднего роста, кареглазая, темноволосая, тонкокостная, очень стройная, моя мать с ее

вздернутым носом и неправильными чертами лица красивой не была. Привлекали в ней ее женственность, мягкая ирония, тихий голос, сдержанность, умение казаться хорошо одетой в перелицованных пальто и перешитых платьях (Ильина:59).

Лицо творящего очень красиво <...> Он уверен в себе, несуетлив, полон тяжелого мужского обаяния, обстоятелен (Вознесенский:195).

По этой же причине возможно сочетание *вульгарная красота*: *красота*— объективная оценка, *вульгарная* — субъективная, неприятие субъектом оценки.

Эстетическая оценка, как правило, обусловлена этической или подчеркивает этическую оценку:

Красота очищает мир.

Париж, Лондон, Нью-Йорк выстраивались в очередь за красотой, за билетами на Плисецкую.

Как и обычно, мир ошеломляет художник, ошеломивший свою страну.

Дело не только в балете. Красота спасает мир. Художник, создавая прекрасное, преображает мир, создавая очищенную красоту. Она ошеломительно понятна на Кубе и в Париже.

Ее абрис схож с летящими египетскими контурами.

Да и зовут ее кратко, как нашу сверстницу в колготках, и громоподобно, как богиню или языческую жрицу, — Майя (Вознесенский, 180).

< ... > прекрасное служит опорой души народа (Солоухин, Камешки, 17).

Важной представляется мысль М. Бахтина о том, что «эстетически формирующая реакция есть реакция на реакцию, оценка оценки» (Бахтин 2000:31) (см. об опосредованности оценки ниже). Например: *Это*

настоящая провинциальная интеллигентка (Нагибин); *понравился (благородной наружностью), уважал красоту, считал ее талантом, силой* (Герцен, т.8, 301).

Тексты исповедальной прозы с доминантой эстетической оценки по объекту оценки (исходя из частотности) можно объединить в следующие основные группы: 1) оценка человека, 2) природы, ландшафта, 3) произведения искусства, 4) запахов, звуков, красок.

Предметом исследуемого нами жанра является, прежде всего, человек, а уже потом концептуальные мировоззренческие понятия и т.д. Тексты исповеди задают много граней бытия, человек в тексте разноместен. Соответственно, используются разные наименования человека: *лицо, особа, личность, индивид, персона, персонаж, деятель, фигура*, номинации по полу и возрасту (см. об этом Арутюнова 1995). Например:

Пастернак — подросток. Есть художники, отмеченные постоянными возрастными признаками. Так, в Бунине и совершенно по-иному в Набокове есть четкость ранней осени, они будто всегда сорокалетние. Пастернак же вечный подросток, неслух — «Я создан богом мучить себя, родных и тех, которых мучить грех». Лишь однажды в стихах в авторской речи он обозначил свой возраст: «Мне четырнадцать лет». Раз и навсегда (Вознесенский: 19).

Эстетической оценке подвергается фигура в значении «телосложение, внешнее очертание человека» (Толковый словарь русского языка 1996: Т.IV, 1074), фигура в значении «человек как носитель каких-н. социальных или индивидуальных признаков и свойств» (= личность) (Арутюнова 1995) связана с этической оценкой.

Применительно к фигуре человека решающими оказываются следующие факторы: 1) обобщенность формы, 2) ее целостность,

3) ассоциация со зрительным восприятием, 4) корреляция с фоном (там же).

Внешний облик человека, *фигура* противостоит не столько формирующим образ частям тела, сколько лицу, с которым связывается *личностное* начало человека. Фигура и лицо получают взаимонезависимые эстетические оценки.

Духовная жизнь человека ассоциируется с выражением лица и взглядом, а часто и с голосом. См. примеры:

Вот оно, значит, что: горе, годы, болезнь. Совсем другая, не та. Расплылась, отяжелела. Лицо полное, рот кажется маленьким между полных щек. Лицо утратило свою четкую очерченность, свою резкую горбоносость, словно и нос сделался меньше и неопределеннее, чем был. Даже руки переменились: огрубели, набухли. А были такие легкие, детские! Десять лет... Только взгляд остался прежний. И голос (Чуковская, т.2, 43).

*Комната наполнена его **голосом**, бурным, рокочущим, для которого она мала. Голос **прежний**, да сам он **не прежний**. Я давно не видела его. Все, что в нем было восторгом, стало страданием. «Август»:*

*То **прежний** голос мой провидческий*

*Звучал, **нетронутый** распадом ...*

*Голос **прежний, нетронутый**, а он — тронут, уже тронут... чем? болезнью? горем? Его новый вид и смысл **пронзает мне сердце**. Никакой могучей старости. Измученный старик, скорее даже старичок. Старая спина. Подвижность, которая еще недавно казалась юношеской, теперь **кажется** стариковской, и притом неуместной. Челка тоже неуместна. И курточка. А **измученные, исстрадавшиеся глаза — страшны**.*

«Его скоро у нас не будет», - вот первая мысль, пришедшая мне на ум (там же:95).

Фактор фона является естественным условием восприятия внешних очертаний объекта: фигуры *видятся, вырисовываются, прорисовываются, показываются, выделяются, наблюдаются, бросаются в глаза, делаются заметными на том или другом фоне*. Например:

*Она сидит на диване, раскинув руки, и этот старинный диван с высокой красной спинкой очень **идет ей**, или **она ему*** (Чуковская, т. 2, 45).

Зрительное восприятие конкретизирует фигуру, приглашая к ее описанию, фон, напротив, ее схематизирует. Это противоречие снимают сумерки, мешающие разглядеть детали. Действительно, о фигурах говорят обычно в условиях темноты или отдаленности (Арутюнова 1995). Поэтому фигурами чаще называют неопознанных людей. См. пример:

Шел А.С. из своего дома в Пушкинский Дом мимо Академии художеств. Кончились какие-то занятия, и студенты гурьбой высыпали из главного подъезда. Увидев проходящую величественную фигуру Орлова в шубе и высокой шапке, студенты замедлили свой шаг, пошли сзади, перешептываясь: «Кто это идет?» А.С. «спиной почувствовал», что они им интересуются, приостановился и торжественно высморкался на обе стороны «по-русски», без платка. «Ну и что же?» — спросил я А.С. в конце рассказа. «Будет им что потом рассказать», — ответил А.С. (Лихачев:554).

Между именами *фон* и *фигура* существует тесная семантическая корреляция. Фон, наряду со своим прямым значением, может обозначать «общую основу, на которой выделяется кто-что-нибудь, обстановку, окружение, где происходит какое-нибудь событие, протекает какое-нибудь явление» (Толковый словарь русского языка 1996:Т. IV, 1096).

Фон и *фигура* образуют пару, и изменение значения одного из этих слов отражается на семантике другого. Сдвигу в значении имени *фон* соответствует аналогичное изменение в семантике имени *фигура*

(«телосложение» - «человек как носитель каких-нибудь социальных или индивидуальных признаков и свойств» = олицетворение). См.:

Он [Гриша Левин] и внешне походил — своей легкой летящей фигурой, белыми развевающимися космами, в плаще — на старого поэта из «Снежной маски» Блока, андерсеновских сказок, нордических мифов. Все его звали «Гриша». В нем было что-то от «блаженного Гриши» <...>

В каждом поэте должно быть хотя бы немножко Гриши Левина. Помню одинокую, с белыми патлами фигуру сухого Арагона, идущего по ночным Елисейским Полям. Мне вдруг показалось, что мелькнул профиль Гриши Левина. И в Арагоне — на закате его дней — прорезался его нищий, самосожженный абрис поэта (Вознесенский:239-240).

Фон очерчивает границы некоторой социальной среды, особого мира, в котором фигуры выполняют свои роли. Фон-экран заменяется фоном- социумом. Фигуры воспринимаются не на фоне неба или пейзажа, а на фоне других людей. Например:

...После того, как и я совершил обряд целования руки в стиле моей страны, насмешник сказал:

«А знаете ли, в 1905 году, в пору первой русской революции, она была очень красивой женщиной».

Тогда Анне Ахматовой было 16 лет; два года спустя, в 1907 г., появились ее первые стихи, которые привлекли внимание избранных литературных кругов. То были стихи восемнадцатилетней. А сегодня в 76 она принимала чествования в Таормино, она — живое олицетворение целого периода русской истории от Николая II через Керенского, Ленина, Сталина, Хрущева до Брежнева и Косыгина, - все еще непреклонная, все еще величественная, часть самой России среди сицилийских мандариновых деревьев (Рихтер:502-503).

В этом случае речь идет об этической или логической оценке. Ср.: *Фигура, характерная в своем роде* (Эткинд:97);

Мы знакомы с ним несколько лет. Странно, что этот добродушно-усердный рисовальщик тот самый Грасс, что бросил вызов филистерской морали, до тошноты вывернул наизнанку нутро современности, он, наверно, крупнейшая фигура европейской прозы, он политик, потрясатель устоев, наконец, он европейская совесть на манер русских интеллигентов, но, главное, он художник, черт побери! (Вознесенский:195).

Этимология и значение ставят слово *фигура* в один ряд с обозначениями отраженных копий лица, такими, как *образ, портрет, имидж*, а также в ряд со словами *личность, натура, характер, поступки*. См. пример:

А.С. Орлов, как я уже сказал, был натурой артистической. Он не только был академиком, но он и играл в академика, искусно создавая свой образ [= имидж. — Т.Р] — не просто даже академика, а русского академика, балагура, шутника, ругателя и добряка одновременно <...>

В жизни он постоянно играл, приспособливал свое поведение к своей изуродованной внешности и к своему положению знаменитости. Его чисто внешняя грубость шла от внутренней застенчивости. В сущности, он был добряком и очень печальным человеком.

<... > Был он остро наблюдателен — к языку, к стилю, к душевным движениям своих собеседников. В нем сочетались два человека: один постоянно игравший «академика», а другой чуткий и внимательный, не терпевший неискренности, пошлости и лжи, со своеобразными, но несколько старомодными литературными вкусами.

Часто он давал «маленькие представления» — чтобы не было скучно, чтобы было что рассказать и вообще потому, что он любил играть, а потом весело рассказывал о своем озорстве (Лихачев:552-554).

Оказывается, внешние эстетические проявления, имидж, имеют тоже национальный идеал (см. выше Лихачев), см. также:

Он азартно играл взрывателем мировых устоев, я играл кумира московских стадионов (Вознесенский:91).

Представление о красоте человека в русской национальной картине мире связывается с понятием здоровья, с его визуально наблюдаемыми признаками: крепким телосложением, румянцем на лице, блеском глаз, широкими плечами и т.п.: *(большой, сильный [о Бродском] (Чуковская, т.3, 297); широкоплечая, мускулистая, порывистая (Мордюкова, №2, 138) — и с понятием «естественной красоты»: Русые косы, соболюхи брови, дымчатые глаза. Красавица без косметики (там же:152). Эстетические представления народа отражены во множестве пословиц, в которых красота связывается со здоровьем и трудолюбием и подчеркивается аксиологический приоритет здоровья над другими ценностями: *Болезнь и поросенка не красит; Больная жена и мужу не мила; Здоровье всего дороже...**

Нужно сказать, что, как правило, указанные признаки не присущи объектам описания исповедальной мемуаристики, представители интеллигенции не соответствуют народному идеалу (исключения: А. Солженицын о А. Твардовском, В. Астафьев о А. Макарове, выходцы из народа). Авторы исповедей придерживаются идеала аристократической красоты. См.: *Дома она всегда была готова к приему неожиданных посетителей: прекрасно и изящно одета, собранна, душевно подтянута и приветлива. Парикмахер приходил к ней на дом, чтобы уложить волосы, в которых эффектно выделялась поднимавшаяся ото лба совершенно белая*

*седая прядь. Никто не смог бы застать ее в дурном расположении духа (Лихачев:557); непреклонная, величественная, сидит очень прямо, в белой шали и желтом ожерелье, руки были такие легкие, детские: <...> большая, грязная [как признак нездоровья и старости. — Т.Р.] (Чуковская, т.2, 43) некрасивая она [рука], уже натруженная (Мордюкова, №2, 126); высокая, величественная, подобная статуе, царица (Рихтер:503). Сравнение со статуей сближает следующие значения слова *фигура*: 1) телосложение, 2) изваяние, статуя. Часто, описывая внешность, авторы исповеди подчеркивают ее изменение во времени *было — стало*: *Его новый вид и смысл пронзает мне сердце... Его скоро у нас не будет* (Чуковская, т.2:95).*

Для мемуаров-исповедей XX в. характерна тенденция усиления семантической множественности я-субъекта, другого-объекта: маска, голос, взгляд....

Например: *Тембр голоса не дается мужику просто так. Тембр характеризует мужское начало. А если еще и говорит с легким акцентом — просто праздник души* (Мордюкова, №2, 129); *Сашки нету. Но осталась сердцевина ее — голос, талант, душа...* (там же:158).

Голос Бориса Гребенщикова высокий, странный, с нереальным отсветом, будто белая ночь. Культура Северной Пальмиры стоит за ним (Вознесенский:159).

Я как предмет эстетической оценки тоже разноплановый: я, каким меня видят другие, и я, каким я вижу себя. Например:

А через несколько минут с елейным видом и будто бы вскользь сообщил, что, готовясь к встрече со мной, проглядел несколько моих рассказов, конечно, самых маленьких. Я ответил, что он напрасно пренебрег единственной, быть может, возможностью приобщиться к культуре (Нагибин:479).

Если указанные ипостаси я совпадают — это зеркальная концепция я (Бахтин).

В эстетической оценке природы и искусства выражается взгляд человека на мир, система его ценностей. Например: *Погода постоянно обращена к человеку. Она о нем помнит, создает ему настроение* (Лихачев, 58); *природа и человек соединились в необыкновенной близости* (там же, 228). Важно, что этические концепты эксплицитно выражаются в эстетическом восприятии действительности. См.:

Норильск. 12.X. 75.

Здравствуй, Андрюша!

Пишу тебе из Норильска. Знаешь, что такое 35 градусов мороза? Это удивительно. Плотно, сплошь, глубоко лежащий снег — белая земля и дома — розовые, светло-зеленые, желтые акварели. Оказывается, это ленинградские архитекторы придумали, здесь этот район так и называют: маленький Ленинград, улицы прямые, ровные, строгость ленинградских линий...

По телефону, как у нас время, сообщают погоду: «Тридцать пять градусов мороза, ветер умеренный, дороги во всех направлениях проезжие...»

Меня на концерты возят, а все ходят двадцать минут пешком до работы, считают полезно. И дети шести лет, в валенках и шубках, играют во дворе.

*Люди здесь меня **покоряют** спокойствием и уверенностью, должно быть, при такой температуре разложению не подвержены. Мне они кажутся **величественными**. Вот загадка: человек боится трудностей, а может быть, их следует искать?*

Познакомился с артистами Норильского драматического театра. Живется им, думаю, нелегко, но ни слова о трудностях житейского порядка не услышал. Проблемы творческие — пьесы, новые постановки,

молодые режиссеры, где, кто, что? Репертуар московских театров, художественные задачи те же, что и у нас. Про них говорят — «рука Большой земли!» Вот молодцы!

Одним словом, этот **белый цвет** — **белая земля и белое небо** — что-то производит в моей душе... Обязательно напишу тебе еще. Обнимаю. Отец (Леонов, 140). [Концепт чистота: белый цвет, белая земля, белое небо. Белый — цвет чистоты. См. одно из значений прил. **белый** — «трад.-нар. Чистый II Связанный с добром; нравственно безупречный» (Большой толковый словарь русского языка 1998:70)].

Ср. также концепт *простор* в тексте И. Глазунова:

Снова пароход. Бьют волны в ребра трюма, качается лампочка с желтым маслянистым сиянием... На рассвете я вышел на палубу, переступая через спящие тела. Во весь горизонт вставало красное солнце. Красным было все: небо, вода, деревья и даже дали. И вдруг — **чудо!** Древний град вырос на волжском берегу. **Какие башни, звонницы, купола!** Скоро Нижний Новгород — город Горький. Волга особенно **величественна** в утренние часы, туманная дымка скрывает приметы времени, и невольно вспоминаешь странно звучащее древнее название Волги — Ра. Эта **могучая** река, по свидетельству историков древности, катила свои волны через земли некогда **могучих** скифов и сарматов. С высокого берега стремительными уступами спускаются вниз к воде кремлевские стены. В золоте восходящего солнца раскинувшийся на холмах город смотрит с **высоты** на проплывающие суда. «Это наш внутренний порт», - говорил о Нижнем Новгороде Петр Великий. После 1812 года ходили слухи, что столицу, возможно, перенесут в Нижний Новгород. У кремлевского холма **в широком просторе** сливается воедино Волга с не уступающей ей Окой, как два голубых клинка, навечно соединенных в клятве верности. А дальше за **раздольем Волги** расстилаются заливные луга и **бесконечные леса**. Как известно, древнерусские города ставились на холмах. Нижний Новгород

знаменит легендами о возникновении своем и преданиями о временах стародавних, о жарких сечах, о великом подвиге нижегородского гражданина Минина, спасшего Русь в тяжелую годину смуты.

И вот мы подошли к тому месту, где слившиеся Волга и Ока образовали **обширную водную равнину**. Здесь и был основан Нижний Новгород. Суздальский князь Юрий, мечтая иметь в своих владениях город, подобный Новгороду Великому, с его мощью и богатством, вольной торговли, называет основанный им около 1222 года город «новым городом Понизовской земли».

Ни один город на Волге не взволновал меня так, как этот (Глазунов, №4, 182-183).

Эстетическая оценка природы выражает мировоззрение личности. Например: *На Соловках все говорит о призрачности здешнего мира и о близости потустороннего* (Лихачев:227); *Здесь, в этом мире святости и греха, небесного и земного, природа и человек соединились в необыкновенной близости* (там же:228).

Концептуальное содержание имеют и устойчивые эпитеты, используемые для оценки природных реалий: *белеющие церкви, голубая тесьма реки* (Герцен, т.8, 217), *река величественная, могучая, берега высокие, широкий простор, раздолье Волги* и т.д. (Глазунов, № 4, 182-183). Как правило, все, что наполнено высоким эмоциональным содержанием, изображается «в лучах солнца».

Природа оценивается не с точки зрения пользы, а с точки зрения эстетического удовольствия, что само по себе является нравственно ценным. *Я... и смотрел, и слушал, и дышал* (Герцен, т.8, 217); *Одним словом, этот белый цвет — белая земля и белое небо — что-то производит в моей душе =» люди покоряют спокойствием и уверенностью, кажутся величественными* (природа — фон для оценки человека. — Т.Р.) (Леонов:140).

Этапное предложение (ЭП) оценка, как правило, находится в инициальной позиции, распространяется описательно-распространительными синтагматическими отношениями:

чудо!... Какие башни, звонницы, купола! (Глазунов, № 4, 182-183).

Подобные тексты часто имеют кольцевую композицию, обрамляются ЭП-оценки, находящимися в отношениях синонимии. Например:

Природа Соловецких островов словно создана между небом и землей...

Здесь — большой природный Рай, но одновременно большой Ад для заключенных всех рангов, сословий, всех населяющих Россию народов! Здесь, в этом мире святости и греха, небесного и земного, природа и человек соединились в необыкновенной близости (Лихачев:230).

Это удивительно! ... Одним словом, этот белый цвет — белая земля и белое небо - что-то производит в моей душе... (Леонов:140).

... чудо! ... Ни один город на Волге не взволновал меня так, как этот (Глазунов, № 4, 182). [Инициальное ЭП — общая эстетическая и эмоциональная оценка.]

Для рассматриваемого типа текста характерна опосредованность оценки, языковыми маркерами которой являются глаголы с семантикой восприятия и ощущения; существительные, обозначающие реакцию на что-то: *глядеть, наслаждаться, поражает, напоминает, кажется, предстает (перед вами предстает), воспринимается, чувствуешь, открываются, прослеживается, создает (атмосферу), возникает, чувство (это рождает чувство), впечатление (впечатление сознается), ощущение (создающим ощущение, испытывать ощущение)*; глагольные определения *кажущаяся*; сравнительные союзы *как бы, как, как будто*.

Субъект восприятия часто обобщен: *вошедший, человек, вы, зритель* — или обезличен. Отсюда — обобщенно-личное или безличное повествование, пассивные конструкции (*трудно передать; оказываешься*;

перед ваянии предстает; нельзя судить; чувствуешь; чувствуется; прослеживаются; воспринимается).

Косвенной, иногда скрытой, эстетической и эмоциональной оценкой изображаемой действительности являются те запахи, краски, звуки, которые ассоциируются у писателя с изображаемым:

В ее имени слышится плеск аплодисментов. Она рифмуется с плакучими лиственницами, с персидской сиренью, Елисейскими полями, с Пришествием. Есть полюса географические, температурные, магнитные. Плисецкая — полюс магии.

Она ввинчивает зал в неистовую воронку своих тридцати двух фуэте, своего темперамента, ворожит, закручивает, не отпускает.

Есть балерины тишины, балерины — снежины — они тают. Эта же какая-то адская искра. Она гибнет — полпланеты спалит! Даже тишина ее — бешеная, орущая тишина ожидания, активно напряженная тишина между молнией и громовым ударом.

Плисецкая — Цветаева балета.

Ее ритм крут... взрывен (Вознесенский:175).

Она [Юнна Мороз] и в жизни особая. Не алкогольная сирена, а кофейница. Черный кофе, двойной, в турочке, особо варят ей в ЦДЛ на песке.

Черный цвет — любимый цвет, автоцвет нашего поэта. В нем все оттенки черной гаммы. Еще задолго до того, как с легкой руки inferнального Версаче он стал самым модным цветом планеты, цветом джинс, рокеров, киллеров и актерских долгополых кашемировых пальто, она одела и обула свою музу в обугленный цвет.

Я — черная, буду я черной землицей,

Ты — белая, будешь черемухой виться

И черную землю сосать.

Это не летучий черный цвет Лорки, а плотный, густой, это голландская сажка.

Как многоголос этот черный – от бархатной каймы бабочки махаона до «черных дней, где трудно отшутиться». Но это не цвет монашества, схимы, в нем таится тот стон, запредельный взлет, как в лучшем, может быть, ее стихотворении с рефреном: "Я черная птица, а ты — голубая".

Этот черный только подчеркивает праздничную голландскую живопись жизни. Как хищен и цепок взгляд живописца, как роскошна и гобеленно остра вышивающая игла! (Вознесенский:260).

То, как воспринимает писатель окружающую действительность, через какие звуки и запахи, - показатель его менталитета. Ср. примеры:

Недаром из всей беллетристики я могу перечитывать лишь Бунина. В подавляющем большинстве своих вещей он меня ничему не учит. Ни в чем не убеждает, не обращает в свою веру — да у него и нет ее, - а просто дает дышать сеном, травой, женщиной, видеть звезды, тучи, деревья, бедных одиноких людей. Это серьезно, все остальное — поденки, лакейство перед временем и его «проблемами», на завтра уже не стоящими и копейки. Так, из раздражения можно поиграть в идейки, но литература всерьез — это радостный плач о прекрасном и горестном мире, который так скоро приходится покинуть... (Нагибин:212).

Что-то странное случилось с этим летом, я его не ощущаю. Я не слышу птиц, не вижу цветов, ничто меня не радует. При этом я с ужасом думаю о конце лета, считаю оставшиеся дни, но это скорее из страха перед зимой, долгой тьмой, закупоренным жилищем, иными словами, нечто клаустрофобическое. Может быть, я все еще не вернулся? (Нагибин:391).

Нельзя забывать и о том, что в авторской оценке присутствуют определенные стереотипы, эмоциональные, социальные и культурные. См. звуки и запахи детства в следующих примерах:

А днем в жару пляж гудел, как улей, роем детских голосов, радостных, испуганных, когда окунались, озорных при игре, но всегда приглушенных водой, расплывающихся, нерезких. Эта музыка пляжа слышна и сейчас, и до сих пор я ее очень люблю. Что за чудо веселья, развлечений, озорства, легкости общения, театральных и праздничных экспромтов была эта Куоккала!

Куоккала была царством детей. На пляже слышался гомон детских голосов <...> По воскресеньям на пляже где-нибудь играл оркестр: это означало, что было благотворительное представление (Лихачев:85-86).

И еще радостные впечатления от запахов. Один запах я до сих пор люблю: запах разогретого солнцем лавра и самшита. Он напоминает мне о крымском лете, о поляне, которую все называли «Батарейка»... (Нагибин:30).

Ср. оценка современной жизни, например, Нагибиным: преимущественно пахнет дерьмом; Льеже — замусоренный, грязный, вонючий, неопрятный; в самом воздухе разлито нечто порочное И недоброе; запах пива, дешевого вина (Нагибин:206).

Но до чего американские писатели любят писать о запахах! У меня осталось впечатление, что США – страна без запахов. Во всяком случае, там не пахнет еда и не воняют люди, как во всем остальном мире. А писатели все стараются что-то вынюхать в своем стерилизованном мире. Может быть, их томит почти полное бездействие одного из органов чувств? Они чувствуют себя обделенными по сравнению с европейскими коллегами. Вот и делают вид, что им аж сопатку сводит от многообразных и нестерпимых запахов. А какие там запахи, кроме тех, что источают бесчисленные одоранты: для подмышек, для рта, для

ног, для рук, для сортира, для ванной, для кухни, для спальни, для белья, для паха, для жопы, для мозгов (Нагибин:531).

Если говорить об эстетическом восприятии действительности через запахи, звуки, краски, то оно у авторов исповедей происходит как сопоставление *тогда — теперь*, в пользу *тогда*. Это, во-первых, объясняется тем, что *тогда*— это детство, а *детская память*, конечно же, колодец, и колодец со *светлой* водой, в которой *отражается* не только небо, не только *все самое яркое*, но прежде всего *поразившее воображение* (Астафьев:15). См. пример:

Вернулся из поездки в Иркутск — Благовещенск — поселок Гындинский. Рад, что съездил. Побывал на Малой Блиновской, ныне Чеховской, нашел дом, в котором мы жили, но ничего не испытал. В памяти все было иным, милее, наряднее, чище. Иркутск тоже оказался совсем не таким, каким помнился. Тот город был целен, невысок ростом, пригож, распахнут во все концы — много неба и солнца. Этот — тесен, ущемист из-за новых бетонных домов, совсем неживописен. Прежде Ангара естественно и просто сочеталась с городом, сейчас там наворочено каких-то каменных красок, что-то помпезное, ненужное, убивающее живое чувство. Далеко в реку врезается огромная танцплощадка. Старую решетку вокруг университета содрали. Город стал безлик, и настоящее не связалось с прошлым. Даже не верится, что это тот город, куда мы ездили с мамой в 1929 году через всю страну к Маре в ссылку. Тот город нам сразу полюбился, этот полюбить нельзя (Нагибин:339-340).

Во-вторых, объясняется этическим неприятием нынешней жизни на фоне прошлой. Ярким примером этого являются «Воспоминания» Д.С. Лихачева. См. гл. «О Петербурге моего детства»: противопоставление Петербург — Ленинград.

Тогда: чистота «двери содержатся в чистоте; стекла всегда чистые; тротуары чисто метут; они украшены...; дворники в белых передниках; швейцары в синих с золотом ливреях; свежий воздух; витрины сверкают чистотой; зажигаются лампы; солнечная сторона; бриллианты сверкают, переливаются»; **красота: «теперь** асфальт, **раньше** — тротуары из известняка, а мостовые булыжные, **красиво**; еще красивее огромные гранитные плиты на Невском; **красота и удобство**»; «Петербург был городом не только трагической, но и скрытой (во дворцах и за вывесками) красоты» (Лихачев:42-60).

Никогда не бывает город **так гордо красив, как весной**, особенно когда цветет наполняющая его сады и парки **сирень**, когда-то в Петербурге **столь обильная и пышно богатая**.

Ранней осенью в безветренные солнечные дни воздух прозрачен, и на Неве видна каждая деталь, а под вечер дома и дворцы на Неве кажутся аппликациями, вырезанными из бумаги и наклеенными на синий картон неба (Лихачев:58).

Цвет конок и трамваев легко забудется. Цветной фотографии еще не было, а на картинах они не так часто изображались: поди ищи! Конки были довольно **мрачные по цвету: темно-сине-серые с серыми деталями**. А трамваи очень **оживляли город**: они были покрашены в **красный и желтый цвет, и краски были всегда яркие и свежие** (Лихачев:49). [Цвет: зеленый, синий, желтый, красный, солнечный (= яркий. — TP)]

Годы 1917 — 1950-е запомнились мне своими **темными и скучными красками**. Дома если и красились, то уже **в один цвет, орнамент не выделялся цветом, да и не чинился**. Не стало красивых форм у военных. Люди ходили **оборванные и во всем старом, хотя бы и имели новое, но новое было носить опасно** — как бы не приняли за «буржуев». По этой же причине **не носили белых воротничков <...> Я** запомнил его [Щаляпина]

не потому, что впервые увидел «знаменитость», а потому, что бекеша Шаляпина было **необычного цвета — синяя.**

Когда в тридцатых годах мне рассказали, что за границей легковые автомобили имеют **разные цвета** и можно встретить даже **красные, желтые, голубые**, я как-то не мог себе это представить — настолько я привык ко всему черному в автомобильном хозяйстве (Лихачев:57).

Темно-коричневая толстовка, остальное все черное, поношенное, с темными рубашками <... > Таковы были **цвета трех десятилетий нашей советской жизни** (Лихачев:58).

Звуки: «цоканье копыт по булыжной мостовой», «гром Медного Всадника»; «цоканье было кокетливо-нежным, различным в дождь и в сухую погоду»; «мягкий, еле слышный звук катящихся колес по торцам и глуховатый «вкусный» топот копыт по ним же»; «кричали газетчики»; «на Неве гудели пароходы»; «тут и свист, и шипенье пара, и команды капитана»; «одним из самых «типичных» уличных звуков Петербурга было треньканье трамваев»; «я различал четыре трамвайных звонка»; «звуки военных оркестров»; «веселая музыка»; «тихие звуки»: «звенели шпоры военных»; «доносились фабричные гудки..., эти гудки были тревожными, призывными... » (Лихачев:50-52).

Для текста Д. Лихачева в этом случае характерно обобщенное обозначение субъекта восприятия (для всех Петербург был таким). **Погода — тогда / теперь:** «Изменилась ли погода в Петербурге со времен моего детства? Что называть погодой? <...> Другим стал запах уличного воздуха, даже его ощущение лицом. Десятки тысяч лошадей, обдававших прохожих своим теплом, как это ни странно, делали воздух города менее официальным. Я не оговорился: именно «менее официальным», менее безразличным к человеку (Лихачев:59).

Как указывает М.А. Дмитриовская, понятия сознания и самосознания являются в известной степени тождественными: с одной стороны,

невозможно осознать окружающий мир, не осознавая себя в нем, с другой стороны, невозможно осознание себя без осознания себя в мире (Дмитровская 1991).

При воспоминании прошлое как бы переносится в настоящее и созерцается одновременно двумя я: нынешним я человека и его прошлым я непосредственного участника или наблюдателя былых событий. Важнейшим условием памяти является ощущение человеком тождественности этих двух я: человек идентифицирует себя в прошлом и настоящем как одно лицо.

При воспоминании человек снова осознает себя в мире, который этим воспоминаниям соответствует. Воспоминание, проходя через серию различных состояний сознания, «материализуется в актуальном восприятии <...>, где оно становится состоянием наличным и действующим; когда нам «рисуется наше тело» (Бергсон 1911:258). Поскольку нынешнее я отделено от прежнего я, человек может видеть самого себя в прошлом как бы со стороны, и в то же время за счет тождественности этих двух я человек может проживать фрагмент своего прошлого заново. Выражение *Как сейчас вижу помню* лишний раз подчеркивает, что воспоминание имеет место не сейчас (Дмитровская 1991).

В исповедальной прозе объектом эстетической оценки является язык человека. Это и неперенный атрибут, по которому оценивается человек, и критерий нравственности этической оценки, и своеобразный, «шестой», орган чувств, соединивший в себе особенности зрительного и слухового восприятия. См.:

Каждый персонаж характеризуется собственной речью. Явственно слышны: нарочитая грубость судьи Савельевой; воинствующая глупость народных заседателей; дремучее невежество свидетелей обвинения; явная кагебешность «общественного обвинителя»;

интеллигентность и высокая юридическая квалификация защиты; интеллигентность и правдивость свидетелей защиты; интеллигентность и подлость секретаря «Комиссии Союза Писателей по работе с молодыми» — Евгения Воеводина; угрожающие реплики из недр зала — и чистый, спокойный, ясный голос Бродского (Чуковская, т. 3, 182).

Заметим, что в словарных описаниях концепта “язык” в английских словарях на первом месте значится функция самовыражения, в то время как в русскоязычных словарях — средство общения; см. актуализацию семы *самовыражение* в следующих примерах:

Ты можешь добиться успеха, тебя будут хвалить все газеты, ты можешь получить национальную премию и поехать от Израиля на международный фестиваль, тебя сделают национальным героем, ты будешь знать иврит, как русский, ты станешь богатым, купишь виллу и выведешь на ней израильский флаг — но ты никогда не запоешь, как птица. У тебя другое мироощущение, данное тебе от рождения. Ты будешь лишь вычислять, искать путь и ориентиры в потемках. Ты — актер, режиссер, творец — лишен свободного дыхания. Словом, «жить будете, петь — никогда» (Козаков:353);

Откуда у Курбатова его прекрасный язык? Он же детдомовский. Его ухо не воспитывалось на прекрасной народной речи. Откуда вообще мы, городские, живущие общим дурным речевым шумом, берем язык? И почему одни выуживают из смутного многоголосия дивную красоту, а другие звуковой мусор? (Нагибин:605). [Оценка таланта индивида.];

Солженицын о Лакшине: *дар великого критика редчайший: чувствовать искусство так, как художник, но почему-то не быть художником, вкусная манера изложения; процесс чтения доставляет*

удовольствие; пишет отличным русским языком, а это в наше время стало роскошью (Солженицын, Бодался теленок с дубом, 104).

Я вдруг заметил, что деревенские очень плохо говорят. От былой емкой, краткой, хлесткой и меткой речи не осталось следа. Сейчас говорят коряво, неритмично и многословно, щедро заимствуя из городского жаргона самое пошлое: «я всю дорогу предпочитаю мормышку стрекозе», «не вкусно отремонтировали хедер», «мужики напились, настроились на подвиги, но мы с Нюркой сделали ноги», «мировенькие корочки» и т.п. (Нагибин:450). [Социальная оценка.]

Шум, стихия языка, наверное, самое глубинное, что нам осталось. Он [Чуковский] был его лесничим Экология языка его пугала.

Язык его был чист, гармоничен, язык истинно российского интеллигента. От российской интеллигентности было в нем участие к ближнему, готовность к конкретной, не болтливой помощи, отношение к литературе как к постригу (Вознесенский:228-229).

Очень часто семы эстетической оценки выявляются при сопоставлении, например:

Плохой город, хуже Кашина: унылый, неживописный.

Сохранились белые остовы церквей и монастырских подворий, купола, колокольни в окружении старых прекрасных деревьев: вязов, берез, лип, тополей. Тут создан в бывшей церкви очень хороший музей (Нагибин: 450).

Острова разные по ландшафту (Лихачев: 227);

Как уже говорилось, эстетическая и эмоциональная оценки неразделимы, эмоция часто выражает общую оценку (см. выше Леонов: 140; Глазунов, № 4, 182).

5.3. Эмоциональная оценка

Модальные реакции связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего. Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности. Категория модальности и категории эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого. Категория модальности значительно шире. Категория эмоциональной экспрессии относится к внешней модальности и составляет ее ядро: в терминологии В.С. Храковского (Храковский, Володин 1986), В.Б. Касевича (1990), модальность включает в себя два тесно взаимодействующих и взаимосвязанных типа, объективную и субъективную, или, другими словами, внутреннюю и внешнюю модальность. Внешняя модальность, в отличие от внутренней, относится ко всей пропозиции, в чем и реализуется тезис «эмоциональное отношение к предмету речи». При определении предмета речи доминирующей является внутренняя модальность, при определении эмоционального отношения – внешняя модальность.

Эмоции, представляя собой чувственную форму познания как непосредственную реакцию на внешний или внутренний раздражитель, основанную на удовлетворении потребности человека, в отличие от модальности, не являются фактором, конституирующим и определяющим характер суждения в логике.

Возникновению эмоции в большинстве случаев предшествует восприятие или интеллектуальная созерцание какого-то положения вещей и его интеллектуальная оценка как плохого или хорошего для субъекта, вероятного или маловероятного и т.п. (Апресян 1995: 47-48). Все это

объясняет феномен модальности эмоций. Кроме того, очень многие речевые акты диктуются разного рода эмоциями (ср. *умолять, клеймить, бахвалиться, скулить в значении 'жаловаться'* и т.п.) или желанием вызвать определенные эмоции у адресата (*стыдить, умолять, упрекать* и т.п.). Подробнее об указанных аспектах речевых актов см. Wierzbicka 1987:33.

Все средства передачи эмоциональности могут быть классифицированы по характеру значимости и интерпретированы в терминах абсолютных оценочных предикатов хорошо/ плохо, отсюда логично предположить, что эмоциональность, будучи по природе антропоцентрической, должна соприкасаться с оценочностью, которая не мыслима вне субъекта оценки.

Процессы эмоциональной и аксиологической интерпретации действительности, являясь самостоятельными величинами, не только неразрывно связаны, но и взаимно детерминируют друг друга, причем доминантная роль эмоции и оценки в реальной коммуникации меняется (см. примеры анализа текстов далее). Указанному вопросу посвящены исследования Ю.Д. Апресяна, В.К. Вилюнас, Е.М. Вольф, Мандлера, З.К. Тимиргазиной, Т.А. Трипольской, О.В. Труновой, Н.В. Уфимцевой, В.И. Шаховского и др. Аксиологическая обработка действительности, предшествующая различным эмоциям, отличается большей или меньшей степенью когнитивности и осознанности индивидом и варьируется от очень существенной до незначительной (например, высоко когнитивная эмоция стыда и низко когнитивная эмоция отвращения). Просматривается прямая зависимость качества, интенсивности, знака эмоционального состояния от ценностно-аксиологических ориентиров говорящего субъекта. Рассмотрим примеры.

Самый ужасный вопрос в Москве — квартирный Живу в комнате, оставленной мне по отъезде Андреем 3. Большая Садовая, 10, кв. 50. Комната скверная, соседство тоже, оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот <...> (Булгаков, Письма, 413).

В этом текстовом фрагменте не содержится описаний испытываемых эмоций (по крайней мере, они не названы), но представлено оценочное суждение, содержащее все обязательные компоненты: указан субъект оценки (я), оценочный предикат (*ужасный*), объект оценки (*квартирный вопрос, комната*, родовидовые отношения эксплицитно конкретизируют объект, *соседство* — атрибут квартирного вопроса в Москве), основания оценки (*устроиться стоило больших хлопот*). Предикат *ужасный, скверная* (семный повтор, уподобление) эксплицируют сему отрицательной оценки и актуализируют негативное эмоциональное состояние уныния, беспокойства, дискомфорта, которое выражено косвенно через описание испытываемых чувств (*оседлым себя не чувствую, устроиться стоило больших хлопот*).

Анализ текста позволяет выстроить следующую цепочку шагов в эмотивно-оценочной интерпретации события: 1) суждение о ценностях (рационально- оценочная обработка информации); 2) обусловленные знаком оценки эмоция и эмоциональное отношение к объекту оценки; 3) выраженная с помощью эмоционально-оценочной лексики (ЭОЛ) эмотивная оценка ситуации. Таким образом, за оценкой часто скрывается эмоция.

В свою очередь, и эмоциональное состояние субъекта играет существенную роль в формировании эмоционального отношения и оценки. Качество, знак, языковые средства выражения эмотивной оценки зависят от проживаемой субъектом эмоции.

Рассмотрим ситуацию, в которой говорящий пребывает в определенном эмоциональном состоянии и это эмоциональное состояние

окрашивает, детерминирует эмоционально-оценочную деятельность человека.

И вдруг мягко хлопнули створки и закрыли яму, не могилу, не щель, не ровик, вот именно пустую, без стен, без дна яму, ведущую в преисподнюю.

*И я, да и все провожающие, стояли, **оглушенные** мгновенно свершившейся процедурой, все даже и **плакать перестали. Как же это? Куда бросить горсть земли? Куда** кинуть мокрые от слез платочки? *И где то время, тот горестный момент, когда не родные, «чужие» мужики возьмутся за лопаты, и как ударятся первые комья о крышку гроба и донесется глухой, уже как бы не здешний звук, с новой силой, скорбью и отчаянием зарыдают родные и близкие, потом, словно бы искупая свою **вину перед покойным**, вспотевшие мужики грязными лопатами разровняют, старательно прихлопают бугорок, и кто-то упадет, зароется в могильную землю лицом, и долго не смогут его отнять от этой земли, увести от могилы...**

***Где все это! Куда делось? Что за спектакль, что за действие было тут и так быстро, так неожиданно закончилось?** (Астафьев, Зрячий посох, 501).*

Автор текста (субъект, испытывающий эмоции, субъект оценки) пребывает в несчастье (горе, скорбь, вина, растерянность), что задает оценочно- модальную рамку, его восприятия действительности: все увиденное он квалифицирует в высшей степени отрицательно, как нарушение нравственно-этических традиций, как препятствие к выражению чувств и эмоций.

По форме речи текст — внутренний диалог по типу Я — Я (вопросы без ответа, которые автор адресует самому себе), ЭП задают общевопросительную семантику микротекста и обрамляют его

композиционно и семантико-грамматически. Другие вопросительные предложения уточняют, поддерживают общее значение текста. Средства выражения: вопросительные слова, интонация, риторические вопросы, диалогическая форма речи. Автор — выразитель точки зрения всех присутствующих *Я — мы* (повествователь и персонажи). Экспликаторы эмоционального состояния: *оглушенные, плакать перестали, вина перед покойным*, «нагнетение» вопросительных слов. Экспликаторы оценочного отношения: *спектакль, действие*.

В лексикографических исследованиях в трактовке понятия эмотивности существуют различия, обусловленные отношением эмотивного компонента значения к сфере детонации или коннотации.

Е.М. Вольф (1985), В.Н. Телия (1986), И.В. Арнольд (1990), М.С. Ретунская (1996) определяют эмотивность как факультативную часть оценочности. С этим трудно не согласиться. Так, аксиологическая оценка по признаку *хорошо — плохо*, как и прочие виды оценок, в строгом смысле эмоциональной не является и из области рационального не выходит, будучи оценочным суждением. Но вызываемая ею реакция субъекта переживается им как эмоция. Если оценка (оценочное суждение) иллокутивно отмечена и имеет коммуникативной целью оказание влияния на собеседника, то собственно эмоции всего лишь сигнализируют о внутреннем психологическом состоянии субъекта и его реакции на изменение ситуации. По мнению Г.П. Немца, можно утверждать, что причиной, вызывающей эмоции более или менее высокого порядка (отличие от ощущений, таких, как боль и удовольствие, которые локализованы и несут информацию о внешнем мире), является не физический объект, а оценочное суждение о нем, что дает автору определенные основания для трактовки эмоций как суждений (Язык и антропологические сущности... 1997:243-244).

В лингвистике высказывались разные мнения об обязательности / факультативности слушающего в ситуации выражения говорящим своих эмоций. Ш. Балли (1961), считал, что у аффективных высказываний может быть одна из целей: выражение субъективного мира говорящего или использование соответствующих языковых средств для воздействия на слушающего (Акимова 1990: 94-95). Эта точка зрения подтверждается проанализированными материалом исповедальной публицистики. Во-первых, эмотивные РА и РА выражения эмотивно-оценочного отношения становятся РА эмоционального воздействия при их произнесении во внешней речи, когда в повествовании указано на реального слушающего, во-вторых, адресат (слушающий) в исповедальной прозе, как уже говорилось, есть всегда (или сам автор, или читатель). Несомненно одно: если есть слушающий, то говорящий ожидает ответной реакции на свои чувства. Например:

Вот так же откуда-то оттуда, где лес, дорога, песни, колоски хлеба, явилась Саша Порогова и предстала перед экзаменационной комиссией актерского факультета Института кинематографии. «Не звали? А я тут», - словно хотела сказать. Дыхание не унять, волнение тоже. Будто от самого села Шураново бегом бежала.

С улыбкой, готовая выполнить любое задание, Саша никак не могла справиться с волнением.

- Что вы будете читать, девушка?

- Читать? — изумленно спросила она. — Ничего!

- Как? Вы не подготовились? [взаимное изумление. — Т.Р.]

- Ну...

- Приехали издалека... [сочувствие, поддержка. — Т.Р.]

- Да вы не переживайте! [РА утешения. — Т.Р.]

- Вы хотите поступать на актерский факультет? [РА подбадривания. — Т.Р.]

Глаза Саши загорелись, она ждала подсказки... [волнение. — Т.Р.] (Мордюкова:152). [На волнение следует эмоциональная реакция изумления, РА утешения].

Эмотивный (собственно оценочный) компонент характеризует прежде всего глаголы, которые указывают лишь на отношение субъекта к объекту, но не обозначают свойств последнего, такие как *нравиться / не нравиться, ценить, одобрять* и т.п. Эмотивность содержится также в семантике глаголов эмоционального отношения *радоваться, огорчаться, возмущаться* и т.п. (*радоваться* — хорошо, *возмущаться* — плохо). Глаголы *любить, нравиться, ненавидеть, восхищаться, восторгаться, негодовать* и др., являясь средствами выражения эмоционально-оценочного отношения, градуированы по степени эмоционально-оценочной реакции субъекта.

Среди оценочных выражений выделяется особый класс слов, которые содержат аффективность в своем значении; ср. прилагательные *потрясающий, замечательный, немыслимый, ужасный, кошмарный*, глагол *обожать* и т.п. В семантике этих слов оценка сочетается с интенсификацией, а эмотивный аспект значения (ориентированность на субъект) выступает на первый план. На основании этого А. Вежбицкая предложила тест для различения аффективных и собственно оценочных прилагательных: *Говоря объективно, она красива, но не Говоря объективно, это потрясающе* (Wierzbicka 1980:336¹). См. примеры: *голгофа* (Щеглов); *стихи были замечательные* (Найман); *неожиданная*

---

¹ Аффекты, с одной стороны, являются качественно однородными компонентами эмоциональной сферы. А с другой представляют собой наиболее яркую, концентрированную форму проявления всех эмоциональных реакций, от собственно эмоций в узком смысле (как положительных, так и отрицательных) до волеизъявлений. Попытка описания аффективной реакции человека сделана А.Н. Луком (Лук 1972). Он выделяет 8 видов аффекта: блаженство, восторг, изумление, отчаяние, ярость, злобу, ужас, омерзение. Эта классификация учитывает не только динамические характеристики аффективных реакций человека (длительность, интенсивность протекания и др.), но и качественные, в том числе их знак (положительный или отрицательный). Особое место среди них занимает «изумление», знак которого зависит от того, благоприятной или неблагоприятной, выгодной или невыгодной окажется для человека резкая смена ситуации.

сила переживания, взмолился: - «Ради Бога!», ударило, плеснуло, лоб и скулы, люминисцирующие при слабой луне, сладко-ледяной шекспировский колодок, с ужасом, головокружение, овладевшее мной (Ахмадулина: 4).

Теоретически каждая значащая единица языка в тексте может стать носителем эмоционального заряда. Неэмотивная лексика при вторичной номинации приобретает коннотативное значение, проявляющееся прежде всего через процесс эмоциональной оценки. В таком случае можно говорить о категории потенциальной возможности выражения оценочной коннотации (см. Водяха, Терещенко 2001).

Индикаторами эмотивов являются фразеологизированные конструкции соответствующей семантики (например, вопросительные по форме высказывания, не имеющие собственно-вопросительного значения), междометные высказывания, прерванные предложения, эмоциональные паузы, парцелированные, сегментированные, присоединительные конструкции, повторы, восклицательные высказывания, императивы, суффиксы со значением уменьшительности, ласкательности и др.

«Эмотивность» как собственно «оценочность» в том смысле, который подразумевается в работе Е.М. Вольф (Вольф 1985), лишь косвенно соотносится с эмотивностью в теориях эмотивистов, где это понятие подразумевает не просто отношение субъекта к объекту, но отношение, связанное с эмоциями.

Как указывают исследователи эмоциональности в языке, эмоциональное не равнозначно эмотивному («оценочному»), второе понятие является более общим и включает и эмоциональное, и рациональное как свои разновидности. Эмотивный компонент оценки подразумевает хорошее / плохое отношение субъекта к объекту оценки и противопоставляется объективному, который опирается на свойства объектов. Подтверждением мнению Е.М. Вольф служат наблюдения психологов, которые утверждают, что в языке не может быть «прямого»

отражения эмоций, но только такое, какое «снято» в языковых выражениях в формах пережитой эмоции или чувства. Так, Г. Шингаров замечает, что «в психологии понятие эмоции употребляется для сферы чувств-переживаний, а понятие эмотивности - для обозначения психических процессов, связанных с эмоциями, но несводимых к ним» (Шингаров 1971:3, 91). Иными словами, эмоции описываются в языке его формами (исключением здесь можно считать междометные формы, которые не описывают, а сигнализируют об эмоциональном состоянии субъекта), а это означает, что они выражены не непосредственно (в виде сигнала), а опосредованно – в виде описания чувств-отношений или чувств-состояний. Поэтому необходимо различать текст, целью которого является выражение эмоций, эмотекст в строгом смысле слова, и текст-эмоциональную оценку. С эмоциями могут быть связаны разные виды оценок, как сенсорные, так и этические, эстетические, рациональные и т.д.

Эмоциональная оценка, как правило, бывает экспрессивной. Экспрессивность рациональной оценке не свойственна. В речевых актах экспрессивность оценочных выражений направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие собеседника, иными словами, увеличить перлокутивный эффект оценочного высказывания. Поэтому экспрессивность составляет характерный признак речевых актов, где оценка выступает как основная иллокутивная сила. Например:

*Ко мне пришел физик, Миша Поливанов. Симпатичный и эрудированный молодой человек. Он **пастерначист** до мозга костей, до кончика ногтей, до корней волос, он **яростно влюблен** в Пастернака... (Чуковская, т.3, 76); Да, не отступает от меня Фридино лицо. Глаза – «круглые да карие, горячие до гари» - глаза на лице не видны, видны **черняки** под глазами. **Черняки** – ярче глаз! (там же:183). [Средства экспрессии: окказионализмы (*пастерначист*, *черняки* (внутренняя форма – *синяки*), *зевгма* (традиционный ряд однородных обстоятельств меры и*

степени, выраженных ФЕ-синонимами), оксюморонное сочетание (яростно влюблен) с обстоятельством меры и степени, прием цитирования, сравнения (ярче)].

Показательно, что для современного социума (и для отдельной языковой личности) наблюдается тесные связи между интеллектуальными концептами, морально-нравственными, и даже негативными физическими характеристиками. Например, слова, выражающие эмоциональную оценку: *дурак, глупый, с ухватками бандюги, оголтелый пьяница, вооружен передовыми идеями всеобщего коммунизма, братства и равенства, дерьмо, яростный коммунист, заправила, шельма, мужичонка, пакостный, морда, битая оспой, узкорылая, бесцветная, немытая.* Индивидуальная ассоциация: *Если бы портрет этого большевика придумывать нарочно, то лучше бы и точнее оригинала ничего не измыслить* (Астафьев:11). Пратекст: *Если бы выставить в музее плачущего большевика <...>* (В. Маяковский). Эти взаимопроникающие связи отражают наивную картину мира (в данном случае не противоречащую психологическим представлениям о личности как системе взаимосвязанных элементов). Как видно из приведенного примера, весьма негативной является эмотивно-оценочная интерпретация говорящим *глупого* человека, *глупого* поступка и поведения.

В индивидуально-авторском публицистическом содержании концепта *дурак, глупый* оценка определена национально-историческом контекстом и связана с понятиями подлости, безнравственности, непорядочности, которые в ценностной парадигме занимают сугубо негативный полюс. Индивидуально-авторские составляющие этого концепта: *предательство, трусость*, от которой страдает другой человек, *изощренное коварство*.

Данные исследования исповедальной публицистики не совпадают с исследованиями устной речи и других источников. Например,

Т.А. Трипольская указывает, что отрицательная реакция на глупость и положительная на высокий интеллект является определенной универсалией, характерной для разных языковых коллективов, а выявленные ею неотрицательные (сочувственные, одобрительные, жалостливые, обнадеживающие) реакции, связанные с различными ситуациями, характеризуют сегодняшнее представление о ценностях нашего языкового коллектива: жалостливо-сочувствующее отношение, корнями уходящее в христианские традиции; представление о «внешней» глупости (Иван-дурак), под которой обнаруживается ум, смекалка, житейский опыт, до поры до времени не проявляющийся, а также о глупости-простоте, которая предполагает неумение ловчить, рассчитывать, обманывать и др. – им соответствуют, скорее, положительные коннотации (Трипольская 1999:202). Ср. пример такого употребления в исповедальной прозе:

- У тебя все складывается отлично, лучше не бывает. Чего ты ерепенишься? Веди себя в театре тише воды ниже травы, и все будет о' кей. Роли тебе дают, тарификацию подбросили, вступи в партию – получишь звание... Софроновым он, видишь, недоволен! Высказываешься, трепешься при всех... А люди, знаешь, какие? Тебе завидуют. Гамлета играешь, статьи о тебе пишут, киноартист... Дурак ты! (Козаков:77).

Подобная интерпретация оценки дурак если и встречается в исповедальной прозе, то, как правило, в авторской самооценке.

На рациональную оценку всегда возможна эмоциональная реакция, если оценка так или иначе затрагивает интересы адресата. См. пример:

Это была голгофа для актеров — спектакль о производстве тканей [А. Суров. «Рассвет над Москвой». - Т.Р.], типичные «сопли в сахаре», как говорила Раневская (Щеглов:136).

Эмоциональная реакция также часто возникает как неадекватная реакция на чужую эмоцию или как неадекватная эмоция на РА-отношение.

Например:

Уселись в машину. Тронулись.

*- Ионас! — чуть не крикнула я. — **Кони!***

- Да. Здесь совхоз коневодческий. Уже подъезжаем. Наши две лошади пасутся тоже здесь. Летом.

*- **А седла? Седла есть?***

- Все есть, - улыбнулся Ионас. — Хочешь покататься?

*- **Еще как!***

*- **Не упадешь?** [забота. — Т.Р.]*

*- **Прошу не оскорблять!** [неадекватная реакция. — Т.Р.]. Во-первых, на лошадях не катаются, а ездят, во-вторых, у меня диплом об окончании школы верховой езды при ЦСКА.*

Давным-давно прошли кинопробы к фильму «Комиссар». Я получила тогда диплом по верховой езде.

- Вот не знал. Сейчас разберемся.

***Сердце забило. У меня манера — немедленно добиваться желаемого** (Мордюкова:134).*

Выявив зависимость и взаимообусловленность эмоциональных и рационально-оценочных процессов ментальной деятельности говорящих, обратимся к эмотивно-оценочному дискурсу¹ с целью анализа действия этих механизмов в реальной коммуникации. Рассмотрим текст.

Наваждение

«Самая прекрасная и глупая эмоция, какую мы можем испытывать — ощущение тайны. В ней источник всякого знания. Кому эта эмоция чужда, кто утратил способность удивляться и замирать в священном

---

¹ Эмотивно-оценочный дискурс (ЭОД) — речевые произведения, цель которых выразить эмоциональное состояние, эмотивную оценку с помощью эмотивно-оценочной лексики (Трипольская 1999:165).

трепете, того можно считать мертвецом...» Прочитал я эти слова великого ученого и подумал: вот живу, читаю о всякой чертовщине — о летающих тарелках и даже тазах, и неживых телах и существах, невидимо и безболезненно проникающих в нас, о царствах подземных, глубинно-морских и прочем, и прочем, что прежде называлось просто и ясно — чертовщина.

Выросши в суеверном таежном селе, побывав на войне, побродивши, наконец, всю почти сознательную жизнь по уральским, сибирским лесам и по вологодским, болотам, где, казалось бы, только всякой нечисти и водиться, я ничего, никакой нечистой силы не видел и не слышал, сродственников с других планет и даже снежного человека нигде не встречал.

А вот ощущать — чего-то ощущал. Явственно это было два раза за жизнь. Один раз на войне <...>

Я хотел войти в кущи, нарвать яблок или кругло налитых, белых, переспелых слив, как вдруг почувствовал, что там, в глушине сада или поза ним, в сумерках, успевших когда-то наступить, что-то или кто-то есть.

Нет-нет, не немцы, не военные, не лазутчики иль дезертиры, не паны, вернувшиеся домой, не наши солдаты, шакалящие по пустым избам и садам. Там есть тот или то, чего я боялся еще маленьким, страшась ввечеру идти один в баню или избу, пока в ней не засветят лампу. Оно, тот или то, водилось только по темным углам, в подполье, в подвале, в старых стенах кладовок, амбаров или на чердаках.

И вот оно объявилось в темнеющих зарослях заброшенного польского селения. Там в сгустившемся мороке чудится завалившаяся набок избушка, чья-то притаившаяся тень или старые кресты.

Смех сказать, боец, уже дважды раненный, черт-те чего навидавшийся и натерпевшийся на фронте, с полным, свежезаряженным диском в автомате, прирос к месту и не может сделать шагу. Всю спину скоробило страхом, в башке гул, сердце обмерло, едва шевелится. Чем дольше стоит он, боец этот бесшабашный девятнадцати лет от роду, тем страшнее ему, тем обморочнее его сознание.

Сдергивает автомат с плеча, сваливая весь страх с себя разом, вдруг заблажив не своим голосом что-то, застрочил в темень сада и побежал, на ходу не переставая давить на спуск автомата.

Сколько-то пробежал, остановился, держа перед собой автомат на пузе. Выпустил, и очень быстро, весь диск, это ведь в кино из них стреляют так, будто в диске ведро или сундук патронов. Прислушался: ни криков, ни шума во вдальке уже темнеющих зарослях не слышалось — могли ведь селяне там быть иль всюду проникающие добытчики-вояки по саду шариться, порешил бы кого — под трибунал угодил бы.

Но... тихо повсюду и еще не темно, еще сумерки продолжаются. Я миновал укрепрайон, вошел в лес — привычное дело, лес-то, тайга-то, где бы и водиться лешим, а ничего, все страхи позади. Переваливаю гору, за нею на поляне вольготно расположился штаб бригады.

«Задание выполнено», — нарочно громко поору я, вернувшись, и — домой.

Но не скажу никому, чего было-то. Что за дурь? Что за помутнение рассудка?

Хотел обматерить себя, но в минуту страха, слабости духа и смирения я, как и многие русские солдаты, не употреблял бранных слов, уразумел я на войне, что в этой жизни, на этой земле есть силы превыше нас, и не мы ими, а они повелевают нами, они сложнее того, чем мы обладаем и что ощущаем, они за пределами нашего разума, который мы смеем называть могучим. В подсознании нашем хранится такая память,

такое ощущение пространств и времен, что истовый атеист, комиссар в ремнях, отдаваясь от земного, брэнного, разлепливая спекшиеся от крови губы, взывает к Боженьке, — это те чувства, те ощущения властеют им, над которыми он не властен, это дух Божий коснулся его души, открыл перед ним бездну — и он испугался бесконечности, отлетая в нее.

Не скажу, что с тех пор, с того фронтового времени и происшествия по пути в штаб бригады с донесением, я победил страх и перестал бояться того, что недоступно моему разумению, но уважать какую-то другую, помимо меня существующую, таинственную силу научился.

Много, много лет спустя потом, в тайге, возле каменистого распада, заросшего чернолесьем, мелким сосняком, частым пихтачом на склонах да непролазных кустами понизу, выманивал я рябчика из зарослей < ... >

Дома я перелистал все словари, русские и иностранные, — слова, услышанного мною в тайге, нигде не нашел.

Да и было ли оно произнесено? Или это всего лишь наваждение, навеянное усталостью и тем, что хранится в глубине души, изредка тревожа наше несовершенное, от всего-то и всегда зависящее сознание (Астафьев, Затеси, 14-17).

Интерпретация события окрашена эмотивно-оценочной модальностью: воспринимая происходящее, повествователь квалифицирует его как *наваждение* (абсолютно сильная концептуальная позиция текста, заголовок). **«Навождение (наваждение устар.)**. В поверьях — призрак, *обманчивое видение, внушенное злой силой с целью соблазна. // Непонятное, поразительное явление, трудно объяснимый случай (разг. шутл.) (курсив наш. — Т.Р.)*» (Толковый словарь русского языка 1996:Т. II, 315); «По суеверным представлениям: то, что внушено

нечистой силой с целью *соблазнить, увлечь, запутать, обман чувств*. (О непонятном, необъяснимом случае, явлении) (курсив наш. — Т.Р.)» (Большой толковый словарь русского языка 1998:571). Сема *непонятность, необъяснимость* содержится в языковых средствах с семантикой неопределенности: *или, что-то, кто-то, тот или то*. Автор отвергает логическую словарную оценку «по суеверным представлениям» (*чертовщина, нечисть, нечистая сила; водится в лесах и болотах, по темным углам, в подполье, в подвале, в старых стенах кладовок, амбаров или на чердаках; летающие тарелки и тазы; неживые тела и существа, невидимо и безболезненно проникающие в нас, царства подземные, глубинно-морские, сродственники с других планет; снежный человек*) и заменяет ее на свою: *ощущение тайны, способность удивляться и замирать в священном трепете, эмоция* (эмоция — ощущение, способность), квалифицирует эту эмоцию как *прекрасную и глупую*, ссылка на авторитет, *слова великого ученого*, определяет ассоциативную текстовую перспективу. Отрицательная фразеосхема (*Не встречал, а ощущал*) лишает объект оценки объективного сущностного статуса (*не явление*), а определяет объект как *чувство, ощущение, которое вызывает эмоцию*.

Выделенные элементы дефиниций актуализируют полярно противоположную, отрицательную и положительную, оценочную и эмотивную семантику, а также качественно-количественные параметры ситуации (компонент «чрезмерность проявления эмоционального состояния»). Кроме того, показателем отношения субъекта к событию является изменение отношений между субъектом-повествователем (субъектом оценки) и субъектом, испытывающим эмоциональное состояние (объектом оценки): сначала дистанцируются (*он, боец, уже дважды раненный, черт-те чего навидавшийся и натерпевшийся на фронте, девятнадцати лет от роду*; оценка: *смех сказать*,

бесшабашный...), потом сливаются (я; дистанция обозначается только формой глагола сов.в., буд. вр. в значении прошед. исторического, временная дистанция (я — тогда, я — теперь), *поору, не скажу*; оценка: *Что за дурь? Что за помутнение рассудка?*).

Текст характеризуется синкретичным выражением оценочных и эмотивных значений с помощью слов, которые могут быть знаком и ценностного суждения, и эмоционального отношения. Здесь, безусловно, преобладает отрицательное эмоциональное отношение к событию. Эмоциональная интерпретация события является пусковым механизмом для становления ценностной оценки. Показательно, что два текстовых центра (оценка и вызывающее ее эмоциональное состояние) связаны с помощью синкретичного безличного предиката (*скоробило страхом*, глагол ср.р. прош. вр. + сущ. в тв. п.) синонимичного слову категории состояния *страшно* (*тем страшнее ему*), прототипической функцией которого является функция представления состояния. Будучи сказуемым в сложноподчиненном предложении (со взаимообусловленными частями *чем, тем*), слова категории состояния реализуют семантику оценки и состояния, причем оценочное значение является доминирующим (Вольф 1989). Далее развивается тема эмоционального состояния, знак этого состояния уже дан (отрицательные эмоции сема, *плохо*).

Объект — причина эмоции (*Там, в сгустившемся мороке чудится завалившаяся набок избушка, чья-то притаившаяся тень или старые кресты*). Выделенные средства содержат сему *непонятное, необъяснимое, опасное, страшное*; *избушка* — ассоциативно *сказочное, страшное* (избушка на курьих ножках). Укажем еще состояние окружающей среды, которое представляется герою угрожающим, связано со временем действия нечистой силы: *ночью, под вечер, на закате, в сумерках, ввечеру, темнеющим, темные, сгустившийся морок, тень, темень, не темно, сумерки, затмение*.

Описание эмоций связано с физическими действиями и физиологическими реакциями, вызванными эмоциональным состоянием (*прирос к месту, не может сделать шагу, всю спину скоробило страхом, в башке гул, сердце обмерло, едва шевелится*). Мы уже указали на дистанцированность в данном случае Я-объекта оценки и Я-субъекта оценки. Но эти два я являются разными ипостасями единого Я автора. Одним из сигналов этого единства является стилевая маркировка элементов *скоробило, башка, обмерло, едва шевелится* (разг.). В иронично-разговорном стиле автор нынешний повествует о себе тогдашнем (ирония — отношение). Сложноподчиненная конструкция с взаимообусловленными частями (*Чем дольше стоит он, ... тем страшнее ему, тем обморочнее его сознание*) определяет динамику дальнейшей перспективы текста: статичное состояние сменяется последовательностью действий (нес.в. наст.вр.; сов.в. — прош.вр.): *сдергивает, застрочил, побежал, пробежал, остановился, выпустил, прислушался, заблажив* — оценочная сема (ирония).

Описание физических действий, вызванных эмоциями, сменяется описанием аналитической деятельности, показатели: семантика выбора (*или*), предположения-возможности (*могли ведь, порешил бы, угодил бы, или*). Это свидетельствует об угасании эмоции. Эмоция страха сменяется описанием (*порешил бы, угодил бы*); сигналы «освобождения от страха»: *сваливая весь страх с себя разом, вдруг заблажив не своим голосом что-то, все страхи позади, нарочно громко поору я* - рациональная реакция, способ обозначения объекта оценки меняется (*я*); *что за дурь? Что за помутнение рассудка?* (негативная эмоциональная оценка). Осмысление действительности в этой эмотивно-оценочной модальности является основой для возникновения нового эмоционального состояния. Эмоция стыда является результатом всей предшествующей аксиологической деятельности субъекта (*не скажу никому, чего было-то*).

Это изменение эмоционального состояния в какой-то мере провоцирует дальнейшую ценностную интерпретацию событий, но, главное, определяет качество оценки, которая приписывается элементам действительности. Дальнейшие ценностные суждения вводятся в текст с помощью ментального предиката *уразумел* (показатель когнитивности оценки). Герой пересматривает свою оценку в направлении от минуса к плюсу по отношению к таинственной силе, эмоциям (*дурь, помутнение рассудка, страх, слабость духа, смирение; чувства, ощущения, над которыми он не властен, это дух Божий коснулся его души, бесконечность*) и от плюса к минусу по отношению к разуму (*<... > на этой земле есть силы превыше нашей власти и воли, они больше нас, дальше нас, и не мы ими, а они повелевают нами, они сложнее того, чем мы обладаем и что ощущаем, они за пределами нашего разума, который мы смеем называть могучим*).

Таким образом, текст содержит не только описание эмоционального состояния персонажа, но и его рефлексии по поводу испытанного чувства, включающую квалификацию своего состояния с точки зрения обычности, качества эмоции и ее конструктивности. Текст эксплицирует неразрывную связь и взаимодействие эмоциональной и рациональной обработки информации интеллектом говорящего, а также позволяет выявить пусковые механизмы тех или иных эмоций и взаимовлияние эмоциональной и квалификативной деятельности человека. Пережитые эмоции, подобно пережитым манипуляциям с объектом, изменяют состав субъективного опыта, создают системы шкал и оценок, существенно определяют отношение индивида к воспринимаемым объектам и ситуациям; см. об этом (Артемяева 1980).

Ключевая оценка в анализируемом тексте задана, на первый взгляд, не согласующимися семантически предикатами и определениями: *прекрасная и глупая эмоция; не скажу, что перестал бояться, но научился*

уважать таинственную силу. У прилагательного *глупая* актуализированы семы *нелепая, нерациональная*. Эмоция бояться меняется на чувство-отношение *уважать*.

Далее на самооценку, смешанную с самоиронией, наслаивается семантика сомнения, неопределенности, выбора, обусловленная лексическим значением слова *наваждение* (*не скажу, что...; какую-то, да и было ли...; или это всего лишь*).

Важно, что в тексте определен ментальный, этнический характер эмоций (см. абзац *Хотел обматерить себя...*).

Перейдем к рассмотрению сущности эмоций. Необходимо определиться в соотношении понятий «состояние» — «чувство» — «эмоция». Обратимся к их словарному определению.

«Состояние <...> физическое *самочувствие* или *настроение, расположение духа человека* (угнетенное, тяжелое, восторженное, радостное) (курсив наш. — Т.Р.)» (Большой толковый словарь русского языка 1998:1241).

«Чувство. 1. *Способность* живого существа воспринимать психофизические ощущения, реагировать на внешние раздражители. Органы чувств (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус). Ч. *голода, боли, озноба, страха...* 2. *Состояние*, в котором человек способен сознавать *окружающее; сознание. Упасть без чувств* (без сознания). *Лишиться чувств* (потерять сознание, упасть в обморок). 3. Внутреннее психическое *состояние* человека, его душевное переживание; *способность* отзываться на жизненные впечатления. *Радостное, доброе и тревожное ч.* Ч. *любви, гнева, печали, тревоги, тоски, нежности, ревности, стыда...* 4. Внутреннее *волнение*, душевный *подъем, порыв* (с чувством, от избытка чувств). 5. *Способность* к особому *восприятию* явлений окружающей действительности, произведений искусства и т.п. *Эстетическое ч., ч. красоты, цвета...* 6. Осознание своего отношения к

другим, своей связи с ними, общественного положения и т.п. Ч. долга, ответственности, собственного достоинства, гордости (курсив наш. — Т.Р.)» (там же:1484).

«**Эмоции.** Субъективные *реакции* человека и животных на *воздействие* внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде *радости, страха, удовольствия* или *неудовольствия*. *Бедность / сила эмоций / чувства*, душевные переживания человека. *Положительные, отрицательные э. Э. страха. Э. удовольствия* // Разг. Внешнее (обычно несдержанное) проявление чувств. *Слишком много эмоций. Ненужные э. Давайте обойдемся без эмоций* (курсив наш. — Т.Р.)» (там же:1522).

Итак, лексическое значение слова *чувство* во втором и третьем значениях совпадает со значением слова *состояние*. Состояние можно считать ситуативной основой для возникновения чувства. А чувство — это то, что лежит в основе эмоции. В значении «чувства, душевные переживания» *эмоции* равны *чувству* (форма проявления чувств). В своем четвертом словарном значении слово *чувство* совпадает со значением слова *эмоция*. Например, состояние беспокойства, тревоги — это негативное состояние и сопровождается негативными эмоциям (*эмоциональное беспокойство*).

Конечно, эмоции и состояния — разные вещи. Ср. пример А.Н.Леонтьева: *Меня охватил гнев* — состояние, *я обрадовался* — эмоциональное состояние (Леонтьев 1977: 198). Одним из грамматических способов различения эмоции и состояния, видимо, может служить возможность синонимической замены на предложно-падежную именную словоформу: ср. возможность замены *я в гневе, в печали, в тревоге, но не в радости*, см. (Апресян 1995:55).

Вместе с тем эмоции и состояние — вещи взаимообусловленные. В качестве аргумента приведем данные «Тематического словаря русского языка» под ред. проф. В.В. Морковкина (2000). Сферу «Эмоциональный

мир человека» авторы словаря (Саяхова, Хасанова, Морковкин 2000:113-148) делят на следующие подтемы: способность переживать (чувства, эмоции); эмоциональные состояния и переживания (чувства); выражение чувств, эмоций; чувства, проявляемые к другим; отношения между людьми; психические свойства. *Радость*, к примеру, названа в разделе чувств, и в разделе эмоций, и в разделе эмоциональных состояний и переживаний.

На языковом уровне нужно различать обозначение собственно эмоций и их внешнего проявления. Необходимо иметь в виду, что в языковом выражении могут быть выделены, с одной стороны, единицы, описывающие эмоциональные состояния, с другой — определенный подкласс эмоционально окрашенной лексики, в котором слова не называют эмоций, но эксплицируют их. Существуют также и иные средства передачи эмоциональных состояний. В первую очередь, это интонация. Это также интенсификаторы и эмфатические конструкции. Однако перечисленные средства не обнаруживают категориальной целостности. Факультативно в проявлениях эмоций могут участвовать физиологические реакции (*побагроветь от гнева (от ярости)*), физические действия (*прыгать от радости*) и речь (*громко восторгаться*). (См. эмоции и их выражение по «Тематическому словарю...» под ред. Морковкина 2000). См. примеры:

*Мне отвели отдельную комнату, я наконец легла, и тут же нахлынули мысли об Ионасе. Ни к чему это... Распустилась. Увлеклась... Поставила себе на грудь командировочный приемничек «Селга», тихо плачу, прощаюсь. **Больно. Очень больно...***

*«Ноктюрн», — объявляет голос. Красиво играет квартет... **Сердце забило, да так сильно, что я села. Пошарила глазами по неосвещенной комнате, по колышущимся веткам за окном и пошла к окну... Ты здесь. ... Под окном «наша» машина. Вгляделась, увидела: дверцы распахнуты,***

кое-где белеют кусочки простыни, свесился плед... Спишь, рыцарь мой? А я **лью** теплые слезы... Как я **люблю** тебя!.. И тебя, твою **силу и красоту**, и Прибалтику... **Тихо, сладко, хорошо** — пусть хоть на миг (Мордюкова: 138). [Эмоции и состояние: *больно, любовь, сладко, хорошо*, проявление: *плачу, лью слезы, сердце забилося*].

... Опять **трахнуло** в небе, **мазнула** молния, **вновь** посыпался на деревья дождь.

— Это к **счастливому** пути, — **ворчит** соседка.

Словно бы я виновата — все мое пребывание здесь было **ясное небо, теплое море**, и вдруг за **пятнадцать минут** **белый свет** опрокинулся. **Наколдовала я будто** (Мордюкова:142). [*Ворчит* — эмоция-состояние, *недовольство*.]

- Я стала **рассказывать что-то, чудить**. Аж **жарко стало** — такая **расталантливая** я была в этот вечер, а **вернее** — в **ночь** (Мордюкова:136). [*Волнение*].

В лингвистике неоднократно отмечалось, что названия чувств не являются средством их выражения (см., например, Шаховский 1987), однако они являются индикаторами речевых актов эмоционального воздействия: *Я люблю Вас; Я огорчен, раздражен; Мне стыдно; Я взбешен*.

В общей модели человека органом, в котором локализуются эмоции и чувства, считается *сердце, грудь (и душа)*: *У меня на сердце / на душе тяжело / легко* (= Я испытываю отрицательные / положительные эмоции; *Сердце забилося...* (Мордюкова:134), *от всего сжимается сердце* (Астафьев, Зрячий посох:17), *но: от такого головокружения, слушала телом, как глухой, спиной и ладонями впитывала* (Ахмадулина:5). *Времени и сердца на нас, на детей твоих, у тебя не хватило* (Астафьев, Забубенная головушка, 62), *Замедлится ход крови, чуть охладится, успокоится сердце, остается лишь крикнуть что-то, душу рвущее*

(Астафьев, Затеси, 14). Общая способность человека к проявлению широкого спектра эмоций и чувств определяется русским языковым сознанием прежде всего как нравственное качество, связанное с отношением к другим людям, см. предикаты типа *чувствительный, бесчувственный, сердечный, бессердечный, душевный*.

Характеристика эмоциональных свойств личности безотносительно к нравственной сущности, а лишь как психофизиологической особенности человека осуществляется предикатами *эмоциональный, неэмоциональный, малоэмоциональный, восприимчивый, невосприимчивый* и т.п., которые являются оценочно нейтральными, т.е. не входящими в ценностную картину мира. Но «погруженные в ситуацию» эти качества могут оцениваться как положительные и как отрицательные. *Эмоциональный* — *реактивный, восприимчивый* (положительно), *беспокойный* (отрицательно). *Неэмоциональный* — *уравновешенный* (положительно), *равнодушный* (отрицательно).

Не согласимся мы и с тем, что качества *восприимчивый, невосприимчивый* не входят в ценностную картину мира (Темиргазина 1999). В русскую картину мира они входят, наряду с эмоциональностью (напомним замечание А. Вежбицкой о высокой эмоциональной температуре русского текста).

Конкретные эмоции человека являются большей частью аксиологически релевантными, а слова, их манифестирующие в языке, имеют оценочный характер. Они обозначают непостоянный, актуальный признак человека, имеющий ограниченную временную протяженность, и сочетаются с кванторами вневременности и показателями временного промежутка. Например:

Однажды я потерял чувство времени. Время как бы остановилось и исчезло. И все прожитое мной, начиная с первых воспоминаний, стоявшее до этого в ряд, утеряло последовательность,

все сконцентрировалось и слилось в одной точке. Не существовало и будущего, было только одно настоящее, то, что уже есть, и это было странно-счастливое состояние. Нет времени. Нет вечности — ни той, которая позади нас, ни той, что впереди: есть только то, что есть, есть нулевые координаты времени (Белов, Раздумья на родине, 37).

Свойством актуальности эмоциональные оценки отличаются от постоянных признаков, характеризующих нравственные, интеллектуальные качества человека, и сближаются с предикатами состояния. Эмоции можно определить и как внутреннее психологическое состояние человека (Темиргазина 1999:37).

Высказывания, содержащие оценку эмоционального признака и оценку состояния человека, сближаются и на основе характеристики субъекта признака и субъекта состояния как неагентивного, пассивного.

Речевые акты эмоционального воздействия призваны регулировать исполнение индивидами их «социальных и межличностных ролей» (Шибутани 1969) в соответствии с социальными нормами, воплощенными в ролевых ожиданиях. Автору исповеди **принято** выражать эмоции, эмоциональную оценку, эмоционально воздействовать на адресата.

В разных культурах зачастую реализуются и активизируются различные элементы содержания эмоциональных концептов, поэтому «семантические ключи» к определенным вербальным выражениям, как и категоризация мира вообще определяются общей культурной ориентацией конкретных социумов, «которые по-разному относятся к различным эмоциям и, соответственно, по-разному выбираю для них социальные коннотации» (Фесенко 2001: 57-59). Например, слово *ambitious*. Для англоговорящих оно является двухзначным: 'амбициозный' (отрицательная коннотация) и 'стремящийся изменить жизнь, ситуацию к лучшему' (положительная коннотация). Для русскоговорящих (по данным словарей) это слово выступает лишь в одном значении с отрицательной оценкой:

амбициозный — «высокомерный, надменный, спесивый, кичливый, чванный, заносчивый» (Александрова 1993:71); «самолюбивый» (Словарь совр. рус. лит. языка 1991:Т.1, 151). Но функционирование его шире. В одно ЛСП входят лексемы *апломб, надменный*. См.: *Я ответила почти надменно ... (от низкого головокружения)* (Ахмадулина, 5). [Надменность — способ защиты, сокрытия эмоций.]; *страсть к превосходству, безудержному желанию заставить всех с собой соглашаться* (Найман:7); *демонстрация своей независимости* (Найман:11); *сознание значительности, апломб* (Найман:13); *манера немедленно добиваться желаемого* (Мордюкова:134), *амбициозность и задиристость* (там же: 146); *Ах, КПСС — разлили малина для тех, кто вверх хотел! Вверх и только вверх! Они рьяно учили наизусть каждую строчку и Ленина, и Сталина, и всех, кого надо* (Мордюкова:147). [Карьеризм, конформизм; карьерист-конъюнктурщик.]

Мы уже говорили, что выделили две аксиологические линии современной исповедальной прозы. Нужно сказать, что, независимо от аксиологической направленности, все тексты эмоционально насыщены и по этому параметру все тексты русские.

Эмоции служат средством характеристики языковой личности (какие эмотивно-оценочные стратегии и тактики она использует), анализируя эмоциональные реакции, можно выявить эмоциональный тип личности. Невысокая степень эмоциональности текстов, а высокая степень аналитичности тоже характеризует их авторов как языковую личность (М. Захаров, Д. Лихачев, И. Смоктуновский).

В свой адрес (говорящий — объект оценки) автор исповеди часто использует полярно противоположные стратегии, самопохвалы и самоуничижения. Например, в текстах Ю. Нагибина, Р. Фурманова, И. Смоктуновского работают обе стратегии. В текстах А. Розенбаума, И. Глазунова и др. преобладает самопохвала, объектом уничижения чаще

являются другие. Нужно сказать, что если объект уничижения — другие, то используются как более тонкие, мягкие тактики, чем при самоуничижении¹, так и грубые, выходящие за нормы вежливости.

Авторы исповедальной прозы редко упрекают себя в отсутствии должной скромности. Можно отметить, что вербализация самопохвалы иногда сопровождается предъявлением своего отношения к данному речевому действию (*хоть это и нескромно, но я скажу, не хочу хвастаться, но ...; не сочтите за хвастовство; извините за нескромность* и др.) *замечу пока одно <... >; позволю себе привести несколько выписок из книги (...)* (Глазунов, № 4, 185) и привлечением адресата в союзники с помощью комплиментов, похвал, которые предшествуют акту самопохвалы.

В каждой из названных тактик самопохвалы взаимодействуют различные типы когнитивной информации. Так, в сценарии вербализации самопохвалы как объективной информации выделяются два взаимосвязанных шага: введение показателей объективности, мотивированное представлениями говорящих о речевом акте самопохвалы как о непоощряемом речевом действии (модусные элементы высказывания, персуазивность и авторизация), с одной стороны, и выбор соответствующего эмотивно-оценочного предиката, с другой.

Указанные сценарии самооценки достаточно устойчивы, однако нельзя не отметить тот факт, что в последние годы наблюдается тенденция к разрушению данных стереотипов, которое связано с переосмыслением понятия личность, самооценка, самодостаточность, самопринятие (Трипольская 1999:274). Говорящие стремятся избавиться от жестких

---

¹ *Началось, если не ошибаюсь, с Тани Дорониной, с Татьяны Васильевны, пardon, с ее большого вечера, где она была красива, очаровательна, умна, почти добра (уж, несомненно, доброжелательна и доблорасположена ко всем присутствующим), рада, (как с нею бывает), сама себе, самую собою, играла Ануя (очень хорошо, как умеет), читала стихи, пела. Смуцалась, что ее величают великой русской актрисой. И, конечно, как было не вспомнить любимые народом «Три тополя на Плющихе», ее и Олега Ефремова в этом фильме 60-х, полном доброты и удивительного попадания прямо в душу зрителя (Рощин, №9, 49). [Ирония — неискренность в оценке].*

рамок ценностно-коммуникативных норм, и в дискурсе появляются образцы публичной самопохвалы: *Неужели не осталось хоть немного бескорыстия, жалости, душевной щедрости? Ну а мы с Аллой — монстры?..* (Нагибин:605). Даже учитывая законы исповедального жанра и принадлежность авторов текста к области культуры, которая базируется на рекламе и саморекламе, мы самопохвалу, вербализованную таким образом, воспринимаем как неадекватную. Очевидно, однако, что изменения в ценностной парадигме социума не могут не отражаться на выборе говорящими того или иного сценария речевых действий.

Большой интерес в плане изучения эмотивности представляет понятие «тематической сетки», поскольку оно позволяет выйти за рамки лексикографического определения составляющих поле конститuentов и предполагает исследование их текстовой репрезентации. Тематическая сетка в работах, посвященных этому вопросу (см., например Панчук 1985), понимается как текстовый аналог тематического поля, имеющего языковой характер.

Существенной особенностью тематической сетки является то, что она допускает переосмысление значения слова, в результате чего слово, денотатом которого является положительная оценка, может окрашиваться отрицательной оценочностью и наоборот. Например: *Вооружен передовыми Идеями всеобщего коммунизма, братства и равенства* (Астафьев:11); *влюбленно прозревал; обречен на Сталинскую премию* (оксюморонные сочетания) (Щеглов:153);

Думаю, и замечания о его [Бродского] песне «Лили Марлен», в особенности о куплете «Лупят ураганым, боже помоги, я отдам иванам шлем и сапоги, лишь бы разрешили мне взамен под фонарем с тобой вдвоем стоять, Лили Марлен» - «Ничего столь циничного в жизни не слышала», - не без восхищения произнесенное, - стоит с этим в прямой связи: то есть если поэт в стихах циничен, то опять-таки цинизм

должен быть крайний, высшего класса (Найман: 8-9) [оценка меняется из-за сочетаемости].

Понятие тематической сетки может быть полезно для изучения когнитивной категории эмотивности. Эмотивность включается в когнитивный потенциал текста. Причем это не исключает понимание категории эмотивности и как категории текста в ряду таких смежных категорий, как категория напряженности и категория модальности.

Категория эмотивности находит отражение в различных единицах текста — предложениях, микротекстах, эмотивных включениях непредикативного характера и обнаруживает связь с другими категориями текста. Именно выход на уровень текста позволяет непротиворечиво разграничить понятия эмотивности, экспрессивности и оценочности.

Эмотивность — это содержательная составляющая текста (текст о любви, страхе, ненависти и т. п.). Экспрессивность — характеристика формы выражения содержательной информации, иначе говоря, это — выразительность, яркость, образность. Эмотивный текст может быть экспрессивным и неэкспрессивным, т.е. просто констатирующим или описывающим наличие у какого-либо субъекта определенного эмоционального состояния. Ср.: Астафьев «Наваждение»- экспрессивный; В. Белов (см. ниже) — неэкспрессивный. Оценочность при таком подходе сохраняет свое рациональное значение осмысления ситуации с отнесением ее к желательной (со знаком плюс) или нежелательной (со знаком минус). [Оба текста оценивают описываемую ситуацию как нежелательную.]

В рамках текста человек не называет и точно не определяет эмоцию, указывая лишь на условия ситуации, порождающей эту эмоцию. Тот факт, что всегда удается создать правильное представление об эмоциональных состояниях, характеризуя ситуацию, восприятие которой предположительно порождает эти эмоции, свидетельствует о том, что,

если ситуация определенным образом концептуализируется личностью, существует возможность для определения типа эмоции. Рассмотрим текст.

Я все шел и шел куда-то. Обуреваемый отчаянием и тоской, я уже не мог даже и плакать, жуткая дрожь то и дело поднималась откуда-то с поясницы и охватывала меня. Я уже ничего не соображал и по пояс в воде перешел какую-то речку, затем почувал такую усталость, что сел на кочку и окончательно потерял себя. Моросил дождь, надвигалась ночь, и было так страшно, так тоскливо и жутко, что я опять, собирая какие-то новые силы, тупо пошел дальше, перелезая через какие-то корни и деревья, разрывая одежду (Белов:123).

Тематическая сетка текста организована по принципу поля. Есть центр и периферия. К центру относятся компоненты, находящиеся в рематической позиции. Тип рематической доминанты — стательно-динамический: обозначение состояния субъекта в динамике. Центр тематической сетки имеет полицентрическую структуру: состояние обозначено, во-первых, глаголами со значением состояния (субъект состояния обозначен прямо — я) (*не мог плакать, нечего не соображал, почувал усталость, ФЕ окончательно потерял себя*), во-вторых, предикатами в безличных структурах — слова категории состояния (субъект состояния не может быть грамматически эксплицирован, но он не изменяется - *мне (было страшно, тоскливо, жутко)*), в-третьих, глаголами со значением состояния при субъекте состояния, обозначенном косвенно (*(дрожь) поднималась и охватывала меня*). Периферия, как и сетка (поле) в целом, имеет иерархическую структуру (входят конститuentы разного качества): добавочные ремы со значением эмоционального состояния, причастные и деепричастные обороты (*обуреваемый отчаянием и тоской, собирая новые силы, разрывая одежду— имплицитно состояние*); тема со значением состояния (*дрожь*),

компоненты с семантикой неопределенности эксплицируют состояние невменяемости, усталости, страха: *(шел и шел) куда-то, (поднималась) откуда-то, какую-то (речку), какие-то (силы), какие-то (корни и дерева)*. Динамика состояния (вернее, нарастание его интенсивности) обозначена 1) при помощи градации однородных предикатов *(было так страшно, так тоскливо и жутко)*; 2) глаголами движения (чередуются формы глагола НСВ пр. в. и СВ — со значением начала и результата действия); 3) усилительными компонентами (повтор *шел и шел*, частицами *все, даже и*, наречиями *то и дело, уже так (страшно, тоскливо), тупо (пошел дальше)*, ФЕ *ничего не соображал* (меры и степени)), определением со значением меры и степени *такую (усталость), жуткая (дрожь)*; СПП с придаточными меры и степени *(такую, что; так, что)*; отношениями причинно-следственной обусловленности между частями сложного предложения с бессоюзной связью: *и было так страшно*; 4) атрибутами обстановки: *моросил дождь, надвигалась ночь*; 5) семантикой неспособности выразить свои чувства *(не мог даже и плакать)*.

Принято считать, что хранение и передача текстовой информации обеспечивается текстовой категорией информативности (в данном случае — глаголы движения и существительные, обозначающие окружающие реалии); воздействие на получателя информации — категорией модальности (здесь — слова, обозначающие состояние), но, пожалуй, более точны исследователи, определяющие информативность как суперкатеорию (Гальперин 1981, Сидоров 1985), поскольку речь идет просто о разных типах информации: в первом случае — о фактуальной, во втором — о модальной, концептуальной.

Функционально-семантическое микрополе эмоционального состояния в анализируемом тексте формируется в итоге взаимодействия группировок деривационно сближенных слов (*тоска, тоскливо; жуткая, жутко*), отдельные члены которых вступают в родовидовые отношения

(*почувал усталость (= чувство), отчаяние, тоска; дрожь; страшно, тоскливо, жутко*), отношения синтагматического согласования с целью ограничения семантического объема гиперонима (имплицитно: *неприятное чувство*). Перекрещивание членов этих группировок поддерживается как синтаксическим параллелизмом конструкций с глаголами ощущения, состояния, в форме прошедшего времени, так и иными способами оформления предиката (безлично-предикативные наречия, каузативные глаголы (и другие морфологические формы), полупредикаты: причастие страдательного залога, деепричастия НСВ), позволяющими представить осмысление состояния в его динамике. Рефлексия по поводу эмоционального состояния поддерживается взаимодействием компонентов микрополя с глаголами ЛСГ восприятия, движения. В случае семантического повтора приоритет в развитии интегративного начала текста принадлежит синтаксическим конструкциям. Повторяющиеся семы (слова, их содержание) попеременно занимают тематическую и рематическую позицию, входя то в зону причинного обоснования, то в зону следствия в пределах СП конструкций. Иными словами, здесь ясно видна значимость синтагматики в отражении концептуального плана линейного текста. Синтагматическая связь может быть формальной и неформальной — сугубо смысловой, основанной на валентных потенциях слова. Она может иметь разную (энгрессивную) направленность, прогрессивную и регрессивную, т.е. либо выражать намеченную связь, либо начало новой.

В текстовой перспективе реализуется такая разновидность межчастеречных связей слов, как межгнездовые связи с разнообразными отношениями между членами разных гнезд. Еще один вид таких отношений — отождествительные, связанные с актуализацией интегральной семы одной из лексико-семантических групп (состояние, движение).

Описываемая ситуация оценивается субъектом состояния (автором) со знаком «-». Автор не называет эмоцию, точно не определяет ее. Можно только указать тип эмоции, который согласуется по коннотативному знаку («-») с плохим, подавленным настроением, вызванным усталостью и страданием.

В.И. Шаховским [1987] выявлены компоненты эмотивного текста и некоторые закономерности его организации. К компонентам, организующим этот тип текста, он относит эмотивную лексику и фразеологию, набор эмотивных конструкций, а также эмоциональную ситуацию, которая включает эмоциональную пресуппозицию, эмоциональные намерения, эмоциональные позиции коммуникантов и их общий эмоциональный настрой. В качестве закономерностей организации эмотивного текста выделены следующие: невозможность появления эмотивов в нейтральном тексте, регулярность отрицательной связи в эмотивном тексте, «плотность эмотивов», а также эмотивно-просодическое оформление текстового фрагмента (Шаховский 1987: 145-159). Очевидно, что учет выявленных закономерностей построения эмотивного текста необходим в его исследовании.

Анализ ЭОД, проведенный Т.А. Трипольской, показывает, что «плотность» ЭОЛ в дискурсе не является универсальным свойством. Разные типы эмотивно-оценочного дискурса тяготеют к разным количественным и качественным характеристикам эмотивно-оценочной лексики. В связи с этой особенностью ЭОД можно выделить разные типы его лексического структурирования (о понятии лексического структурирования текста см. (Черняк 1988, Степанова 1990, Аркадьева 1990, Сулименко 1990, 2001)): 1) наблюдается скопление ЭОЛ, которая дублирует, усиливает, варьирует эмотивно-оценочное содержание, способствуя выражению эмоционального состояния и отношения и повышая экспрессивность ЭОД; 2) одно- два эмотивно-оценочных слова

(ЭОС) либо занимают инициальную позицию, либо финальную. Обе позиции В.Г. Гак считает сильными в эмотивно-оценочном высказывании и тексте. Лексическое структурирование ЭОД разворачивается по разным моделям: когда ЭОС занимает инициальную позицию, в лексической организации фрагмента ЭОД наблюдается развитие заявленных смыслов по всем возможным направлениям — мотивация эмоционально-оценочного содержания, его детализация и нюансировка, а также возможная экспликация речевых намерений говорящего, предпочитающего единицу альтернативной зоны словаря. Когда ЭОС занимает финальную (вершинную) позицию, подтекст обеспечивает адекватное прочтение его денотативных и коннотативных смыслов. В лексической парадигме дискурса ЭОЛ вступает в синтагматические отношения с «соседями» по текстовому пространству, строящиеся на основании процессов согласования, несогласования и рассогласования (Гак 1998). Рассмотрим пример.

Начало

Подтаежная деревушка с покосившейся дырявой силосной башней на всполье, с обсыпавшейся поскотиной, с косо торчащими кольями огородов, на который и в безветрие шевелится лохматая талая перевязь. К осевшим в сугробы, подслеповатым избенкам ведет задремавшая под белым снегом дорога, столбы возле нее пошатнулись, где и вовсе упали, оставив подпоры в виде виселиц. Обломками черных головешек обвисли и дремлют в ветках школьных тополей вороны, белым сном окутан заснеженный еловый лес за деревней, помеченный ночной заячьей топаниной по опушке, даже синие дымы над избами дремлют, да и сам белый свет здесь отчего-то сер и дремотен.

Вдруг эту сонную тишину на куски разрывает резкий, яростный трезвон. Вороны срываются и молча летят со школьного двора, помеченного собачьими и птичьими следами.

Долго, дико и устрашающе, будто сигнала о наступлении кары небесной, звонит школьный электрзвонок, который остался включенным и на который никто, кроме ворон, не реагирует.

Эту школу никто не закрывал. Она сама собой опустела — не стало в дереvушке детей, разъехались учителя, остыли и потрескались печи; кто-то с улицы разбил стекла в окнах, со двора они целы и серы от пыли. Двери в школе распахнуты, некоторые сорваны с петель, по снегу шуршат разлетевшиеся тетрадные листы с красными отметками. Над воротами, дугой выгнутыми по козырьку, треплет ветром изорванный праздничный плакат, лоскутки от портрета вождя мирового пролетариата, размытого дождем, бумажно шебуршат.

А парты в классах все стоят рядами, учеников дожидаются, и классные доски на стенах, слегка потускневшие, наизготове, на одной написано: «Колька — дурак», на другой: «Светка — дура». По коньку крыши, кое-где уже сронившей тес, на фанере, бурым суриком крашенной, написано: «Миру — мир». Плакат на крепко прибитых укосинах долго будет стоять, и слова на нем долго будут живы.

Через каждые сорок пять минут трезвонит по едва живому селу, по опустелой округе школьный звонок, как бы извещая население о начале апокалипсиса, проще говоря, о конце света. Но скоро электричество от дереvушки отцепят, и звонок умолкнет (Астафьев, Затеси, 14).

Название текста семантически недостаточно (начало чего?). Только в финальной позиции (ЭП) слово *начало* обретает концептуальное содержание: *начало апокалипсиса, конец света* (эмоциональная оценка). Предтекст через парадигматические и синтагматические связи элементов тематической сетки обеспечивает наполнение, конкретизацию смысла, выраженного в данной оценке.

По вертикальной, парадигматической, оси текста развиваются, последовательно сменяя друг друга, ассоциативного связанные (коннотативно и денотативно) темы: смерть, страх, надежда, безысходность. Каждая из названных тем реализуется в синтагматике текста.

Вначале оформляется синонимический ряд *смерть — старость — сон-конец жизни*. В формировании данных ассоциаций участвует лексико-семантическая глагольная группа с семой *упало*: *покосившейся, обсыпавшейся, осевшим, упали, обвисли, пошатнулись, обломки, заснеженный, дырявый*. Поддерживают данную семантику деривационные группы: *покосившийся — косо, дремлют — дремотен, сон — сонная тишина*. Сема *конец* (в значении 'конец жизни', 'старость, запустение, смерть, сон') содержится в словах *дырявый, подслеповатый, виселица, головешка*, в морфеме *енк* (*избенка*), в предикате *сер, серы от пыли*; (ср. *белые свет*² (*земля, мир, жизнь*)).

В тексте есть два символа «конца жизни» - *виселицы* и *вороны*. Лексема *вороны* парадигматически связывает первый, второй, третий абзацы. Состояние окружающего запустения порождает состояние страха у говорящего субъекта, которое передано однородными обстоятельствами: *долго, дико и устрашающе, будто сигнала о наступлении кары небесной* (этическая оценка). Лексические элементы со значением 'неприятный звук' (*электрозвонок, звонит, сигнала, трезвон, резкий, яростный, разрывает*) передают общее эмоциональное состояние страха, которое подчеркивается

---

² «**Белый свет**. Народно — поэт. Земля со всем существующим на ней; мир, вселенная. Исходное значение у этого сочетания — "яркий дневной свет". Слово *свет* у славян уже в глубокой древности имело и пространственное значение — "окружающий мир, вселенная". Позднее это значение получило все сочетание в целом. Такому переосмыслению способствовало мифологическое противопоставление "этого" света, т.е. светлого, солнечного мира живых, "тому" свету — темному царству мертвых. В образовании оборота немалую роль сыграла и символика белого цвета в русском языке. Она была положительной. С точки зрения древнерусской эстетики, белое лицо, белые руки и белое тело являлись неизменным условием человеческой красоты. В средние века белую одежду носили великие князья. "Белыми людьми" назывались в феодальной России крестьяне, освобожденные от феодальной повинности, т.е. свободные земледельцы. Такая символическая окрашенность — отражение древнейшего цветового противопоставления: *белый* (положительный) — *черный* (отрицательный)» (Мокиенко 1986: 222-224); (Фелицына, Мокиенко 1990:126); (Берих, Мокиенко, Степанова 1998:517).

описанием реакции окружающей среды на этот звук: *никто не реагирует, кроме ворон; срываются молча* (семы *безразличие, пустота, смерть*).

Следующий абзац по семантике соотносится с начальным и конкретизирует концепт *конец жизни*. Эмоциональная доминанта *опустела* (синоним *закрыли* [школу] [школа — символ продолжения жизни]) находится в родовидовых отношениях с правым контекстом: *не стало детей* (дети — символ продолжения жизни), *разъехались учителя, остыли и потрескались печи, разбил стекла, пыль, двери распахнуты, сорваны, разлетевшиеся листы, (ветер) треплет, размытый дождем, потускневшие, крыша, сронившая тес*. Семы 'упадок', 'развал' в данных лексемах содержат, прежде всего, приставочные морфемы: *раз* — «аннулировать результат предшествующего действия, получить нежелательный результат», *по* — «доведение действия до отрицательного результата», *со (с)* — «потерять, аннулировать, привести в негодное состояние» (Цыганенко 1982:191, 185, 193). (То же: *сорваться* = покинуть; *отцепить, умолкнуть*). Оксюморонные определения *изорванный праздничный плакат, сочетание лоскутки от портрета вождя мирового пролетариата* — символ конца эпохи, социального строя и начала конца (конца света). Семантика отчаяния (“конец жизни”, “смерть”) сменяется в предпоследнем абзаце семантикой надежды, данная сема есть в синтагматически связанных элементах: *дожидаются, наизготове (парты стоят рядами; доски на стенах)* — символ традиций, порядка, как и обстоятельство *долго: долго будет стоять, долго будут живы*. Но финальная часть — состояние безысходности — вновь актуализируется сема 'смерть', существительное *начало* употреблено в значении 'конец' (*начало апокалипсиса, конец света, наступление кары небесной*), данная семантика развивается через родовидовые отношения между компонентами: *едва живое* (село), *опустелая* (округа), *отцепят* (электричество), *умолкнет* (звонок). Номинатив *школьный звонок*

композиционно «опоясывает» основную часть текста, символизирует жизнь, с одной стороны, *вестника, колокол: остался включенным* (нарушен естественный ход событий), *трезвонит по едва живому селу, по опустелой округе* (ассоциация — Э. Хемингуэй «По ком звонит колокол?»), *извещая население о начале апокалипсиса, о конце света (Не спрашивай, по ком звонит колокол, быть может, он звонит по тебе), с другой — свет, жизнь: Но скоро электричество от дереvушки отцепят, и звонок умолкнет.* Финальная доминанта акцентируется связующим союзно-обстоятельственным блоком (*Но скоро ...*). В союзе *но* — сема 'безысходность', в обстоятельстве *скоро* — сема 'будущее', 'неизбежность'.

Таким образом, заголовок «Начало» имеет в текстовом смысле тенденцию к развитию антонимичного словарному значению, 'конец', 'начало конца', ФЕ *конец света*, 'наступление кары небесной', это значение формируется текстовой парадигматикой и синтагматикой.

ЭОД характеризуется полиинтенциональностью, которая обеспечивается спецификой эмотивно-оценочного значения, его многофункциональностью. Структура интенций языковой личности (в разных ее проявлениях) представляет собой полевое образование, центр которого занимает интенция выражения эмоционального состояния и эмотивной оценки. Прочие интенции говорящих, воплощаемые в ЭОД, так или иначе связаны с основными.

В результате предпринятого исследования интенциональных особенностей ЭОД Т.А. Трипольской была построена типология интенций говорящих, реализуемая в ЭОД (Трипольская 1999). Указанные интенции воплощены и в ЭОД исповедальной прозы.

1. Интенция выражения эмотивной оценки. Интенции эмотивно-оценочных высказываний не исчерпываются намерением сообщить свое мнение о предмете, а характеризуются также, например, стремлением

регулировать поведение адресата, воздействовать на его эмоциональную сферу или систему ценностей и т. д. Таким образом, необходимо разграничивать «ближайшие и дальнейшие цели коммуникации» (Ортони, Клоур, Коллинз 1995). Например:

*Это **опричнина**, то есть порядок в порядке: такое устройство жизни, когда, чтобы быть небитым, бьешь сам. **Все на страхе**. Человеку все надо запретить, потому что **страшно** допустить его к свободе, и те, кто исполняет, исполняют уже **из-за страха оказаться ненужными**, как бы ведь и на свободе, а кто подчиняется **безропотно** — **из страха**, из добытого целыми поколениями знания, что **свобода есть отсутствие порядка, именно вынужденная необходимость, а запрет есть необходимость невынужденная, именно насущная**. Значит, надо **подчиняться** ему, как если бы ты сам того же хотел: если б мог сам, будучи начальником, такой запрет — ввести, при должности — исполнить, а будучи простым смертным — **завсегда подчиниться**.*

А в стенах больницы — люди, страдающие, не могущие после операции и встать, иные и на смертном одре. Одна санитарка, у которой в отделении полсотни больных, ухаживать за ними не будет. Одной больничной гнусной баландой они не поздоровеют. Им надо носить еду, кормить их с ложечки домашним, свести в уборную или убрать утку, укрыть теплей, согреть и душевным теплом, чтобы они верили в главное — что должны выжить, что нужны своим родным, которые ведь только и вселяют в болящее тело здоровье, жизнь (Павлов, Дневник, 138). [В приведенном тексте О. Павлова эмоциональная оценка (возмущение, осуждение) говорящего субъекта должна вызвать чувство стыда у адресата (и у самого говорящего), желание что-то исправить.]

2. Интенция выражения эмоционального состояния.

В ЭОД данного типа ЭОЛ является средством выражения эмоций, как правило, в высокой степени их проявления. Важно, что лексические единицы не закреплены как знаки тех или иных эмоций (Шаховский 1983, Лукьянова 1986, 1991). В некоторых случаях интенция «выразить оценку» присутствует в качестве второстепенной, а в других — нейтрализуется до нуля (см. выше Белов, 123).

3. Интенция выражения ценностного суждения (см., например, Астафьев «Начало»).

4. Интенция регулирования поведения адресата. Данный ЭОД обычно относится к волюнтивному регистру, когда наблюдается слитное выражение оценочного и императивного значений (см. А.Н.Макаров — письмо В. Астафьеву: *обратите внимание, вспомните, извини те, не грех бы и повозиться; надо, чтобы я почувствовал* — РА упрека; *зло берет на автора (Ну что ему, автору, стоило)* — вставная конструкция — чувство досады; оценка (благодарность, восхищение), эмоциональное состояние грусти, печали, сожаления: *отличный, растревожил он меня до слез, стало жалко себя, безнадежный эгоист, сокрушаюсь и печалюсь о себе, мог бы жить как люди, а стал литературным критиком, безвозвратно потеряно, если сяду на лирического конька...; превосходно, испытываешь обязательное чувство, заболел, трудно передать свое отношение. Еще гол!* (Астафьев, Зрячий посох, 115)). В данном ЭОД часто употребляется ЭОЛ «низкого стиля» литературного языка, она является сильным средством влияния на эмоциональное состояние коммуниканта, на поведение адресата.

Воздействие на эмотивно-оценочную парадигму состоит в формировании мнений, суждений и их эмотивной интерпретации, которые осуществляются с помощью ЭОЛ: *бомж, то есть труп (милицейское клеймо), зеки, «каэры», «чесеоры», тунядцы, пьянчуги...* (Павлов, Дневник, 141-142). В ЭОЛ *состоялась* категоризация типовых эмоций,

вызванных оценочным взглядом на действительность: *горько*. Специфика функционирования ЭОЛ в этом тексте (Павлов «Бывшие люди») заключается в экспликации ее эмотивно-оценочного содержания, в его неоднократном варьировании и повторении с помощью параллельных синтаксических структур, что вполне соответствует основной интенции пишущего — формированию или коррекции эмотивно-оценочной парадигмы адресата (*Слыхали, что...; Они спят..., потому что; Они напиваются, чтобы; никто и не считал*).

Реализация с помощью ЭОЛ интенции воздействия на ценностную картину мира адресата особенно характерна для публицистики, отличающейся высокой степенью назидательности (и для исповедальной публицистики, где исповедь часто подменяется проповедью). ЭОЛ максимально подходит для реализации указанных намерений: представляя собой гетерогенную семную структуру, ЭОЛ апеллирует одновременно к рациональной и эмоциональной сфере психики адресата, часто подключая и механизмы образной интерпретации действительности.

5. Интенция создания особого типа коммуникации (неофициальной, уничижительной и т. д.); см.: (жанр письма — разговорность, неофициальность, доверительность) В. Астафьев «Зрячий посох»; Е. Леонов «Письма к сыну» и т.д.

Основным лексическим средством создания различных типов коммуникации является негативно ориентированная лексика как основа разговорной речи, например: *Ну их к черту!; липовые друзья; расслабленный идиот < ... >* (Нагибин:319).

ЭОЛ в парадигме ЭОД служит сигналом межличностных отношений коммуникантов, их социальных ролей, перехода от одной темы к другой (например, от более серьезной к менее ответственной): *Ну да ладно; Если я сяду на лирического конька — поездке конца не будет; Извините меня,*

ради бога; ну что ему, автору, стоило; заболел я вашим рассказом, вот и все < ... > (Астафьев, Зрячий посох, 115).

6. Интенция создания своего речевого имиджа. Для авторов исповедальных текстов актуален случай, когда говорящий, употребляя ЭОЛ, учитывает ее семантико-прагматический потенциал, слово становится, кроме выражения прочих интенций, средством построения «языкового автопортрета» (М.В. Ляпон), сообщая о языковом вкусе, речевых намерениях, уровне языковой и коммуникативной компетенции языковой личности. Например, *выходки, отмочила, уборная...* (Мордюкова).

7. Интенция создания «языка малого социума». ЭОЛ является лексическим маркером «языка малого социума» (Крысин 1989). Говорящие используют эмотивно-оценочное слово не как знак эмотивной оценки (оценочное и эмотивное значения часто нейтрализуются, уступая место иным смыслам), но как показатель с в о е г о языка, противопоставленного языку иных социумов: *сраму наимались, отмаялась, загинул, ошивался, стрикулиски, допрыгаются, ухоронка, сопрет, прихватила, причинное место...* (Астафьев:27).

В результате предпринятого нами исследования выявлены особенности эмотивно-оценочной интерпретации действительности говорящими, а также определены основные интенции, воплощаемые в ЭОД исповедальной прозы. Специфика эмотивно-оценочной картины мира (основные концепты морально-нравственной и интеллектуальной парадигмы) и особенности воплощаемых в ЭОД целеустановок говорящих вскрывают характерные психологические, социокультурные и коммуникативные черты определенного слоя современного русскоязычного социума. Иными словами, представлена модель языковой личности (ЯЛ), имеющая в ЭОД свое непосредственное воплощение.

Для иллюстрации возьмем ЭОД, представленный в «Дневнике» Юрия Нагибина (ЭОД в собственно языковом и прагматическом аспектах).

Нами выявлен эмотивно-оценочный словарь языковой личности, осуществлен его количественный и качественный анализ, определены универсальные признаки эмотивно-оценочной подсистемы русского языка, проявляющиеся, прежде всего, в лексиконе ЯЛ: преобладание негативной ЭОЛ над позитивной, детализация, многообразие, смысловое дублирование, высокий уровень эмотивности в области отрицательной оценочной лексики и небольшой объем, слабая смысловая дифференциация, преобладание общеоценочных слов в позитивной области данной лексической подсистемы. Выявлены и специфические черты лексикона ЯЛ:

- предпочтение лексики полюсных эмотивно-оценочных значений (*плохой - хороший; безнадежно унылый, неживописный - прекрасный; печальный призрак - рыжий живчик; костры - мрак; прекрасен - замороченный; большое, авторитетное - слабый, незащищенный, крошечный; сильное - мягкое; домушник, форточник - творец дивных мелодий; импотент - страсть; натура не трагическая, скорее шутейная; плохой - красивейший, отличный; испохабился мир (опасно, звучат выстрелы, ограбления, террористические акты, вандализм: взорван, изрезан, разбита, искромсаны, брошена бомба, осквернен памятник, похищена; пакость) - доброта, доверие, легкость, нарядность, довольство; испариться - воспарить; слаб - не распался, сырой - легок, сух, опрятен; старческая глухота, ослабла память - ни тени маразма и др.);*

- частая актуализация в речи эмотивных смыслов, по-разному взаимодействующих с оценочными, что делает оценочное содержание более субъективным, категоричным, порой теряющим свои основания, или, напротив, обогащает и эмоционально его конкретизирует;

- доминирование в области позитивного ЭОД лексики «высокого стиля», выражающей эстетическую оценку (*прекрасные деревья, прекрасная экскурсия, во мраке горели костры, прекрасен Шиллер, благодарен, творец, дивные мелодии, красивейший, лирический вздох, изящество* и т.д.);

- отмечается высокий процент авторских эмотивно-оценочных семантических и словообразовательных дериватов (*всеохватность, напряжение человеческих потенций, сиреневые дни, «тифози», мизерная эпопея, душнейшее* и т.д.).

Нами выявлены основные типы синтагматических рядов оценочных единиц разной ориентации (рационально- и эмотивно-оценочных) в ЭОД Ю. Нагибина, которые позволяют делать выводы о соотношении процессов эмоционального и оценочного освоения действительности говорящим человеком: а) стремление свести квалификацию объекта к черно-белой парадигме (за исключением эстетической оценки), отсюда высокая частотность употребления сниженной и ненормированной лексики (*балдеют, дрянь, плевать, орать, горлопанить, стукач, жопу лизать, гадость, сволочь, говно, кочевряжиться, обложил меня, как волка, тупее, домушник, форточник, стыдливый импотент, шутейная, тупые изолгавшиеся сволочи, чуть концы не отдал, дерьмо, паразит, мура, свиньи, сопливые, в дерьме, вонь, лизать задницы, куркули, обожрался, сожрал, бабы* и т.д.); б) стремление детализировать проживаемую эмоцию, совмещая в дискурсе различные лексические способы выражения и описания эмоционального состояния (уровень высоко когнитивной личности).

Наиболее значимые фрагменты эмотивно-оценочной картины мира писателя представлены следующими тематическими областями словаря: эмотивные оценки интеллекта, уровня образованности, культуры и одаренности человека (степени таланта), а также эмотивные

характеристики морально-нравственного порядка (морально-нравственных качеств, например, отношение к животным; духовности современного общества, в частности отношение к искусству: *без мозга и души*; степень полноты жизни: *творчество, наука, размышления, карьера, бабы* (игра страстей), *светская жизнь, путешествия, пьянство, бурное кипение, ненасытность, самоуглубленность*). Кроме того, оцениваются произведения искусства, государственное устройство. Чаще всего фигурирует оценка со знаком «-».

Ориентиром в анализе тезаурусного уровня являлось не только количество тематически связанных единиц в лексиконе говорящего и частота их встречаемости в дискурсе, но и устройство данного фрагмента лексикона: уровень детализации в эмотивно-оценочном освоении мира, а также многообразие смысловых связей данной концептуальной области с другими в когнитивном пространстве.

Так, концептуальная область интеллектуальных характеристик (*ум, напряжение человеческих потенций, объяснить ничего нельзя, едва ли не тупее моих соотечественников, тупые, не потянул выше троечки, сказать ему было нечего, без мозга* и т.д.) связана с представлением о культуре как феномене достижений человечества и о культурности (*сплошной непроглядный мрак* (о современной литературе), *бездарное киноторжество* (фестиваль), *духовная жизнь равна нулю, не бытовым человек, чудовищно темен и некультурен, ничего не читают, занимаются огородами, цветами на продажу...*) и с концептом талант — *бездарность* (*печальный умолкший прозаик; мощь; замороженный; творческая воля; гармония; гений; скудость дарования; творец, стыдливый импотент, играющий в страсть; великий; таланта почти не нужно; бракованное искусство, литература, грубые подделки*). Объектом такой оценки чаще всего служит кинематограф (*говно, кочевряжиться в роли Бонни, стыдливый импотент...; дерьмо, плохой фильм, мура, фильм не нужен*).

Эта связь концептуальных областей проявляется в языке на уровне семантической структуры тематической группы (*тупой, без мозга, мрак, бездарный, темный, некультурный, скудость дарования, таланта не нужно, плохой*), компоненты которой отражают взаимосвязанные понятийные области, а также на уровне семной структуры ЛЗ многозначного слова, содержащей компоненты разных рангов (разных значений, коннотаций), соотносящиеся с разными концептуальными фрагментами.

Эмотивно-оценочный контекст, в который погружены эти доминирующие концепты в ментальном пространстве человека, категорически негативен (в языковой картине социума отношение к низкому интеллекту человека не столь однозначное). Кроме того, исследование типичных актуальных смыслов ЭОЛ, характерных для автора дневника, позволили выявить устойчивые связи и отношений каузального характера между указанными понятийными зонами. Для Ю. Нагибина необразованность (некультурность), бездарность органически связаны с пороками морально-нравственного порядка, в структуре человеческой личности, в отличие от лениости ума. Например: *Алла очень редко соглашается включить мозг. Когда она это делает, получается интересный и точный разговор, потому что Алла очень умна, но крайне умственно ленива. Аллин ум высшего качества, ибо он изнутри, из «брюха», а не с поверхности мозга* (Нагибин:515-516).

Следующая значительная область тезауруса ЯЛ вербализуется с помощью эмотивных квалификаций морально-нравственного порядка: характеристик разного рода **насилия над человеком** (*согнулся под гнетом быта, грубость, слабый, незащищенный, кто позволит, куда смотрят власти?, карают без вины, унижают, одергивают, социальные игры, кромсают, ненависть, отпор, били, жестокость, давить на меня и т.д.*); **трусости и смелости** (*твердо уверен; не боится ни показаться*

смешным, ни быть грубо одернутым; достоинство; равнодушие; безразличие; трусость); **хамства и наглости** (не пригласили на фестиваль, непризнание, злобствует, писать неуважительно, похабный тон, плевать на все хотели, говорить гадости считается хорошим тоном, низость, хамство); **ловкачества, приспособленчества** (пролаза, бытовая алчность, богатство, преуспевание, неоглядный подхалимаж, бесовские игры, доносы, алчет соавторства, отсутствие бескорыстия и культурной заинтересованности, волнуют только медали, томим желанием погреть руки; сплав мещанства, лицемерия, ханжества, ненависти к равным, презрения к низшим, раболепства перед властью и силу имущими; страсть к доносам, злоба); **подлости и благородства** (тупые изолгавшиеся сволочи, собственное достоинство, светские сплетни, зависть, не доносит, не подлит, не горлопанит с трибун, не распинается в любви и преданности, стукач. Стучать, решимость на любую пакость, причастность «святому делу сыска», отношение к собаке - бодрое, веселое, товарищеское; испорчен, сволочь, как мы все; нечто порядочное; пассивный подвиг дается кровью; умиляться нечему; доносные письма; грязные слухи, фальшь, бред, грязь, не стыдно ни в чем, не поддавшийся власти; не прельстившийся ни ее гостинцем; не имел ни одной награды, ни даже звания заслуженного; подличать, лизать задницы, писать жалобы, опрятный, подтянутый, благожелательный, джентльмен, не декларировал свое отношение, действовал сугубо парламентскими методами, не завидовал и т.д.).

Анализ коммуникативно-прагматического уровня в структуре языковой личности показал, что эмотивно-оценочный дискурс ЯЛ представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов, таких как блок собственно оценочных высказываний субъекта о мире, чужие оценки, цитируемые в дневнике с разными интенциональными установками, блок высказываний-самооценок и, наконец, параллельные

оценки одного и того же события, но данные в реальной коммуникации (затем репродуцированные в дневнике), и дневниковые эмотивно-оценочные речевые акты. Но все эти элементы объединены одним мотивом, одной морально-оценочной доминантой, вербализованной автором в следующих высказываниях: *Не дневник, а жалобная книга* (Нагибин:418); *ненависть — единственное активное чувство, которое осталось во мне* (Нагибин:581).

Система эмотивно-оценочного дискурса является динамичной, так как очевидно влияние его различных элементов друг на друга. Проявляется корреляция по объекту, основанию, критериям и категоричности эмотивно-оценочной семантики, языковым средствам выражения в оценочных речевых актах, направленных на объект, и речевых актах самооценки: *Я знаю узость своих творческих возможностей...* (Нагибин: 228). Это касается отрицательных эмотивных оценок и самооценок, которые, как было сказано, преобладают в авторском дискурсе. Кроме того, чередуются «+» оценки других, «-» оценки других, «-» самооценки, «+» сдержанная самооценка: *Мы с Аллой — монстры; Себе: О, сделай так, чтобы я тебя опять полюбил* (Нагибин: 493).

С помощью одинаковых коммуникативных тактик вводятся самооценки, самопохвала и самореклама и чужие похвальные отзывы — используется ссылка на чужое авторитетное мнение, а также отдается предпочтение рационально-оценочным единицам или эмотивно-оценочным с «умеренным» коннотативным содержанием. См. пример косвенной оценки (демонстрация чужого мнения - отношения): *Мы не встречались, не переписывались, но она покупала все мои книги, вырезала мои фотографии из журналов и газет, расспрашивала обо мне всех, приезжавших из Москвы людей и все про меня знала* (Нагибин:463).

Можно указать следующие функции чужой оценки в дискурсе Ю. Нагибина: вписывает собственное оценочное суждение и

эмоциональное отношение в ценностный контекст социума; используется для характеристики субъекта оценки, в ряде случаев вырастая до портретных зарисовок, а также участвует в выражении (подкреплении, мотивации) самооценки пишущего: *Выходит, права Алла: официальное непризнание усугубляется завистью частных лиц, считающих, что я краду из их кармана* (Нагибин:337-338). Кроме того, чужая оценка используется автором для сравнения и противопоставления себя другим (Михалковым, К. Симонову, всем) и в целях саморекламы. Чужая оценка в ЭОД языковой личности имеет свою специфику языкового воплощения, суть которого в приращениях, изменениях коннотативного содержания, неизбежно приносимых говорящим субъектом вместе со своим эмотивно-оценочным словом.

Таким образом, ЭОД языковой личности — это сложнейшая система взаимодействующих элементов (типов эмотивно-оценочных речевых актов), которые объединяются общей функциональной направленностью — отразить многообразный, сложный и уникальный эмотивно-оценочный фрагмент языковой картины мира человека и вписать его в аксиологическую парадигму социума (см. Трипольская 1999).

Модель языковой личности — это система взаимосвязанных и взаимодействующих признаков (эти связи проявляются не только на горизонтальном уровне, то есть внутри уровня — в структуре ЯЛ — (Ю.Н. Караулов), но и вертикально, увязывая вербально-ассоциативный, когнитивный и мотивационный уровни ЯЛ). Анализ ЭОД Ю. Нагибина позволяет предположить органичную связь между такими свойствами личности, как активная лингвокреативная деятельность (*волк в овчарне; во мраке горели костры — те же Гоголь, Герцен, Салтыков-Щедрин; Шиллер — адвокат человечества; жеребец Дантес; стыдливый импотент, играющий в страсть: жидко, несоблазнительно и натужно; не потянул выше троечки; Болдинская осень халтуры*) и ярко выраженная

индивидуальная специфика тезаурусного уровня (система аксиологических образов и типизированных эмоций), а творческое отношение к слову соотносится с творческим отношением к выработке речевых стратегий и тактик.

Здесь необходимо указать на исследования В.П. Белянина (2000), в работах которого представлена психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте: «светлые», «темные», «печальные», «веселые», «красивые», «сложные», «смешанные».

В данной классификации существенную роль играет психологический тип личности. Условно по материалам исповедальной прозы мы бы выделили три типа личности: 1) с преобладанием отрицательных эмоций и соответствующих негативных тактик: речевая стратегия - демонстрация эмоционально-оценочного отношения, например Ю. Нагибин, И. Глазунов; 2) тип, использующий тактику смягчения отрицательных оценок, склонный к косвенным высказываниям отрицательной оценки, с преобладанием рациональных оценок: стратегия - завуалирования, смягчения, сокрытия, например Д. Лихачев; 3) с преобладанием положительных эмоций и соответствующих позитивных тактик, например Е. Леонов.

Нельзя не учитывать и того, что автор изменяется: взрослеет, стареет. Меняется и его текст, отражая степень его зрелости, языковой опыт, знания. На протяжении жизни автора меняются также условия его существования, что отражается на его психологии. К примеру, заключительные современные главы «Последнего поклона» В. Астафьева более концептуальны, более «злы» и «агрессивны» по эмоциональной насыщенности, чем вариант книги 70-х годов. (Это касается и продолжения цикла лирических зарисовок-миниатюр «Затеси»). Если в первом варианте книги преобладают эмоциональное состояние печали и

грусти (и их языковые экспликативы), то в последних главах (и в последних миниатюрах «Затеси») усилен семантический компонент 'тоска' и семантический компонент «смена эмоционального состояния» (от тоски к ярости и злобе; от страха к надежде и безысходности, усталости; от печали к скорби; от досады к восхищению и т.д.). В последних текстах В. Астафьева важную роль играют такие способы выражения эмоций, как смех, слезы. Часто встречаются такие глаголы и существительные, как *улыбаться, усмешка, улыбка, ухмыльнуться, насмешка, хохот, ухмылки, хохотать, разразиться смехом (хохотом)*. Необходимо отметить, что смех в текстах В. Астафьева возникает не только как выражение удовольствия или радости, но и страха и угрозы, когда человек видит какое-либо несоответствие и это несоответствие представляется ему опасным (ср. В. Солоухин «Смех за левым плечом»). Напомним мысль М.М. Бахтина о том, что смех имеет глубокое мирозерцательное значение, это одна из существеннейших форм правды о мире, особая универсальная точка зрения на мир (Бахтин 1990); см. также (Лихачев 1999). Несомненным признаком последних текстов В. Астафьева является наличие в них описания зрительных ощущений с семантическим компонентом *сумрак: задремавшая, дремлют, ночной, сон, дремотен, сонный, ночью, под вечер, на закате, в сумерках, ввечеру, темнеющие, темные, сгустившийся морок, тень, темень, не темно, сумерки, затмение*. Относя этот компонент формально к зрительным ощущениям, отметим его близость к эмоциональным состояниям в силу ярко выраженного эмоционального тона, который ему сопутствует (Рубинштейн 1989:Т. 1, 221 -227). В текстах писателя много лексических элементов со значением *звук*, чаще всего ему соответствует оценочная сема *неприятный*: *услышать звук, крик, зов, поорать* и т.д. Психологическим коррелятом этого явления оказываются ложные слуховые ощущения, которые выражаются в ощущении различных звуков,

шумов, звона, непрерывного или прерывистого. Слуховые ощущения часто совпадают со зрительными (*дождь идет; размытый дождем*). Если говорить об обонятельных ощущениях, то чаще в анализируемых текстах присутствуют приятные запахи (*вкусные запахи*), например запахи леса.

Тексты В. Астафьева, так же как и тексты Т. Дорониной, Ю. Нагибина, И. Бродского, по эмоциональной доминанте можно отнести к «печальным» текстам (термин В. Белянина). Для автора «печального» текста все прекрасное в прошлом, только «воспоминание приносит успокоение, возвращая минувшие дни, полные радости» (Дж. Байрон «Детские воспоминания»); в настоящем— страдания, чувство вины за прошлое, будущее — тревожно. Печальная эмоциональная доминанта обусловлена и тем, что указанные тексты, как правило, создаются в период зрелости, старости и воспоминаний о молодости. См.:

Настоящее не радует. Пишу о прошлом. То, что называют театральной юностью (Доронина, Дневник актрисы, № 6, 161).

Я не могу писать о «сегодня». Пока я могу — только о тех, кто ушел. Когда я пишу, мне не так больно (Доронина, Дневник актрисы, 1996, № 4, 164). *Я вспоминаю об этих вещах не потому, что считаю их ключами к подсознательному, и давным-давно не из ностальгии по детству. Я вспоминаю о них потому, что никогда прежде этим не занимался, потому что желаю кое-какие из них **сохранить** — хотя бы на бумаге. И потому еще, что **оглядываться** — занятие более благодарное, чем **смотреть вперед**. **Пропусту говоря, завтра менее привлекательно, чем вчера. Почему-то прошлое не дышит такой чудовищной монотонностью, как будущее. Будущее, ввиду его обилия, - пропаганда. Также и трава*** (Бродский, *Меньше единицы*, 10-11).

В тексте В. Астафьева, например, доминанта *настоящего нету* раскрывается 1) ЛСГ глагольных форм с семой ‘уничтожение’ (*выжжены, обрублены, обмелели, выродились, исчезло, исчезли,*

срубаются); 2) тематической группой с семой 'жалкий' и 'упадок' (*холодная, безжизненная, возвращается, осваивает, лепит, претензия, играет, ничтожный, готовый урвать хоть шерсти клок с паршивой овцы, захудалый, жалкую, одинокий*) (Астафьев:26). Детство описано с нежностью, «светлые» эмоции; настоящее - с презрением, безнадежностью, иронией.

В сенсорных модальностях «печальных» текстов ведущим является компонент «запах» (у Астафьева преобладают запахи приятные, у Нагибина — неприятные; у Лихачева — запахи и звуки с оценкой «+» — в прошлом, «-» — в настоящем).

Рассмотрим другой тип речевого поведения, для которого характерна стратегия смягчения отрицательной оценки и использование тактик сокрытия, завуалирования отрицательных эмоций. Данная стратегия и данные тактики обусловлена следующими правилами коммуникации: не задевай, не унижай, не будь излишне категоричным. Одним из средств смягчения отрицательной эмоциональной оценки является косвенность высказывания. К наиболее активным способам выражения косвенной оценки относятся, во-первых, преобразование различных элементов прямого оценочного высказывания, во-вторых, выражение оценки с помощью другого иллокутивного акта, формально не оценочного (Трипольская 1999: 222).

Из первой группы способов важнейшим является способ представления объекта оценки. В косвенных оценочных высказываниях выделяются следующие способы представления объекта оценки:

а) объект оценки не назван вовсе или дан как неопределенный;

С легкой руки комиссара журналистики из Питера, как стали кишки перебирать и в мозгах копать, так и докатились до самого "выразительного" метода показа трагедии (Мордюкова:147). [Ирония, презрение.]

б) объект оценки сопоставляется или противопоставляется другим объектам, которым уже дана оценочная квалификация или их оценка является общеизвестной в данном социуме;

Но картина все же была дописана. В светлом классе, какие могли быть только в советской школе, стоит худенькая девочка в гимназической форме, с пионерским галстуком на шее и выводит красивым, как на прописи, почерком здравицу великому вождю.

*Но что-то было не то в этой картине, **чего-то** ей не хватало. Оптимизма, **что ли?*** (Тарковская:72). [Ирония, сожаление].

в) намеренная смена объекта оценки: *Давайте о рассказе...* (Астафьев, Зрячий посох, 115).

Изменение объекта оценки или переключение внимания на какую-нибудь его деталь есть способ опосредованно передать оценку, который предоставляет говорящему возможность для маневра: он «уходит» от необходимости «кривить душой» или говорить неправду.

Из других способов преобразования прямого оценочного высказывания назовем — введение языковых элементов с семантикой смягчения категоричности, например:

*Премия, которая предназначалась Лебедеву, - сугубо театральная премия. И безусловно, он ее заслужил, как никто. И мне кажется, жюри конкурса, разобравшись в ситуации, **могло бы** один раз сделать исключение для своего номинанта и вручить ему премию заочно, **еще раз оценив профессиональную актерскую честь и человеческое достоинство*** (Фурманов:191). [Упрек, претензия].

- введение структурных схем с семантикой уступки (*хотя, но*), возмещения-компенсации (*зато*), сожаления (*если бы*), исключения (*кроме*) (<...> *все, **кроме** Мордвинова, вокруг казалось мелкой суетой <...>*) (Щеглов, 137) и т.д.

К сказанному добавим

— авторское использование паремического и фразеологического фонда; например:

После разорения села и крушения колхоза имени товарища Щетинкина его организаторы и разорители никуда не делись < ... > постепенно старели, опускались и уходили в мир иной, оставив круги в грязной луже, которую сами и налили всевозможной нечистью (Астафьев, Вечерние раздумья, 21). [Конкретизация, переразложение, замена компонентов, ср. также *Допиться до стихов, до истины* (Козаков:297); усечение (*божья роса* (Эткинд:463)];

- смену тактики на прямо противоположную; см. несогласие с мнением Рейна, последующее согласие:

*Уже после смерти Иосифа он [Рейн] убеждал телезрителей, что покойник был чемпион эгоизма, не любил никого, включая самых близких, и вообще однажды сказал ему, что «недостаток эгоизма свидетельствует о недостатке одаренности». **Может, и сказал, но в каком контексте? Что это неправда** - доказательств уйма. **Что это жизненная и творческая позиция Рейна - это да, это правда: допускаю, что что-то похожее запустил он в очередной раз в какую-то их встречу, а Бродский в излюбленной своей манере довел до максимы. Так или иначе между ними действительно было кое-что специфически общее <...>: и в психологической закалке, и в неотделимом от эгоизма нежалении себя, в способности, даже готовности, переступить через самую дорогую привязанность, и в отсутствии жалостливости к другим** (Найман:19).*

- смену коннотативного знака (с «+» на «-» и наоборот); например: *Сенатор гордился своим поваром точно так, как годился своим живописцем, а вследствие того денег не взял и сказал повару, что **отпустит** его даром после своей смерти* (Герцен, т.9, 337). Словарное

значение: *гордиться* — «испытывать гордость (чувство удовлетворения)» (Большой толковый словарь 1998:219); контекстуальное значение: *воспринимать как собственность, лишить свободы*. Оценка со знаком «-» подчеркивается в текстовой перспективе: *Больно было Сенатору, а может, и совестно* (Герцен, там же).

- недосказанность;

- персонификацию как косвенное свидетельство эмоций: *пересохли, сломались, отмерли мои крылья; еще один улетевший беззвучным бледным листком год жизни* (Астафьев, Затеси, 53); *Я, и дом, и кусты вокруг нечаянно попали в обильные объятия этой округло-любовной, величественно-деликатной интонации; дешево сверкающие звездочки, впадина на месте луны; грубо поставленные, неуютные деревья* (Ахмадулина:5);

- использование прецедентного текста (ситуации, имени): *Пир во время чумы...* (Козаков:367).

«Степень косвенности», завуалированности эмоциональной оценки в разных случаях различна, максимальной она представляется в тех высказываниях, в которых оценочное или эмотивно-оценочное содержание выражено посредством формально неоценочного речевого акта.

Умение строить и воспринимать косвенные оценочные высказывания, предпочтительное их использование в своем дискурсе — существенная черта одной языковой личности, а их полное отсутствие — характеристика другой языковой личности. Прямые оценочные высказывания преобладают в текстах Ю. Нагибина, Т. Дорониной, И. Глазунова, Н. Мордюковой и др., косвенные — в текстах Д. Лихачева, В. Астафьева, О. Павлова, А. Щеглова, Б. Ахмадулиной, А. Наймана и др.

Важную роль играют интенции говорящего, предпочитающего не прямой способ выражения эмотивной оценки. Отказ от прямого высказывания может преследовать различные цели.

Во-первых, высказывания данного типа, как правило, не содержат эмотивно-оценочного слова, которое в силу своей стилистической и прагматической специфики может вызывать нежелательный коммуникативный эффект (создавать тот тип общения, например, грубо-фамильярный, который ослабляет позицию говорящего, нарушающего максимум вежливости). Например: *Мы считали, что и война нашим мечтам не помеха, а она и после того, как кончилась, прихватила сильно. «Владимир Ильич с кусочком сухаря пил чай, а пост свой не оставил!» — писала мама, когда я позволила пожаловаться в письме на невыносимую жизнь* (Мордюкова:127). [РА упрека, коммуникативная цель — «притыдить».]

Во-вторых, оценка становится более изощренной, едкой, ироничной. На пример: *В конце была, конечно, победа над серостью, и над Москвой поднимался ситцевый цветной рассвет* (Щеглов: 137); *Давайте выпьем. За тебя, Нона, ты женщина у — ух! Ты такая... Одним словом, русская женщина* (Мордюкова:138).

В-третьих, косвенные высказывания являются средством смягчения негативного впечатления от отрицательной оценки или, например, от самопохвалы: Например: *Куда делась наша добрая душа? Где она запропастилась - то?* (Астафьев:6).

Остановимся на характеристике третьего из указанных типов личности, с преобладанием положительных эмоций и позитивных речевых тактик. К сфере положительных эмоций, по данным «Тематического словаря...» под ред. Морковкина В.В. (Саянова, Хасанова, Морковкин 2000), можно отнести *радость ликование, торжество, восторг, восхищение, любовь* и др. Примерами текстов с положительной

эмоциональной доминантой являются «Письма сыну» Е. Леонова. Укажем некоторые концепты текстов Е. Леонова и их лексическое наполнение. Как правило, это концепты, вызывающие положительный эмоциональный фон, частотность концептов с отрицательным эмоциональным фоном не велика: **Идея** (мысли), **истина** (честность, честь, чистота, правда, порядочность, доброта, святость, справедливость, достоинство, принципиальность, прямота, простота и искренность, красота; естественность; совесть; мудрость, разум); **Бог, вера; пространство** (дорога, высь, прямые, ровные, небо), **природа** (весна, роса, лес, любовь, дышу, думаю, вспоминаю и т.д.), **дом, родина, патриотизм; свет** (светлый, белый, чистый, яркий, серебристый, серебристо-серый; серебристо-седой; искриться, сиять, блестеть), **тепло, солнце звук:** мелодичный, светлый чистый, ясный, звонкий, звенящий; **сердце, души** **чистота** (ясные, чистые, хрустальные, белый); **счастье:** работать трудно, хорошо, со страстью; всегда некогда; добро: искренность, ясность, мысли светлые (чистые); нести радость, правдивый, прямой, отзывчивый, доверчивый, с чистой душой, любящий, преданный (беззаветно), верный; принципиальный, порядочный, добрый, действующий от всего сердца/от всей души; выполняющий свой долг, делающий все для людей, благородный; ангел, Бог, святость, **зло:** ненависть, клевета, злорадство, подлость, цинизм, самолюбие, предательство, выставить в дурном свете, обвинять, решать за спиной; **человек: взгляд** (зоркий, ясный), **глаза, сердце, душа; теплые руки, в глубине души, в сердце; я, имя; жизнь:** судьба, предназначение; бесконечность, вечность, пространство; преодоление, трудности, победы, счастье, величие.

Содержание текстов Е. Леонова может быть сведено к двум следующим мыслям: все живое уникально, неповторимо и самоценно; я знаю истину и хочу донести свое понимание жизни до сына, до всех

людей. Среди слов, обозначающих эмоционально-оценочное отношение автора, наиболее часто встречаются слова с семой: 'сострадание' (в выборке - 27 раз), 'удивление' (25), 'сопереживание' (37), 'восхищение' (29), 'волнение' (43). Оценочные прилагательные большей частью группируются вокруг смыслов *уникальный, величественный*. Текстовые символы обозначены также лексемами *отец* и *сын*. В общезыковом смысле данные лексемы коррелируют с содержанием «родитель - рожденный», «тот, кого почитают - тот, кто почитает», в индивидуально-авторском - экспликатором отношений между компонентами указанной оппозиции являются следующие смыслы: *дружба (единство, общность, близость, доброта, прямота, взаимопонимание, любовь, забота, привязанность; радушие, тепло; одухотворенность, чистота (отношений)), доверие, любовь (богатство, не боишься быть маленьким, глупым, безоружным, во всей наготе своего откровения; защита)*.

Обобщим сказанное. Эстетическая оценка, как правило, обусловлена этической и подчеркивает этическую оценку. Эстетическая оценка связана с эмоциональной. Эмоция часто выражает общую оценку.

Внешние эстетические проявления бытия человека тоже имеют национальный идеал. Авторы проанализированных текстов придерживаются идеала аристократической красоты (ср. народный идеал красоты: здоровье, сила и т.д.).

Предметом исследуемого нами жанра является прежде всего человек, эстетической оценке подвергается внешность человека; человек как носитель социальных и индивидуальных свойств подвергается этической и логической оценке.

Для мемуаров-исповедей XX в. характерна тенденция усиления семантической множественности *я-субъекта, другого-объекта*: маска, голос, взгляд и т.д. *Я* как предмет эстетической оценки тоже

разноплановый: я, каким меня видят другие, и я, каким я вижу себя (в случае совпадения речь идет о зеркальной концепции я (Бахтин)).

Косвенной, иногда скрытой, эстетической и эмоциональной оценкой изображаемой действительности являются те запахи, краски, звуки, которые ассоциируются у писателя с изображаемым. То, как воспринимает писатель окружающую действительность, через какие звуки и запахи, - показатель его менталитета; восприятие действительности происходит как сопоставление *тогда-теперь*, в пользу *тогда*.

Для такого типа текста характерна опосредованность оценки, языковыми маркерами которой являются глаголы с семантикой восприятия и ощущения; существительные, обозначающие реакцию на что-то (ощущение, эффект, впечатление). Субъект восприятия часто обобщен или обезличен, поэтому повествование обобщенно-личное или безличное, употребляются пассивные конструкции.

Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности. Категория модальности и категория эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого. Категория модальности значительно шире.

Проанализированные тексты исповедальной мемуарной прозы, как правило, эксплицируют неразрывную связь и взаимодействие эмоциональной и рациональной обработки информации интеллектом говорящего, а также позволяют выявить пусковые механизмы тех или иных эмоций и взаимовлияние эмоциональной и квалификативной деятельности человека, т.к. часто содержат не только описание эмоционального состояния, но и рефлексии по поводу испытанного

чувства, включающую квалификацию состояния с точки зрения обычности, качества эмоций и ее конструктивности. Из многочисленных признаков, положенных в основу квалификации эмоций, в исследовании эмотекстов исповедальной мемуарной прозы востребованы были следующие: положительные – отрицательные; непосредственно ориентированные на оценочную квалификацию субъекта; «холодные» и «горячие»; интенсивные и неинтенсивные; ориентированные на объект – замкнутые на самом субъекте переживания; однозначные и амбивалентные.

Духовная культура народа проявляется в области чувств и эмоций. Органом, в котором локализуются чувства и эмоции, считается *сердце, грудь (душа): сердце забилося, сжимается сердце, сердца не хватило, успокоится сердце, душу рвущее* и под. Способность человека к проявлению широкого спектра эмоций и чувств определяется русским языковым сознанием прежде всего как нравственное качество, связанное с отношением к другим людям (*чувствительный, бесчувственный, сердечный, бессердечный, душевный*).

Как правило, характеристика эмоциональных свойств личности (*эмоциональный, неэмоциональный, (не) восприимчивый* и т.д.) не входит в ценностную картину мира, но в русскую картину мира входит. Независимо от аксиологической направленности, тексты исповедальной мемуарной прозы эмоционально насыщены, и по этому параметру все тексты русские. Показательно, что в сознании современного социума (и отдельной языковой личности) наблюдаются связи между «интеллектуальными» концептами, «морально-нравственными» и эмоциональной оценкой физических характеристик объекта.

Мы различаем текст, целью которого является выражение эмоции, эмотекст в строгом смысле слова, и текст-эмоциональную оценку. Оба типа текста выражают субъективный мир говорящего и воздействуют на

слушающего, хотя приоритетность этих функций меняется в зависимости от типа текста.

Текст позволяет разграничить понятия эмотивности, экспрессивности, оценочности. Эмотивность – это содержательная сторона текста (текст о любви, страхе, ненависти и т.д.). Экспрессивность – характеристика формы выражения содержательной информации: выразительность, яркость, образность. Эмотивный текст может быть экспрессивным и неэкспрессивным, т.е. просто констатирующим и описывающим наличие у какого-либо субъекта определенного эмоционального состояния. Оценочность при этом сохраняет свое рациональное значение осмысления ситуации с отнесением ее к желательной или нежелательной.

Эмоции служат средством описания языковой личности (ее эмотивно-оценочных стратегий и тактик); изучая эмоциональные реакции, можно выявить эмоциональный тип личности. Невысокая степень эмоциональности текстов и высокая степень аналитичности тоже характеризуют их авторов как языковую личность (М. Захаров, Д. Лихачев, И. Смоктуновский).

ЭОД отличается полиинтенциональностью. Структура интенций языковой личности представляет собой полевое образование, центр которого занимает интенция выражения эмоционального состояния и эмотивной оценки. Прочие интенции так или иначе связаны с основными: интенция выражения ценностного суждения; интенция регулирования поведения адресата (для художественной публицистики характерна интенция воздействия на ценностную картину мира адресата: данный ЭОД обычно относится к волюнтивному регистру, когда наблюдается слитное выражение оценочного и императивного значений); интенция создания особого типа коммуникации (неофициальной, уничтожительной и т.д.); интенция создания своего речевого имиджа; интенция создания «языка

малого социума»; интенция выражения «идеала» через неприятие и отрицание негативных сторон действительности.

Актуальны для современной мемуарной литературы стратегия смягчения отрицательной оценки, тактики сокрытия, завуалирования отрицательных эмоций, косвенность высказывания: 1) преобразование различных элементов прямого оценочного высказывания: объект оценки не назван или дан как неопределенный, объект оценивается через другой объект, намеренная смена объекта оценки; введение языковых элементов с семантикой смягчения категоричности; введение структурных схем с семантикой уступки *хотя, но*, возмещения -компенсации *зато*, сожаления *если бы*, исключения *кроме* и др.; авторское использование паремического и фразеологического фонда языка; смена тактики на прямо противоположную; смена коннотативного знака (сокрытие отрицательных эмоций за положительными); недосказанность, персонификация; использование прецедентного текста, ситуаций, имени; 2) выражение оценки с помощью другого иллокутивного акта, формально неоценочного.

Условно по материалам мемуарной прозы современной российской творческой интеллигенции мы выделили три типа личности: 1) с преобладанием отрицательных эмоций и соответствующих негативных тактик; речевая стратегия – демонстрация эмоционально-оценочного отношения; например, Ю. Нагибин. И. Глазунов; 2) тип, использующий тактику смягчения отрицательных оценок, склонный к косвенным высказываниям отрицательной оценки, с преобладанием рациональных оценок; стратегия завуалирования, смягчения, сокрытия, например, Д. Лихачев. Данная стратегия и данные тактики обусловлены следующими правилами коммуникации: не задевай, не унижай, не будь излишне категоричным. 3) с преобладанием положительных эмоций и соответствующих позитивных тактик; например, Е. Леонов.

Оценочные концепты маркируются в синтаксическом плане, в синтаксических связях и отношениях: при одинаковом оценочном знаке составляющие концепта эксплицируются в «и»- конъюнкции (например, *свобода – воля*), при разном знаке оценки типичны отношения контрастного противопоставления (например, *ложь/правда, зло/добро*), частичного возмещения (*грех/покаяние, грех/прощение*).

На внешних и внутренних связях базируется совершенно новая мотивированность и непривычные соотношения слов, эксплицирующих концепт-оценку в тексте. Лексические сближения в этом случае являются осознанными и осуществляются с опорой на системный характер лексико-семантических и словообразовательных структур. Экспликация оценочного концепта носит сугубо текстовой характер и предполагает наличие разъясняющего и описательного контекста, интерпретирующего концептуальное содержание слова. В текстовых условиях предопределяется его восстановление.

5.4. Логическая оценка

5.4.1. Соотнесение/сопоставление/сравнение/ противопоставление

Логическую оценку нельзя категорично противопоставить эмоциональной оценке. Рассматривая их когнитивную структуру, исследователи приходят к выводу о тесной связи интеллектуальных и эмоциональных процессов человеческой деятельности. В качестве текстов с модальной доминантой “логическая оценка” мы рассматривали тексты с семантикой 1) сопоставление/ соотнесение/ противопоставление/ выделение/ подчеркивание; 2) истинно/ неистинно.

Предметом рассмотрения в данной главе будет логическая оценка *соотнесение/ сопоставление/ сравнение/ противопоставление* в текстах мемуарно-исповедальной прозы. Укажем суть этих логических операций.

Операция соотнесения является родовым понятием для других, указанных в заголовке. Соотнести – «установить соотношение, взаимную связь между чем.-л.» (Ожегов 1984:650). В основе всех указанных операций лежит операция сравнения. Сопоставить – «значит рассмотреть чего-либо, сравнивая с ч.-л. для получения какого-н. вывода» (там же). Противопоставить – «сравнить, указав несходность, противоположность признаков одного и другого» (там же:542). Выделить – «отличить, отметить чем.-н.» (там же:97), часто из ряда подобных. Подчеркнуть – «особо выделить, обращая внимание на что-нибудь» (там же:471). Сравнить – «сопоставить для установления сходства или различия» (там же:660), уподобить. Сравнение – уподобление одного предмета другому.

Отношения соотнесения, сопоставления, сравнения, выделения, подчеркивания выражаются союзами, сравнительными частицами, сравнительными конструкциями. *Как* выражает реальное сравнение; *будто, как будто, точно, словно* – гипотетическое; *будто* свидетельствует о личной ассоциации автора, о субъективности предположения; *как будто, точно, будто* представляют внешнюю точку зрения, говорящий от нее дистанцируется, могут служить средством внутренней диалогизации речи; в начале предложения они выполняют сходную функцию модальных частиц, оформляют семантику возражения/несогласия, данная семантика в тексте требует последующей развернутой аргументации, например:

*Духовность – понимать Державина и Пушкина, пробиваться на выставку Филонова и выступления отца Александра Меня, слушать Баха и Шнитке. Ну и так далее. **Будто** это гарантия от безнравственности, **будто** удовлетворение духовных запросов не совместимо с обычной подлостью. Все гораздо проще. Проще – и сложнее. Духовность – не совершать подлость, когда, казалось бы, иначе и выжить нельзя, когда, казалось бы, это единственное условие существования. Духовность – не*

унизиться перед сильными мира сего, имея в виду даже не сохранение жизни, а просто прибавку к зарплате.

Духовность – это дело (И. Глан).

Будучи представлением субъекта мнения, модели с *как будто* могут оформлять особую «риторическую фигуру» «скромности» в оценке собственных заслуг (*“Как будто не дал год назад приказа Карманову удержать меня в театре правдами и неправдами”* М. Козаков); *словно, как если бы* отражают точку зрения говорящего, являющуюся и точкой зрения самого субъекта ситуации (*“И с десятков московских писателей и потом сотрудники ЦДЛ подходили ко мне знакомиться – так, как если бы я был не угрожаемый автор арестованного романа; а обласканный и всесильный лауреат”*. А. Солженицын “Бодался теленок с дубом”, №6, 87). Сравнение указывает на ирреальное условие реализации того, о чем говорится во 2-й части однородного ряда (предикат присоединен противительным союзом *а*). Первый компонент однородного ряда делает невозможным осуществление второго. (См. Словарь структурных слов 1997:154); *будто бы* употребляется для подчеркивания неискренности поведения объекта описания (*“будто бы вскользь сообщил”* Ю. Нагибин), для выражения неуверенности в том, что сообщается, или полного его отрицания (*“Как неправда и то, что Ефремову будто бы удалось создать театр исключительно потому, что другом его был Аджубей”*. М.Козаков); в обороте *все равно что (как)* частица *все* подчеркивает невозможность, абсурдность сопоставления (*“70-е прошли под знаком Набокова, который против Платонова – все равно, что канатоходец против альтиниста, взобравшегося на Джомолунгму”*. И. Бродский). Сопоставление – противопоставление подчеркивается семантикой предлога *против*); союз *так же, как* является знаком абсолютного уподобления предметов. (*“Пускай себе конец придет так же случайно и*

бессмысленно, как начало” А. Герцен). Идею сравнения выражает прилагательное *похожий* и его дериваты.

Логическая операция сравнения лежит в основе семантики альтернативы (выбора). Тексты, в которых заключена идея выбора, не однородны по своей семантике: их специфика зависит от типа синтаксических структур, оформляющих семантику альтернативы, от их интонационного оформления, от семантики альтернативных союзов, их экспрессивных возможностей, от семантики лексем, выражающих идею выбора.

Из союзов наиболее выразителен одиночный союз *или*. Структура с союзом *или* часто используется в заголовках исповедальной прозы (А.Зубов “Сорок дней или сорок лет?”; И. Смоктуновский “Быть”, имплицитно присутствует прецедентный текст “Быть или не быть!”). Повторяющиеся альтернативные союзы *или, либо* могут быть экспрессивно-категоричными, свидетельствовать о «максималистском способе мышления», оформлять речевой акт (РА) угрозы, ультиматума. В исповеди подобный РА возможен только в пересказе от третьего лица, что объясняется интенциональной направленностью жанра, спецификой адресата. Например:

*Что произошло с Андроном? Очевидно, семья сплотилась против него и сумела перетянуть на свою сторону мать с ее наследственным богатством. Возможно, ему поставили ультиматум: **или возвращайся, или забудь о своей доле наследства.** Конечно, он не мог бы прожить все эти годы, если б мать его не поддерживала. Нельзя же закладывать всю семью ради одного, пусть любимого, сына. Не исключено, что славный старик отец **пригрозил** ему более серьезными карами: за границей в напряженном уличном движении человеческая жизнь не стоит копейки. Там все **грозит** смертельной опасностью, даже проигрыватели (Нагибин:581).*

В функции предпочтения без основания выбора используются компаративы *лучше, раньше, охотнее, скорее, легче* и подобные. Автономное *лучше* и др. оставляет за адресатом право выбора; сочетание *лучше* с частицей *уже* имеет значение “неуступчивой уступчивости” в диссонансном диалоге (*Лучше уж не напоминать*. М. Козаков), инфинитив с частицей *бы* плюс *лучше* - значение ирреального (возможного) предпочтения (*Еще бы лучше у американцев сняться, если позовут, если они что-нибудь снимают в Израиле*. М. Козаков). Автономное *лучше* выражают ценностные сравнения. Для ментальности языковой личности, представленной в исповедальной прозе, актуально соотнесение следующих категорий: *любовь / свобода, любовь / скорбь, добро / зло, нравственность / безнравственность (богатство / бедность), талант / бездарность, здоровье / нездоровье* и др. Предпочтение может быть выражено также конструкцией с союзом *а* при отрицании (“*Вам оказывается, нужна правда, а не правда?*” Б. Окуджава). Союз *а* выражает противопоставление, отрицательная частица не относится к компоненту, который “отвергается” при выборе. Ср.: *Может, это и не любовь, а тот зов крови, о котором мы говорим мимоходом как о чем-то малозначащем, пустяковом*. (Астафьев. Забубенная головушка), простой и составной формами сравнительной степени прилагательного в предикативном употреблении, поддерживаться устойчивыми сочетаниями, союзными средствами, частицами (“*Разумеется, коренной москвич лучше московского провинциала в такой же степени, в какой добрый и богатый граф лучше хитрого и бедного журналиста. И лучше, и талантливей, и великодушной, и все, что хотите*”. Басинский:114). Сравнимые пропозиции могут быть настолько различны, что трудно указать основание для сравнения: “*люди были значительно хуже природы*” (Нагибин:363); “*добрый и богатый граф лучше хитрого и бедного журналиста*”. (Басинский:114).

Сопоставление в тексте градационно ведет к противопоставлению, которое часто осложняется оттенком уступки: уступка семантически предполагает возмещение или более сильную степень – замещение. Рассмотрим текст с логическим сопоставлением.

Помните ли, друзья, как хорош был тот зимний день, солнечный, ясный, когда шесть-семь троек провожали нас до Черной Грязи, когда мы там в последний раз сдвинули стаканы и, рыдая, расстались?

... Был уже вечер, возок заскрипел по снегу, вы смотрели печально вслед и не догадывались, что это были похороны и вечная разлука. Все были налицо, одного только не доставало – ближайшего из близких, он один был далек и как будто своим отсутствием омыл руки в моем отъезде.

Это было 21 января 1847 года.

С тех пор прошли семь лет, и какие семь лет! В их числе 1848 и 1852.

Чего и чего не было в это время, и все рухнуло – общее и частное, европейская революция и домашний кров, свобода мира и личное счастье.

Камня на камне не осталось от прежней жизни. Тогда я был во всей силе развития, моя предшествовавшая жизнь дала мне залогов. Я смело шел от вас с опрометчивой самонадеянностью, с надменным доверием к жизни. Я торопился оторваться от маленькой кучки людей, тесно сжившихся, близко подошедших друг к другу, связанных глубокой любовью и общим горем. Меня манила даль, ширь, открытая борьба и вольная речь, я искал независимой арены, мне хотелось попробовать свои силы на воле...

Теперь я уже и не ждуг ничего, ничто после виденного и испытанного мною не удивит меня особенно и не обрадует глубоко: удивление и радость обузданы воспоминаниями былого, страхом будущего. Почти все стало мне безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себе конец придет так же случайно и бессмысленно, как начало (Герцен, ч. V. Тетрадь I. Сон).

Текст строится на типичном для жанра мемуаров сопоставлении *тогда* и *теперь*, типична и оценка *тогда* со знаком “+”, *теперь* со знаком “–”. По типу речи текст-повествование с элементами рассуждения, поэтому основным средством сопоставления и оценки (противопоставления) являются видовременные формы глаголов.

Текст начинается с ситуативного обозначения *тогда* и оценки “*как хорошо был тот зимний день...*”. Повествование развивается глаголами совершенного вида прошедшего времени: *сдвинули (стаканы); рыдая, расстались; (возок) заскрипел*. Как писал В.В. Виноградов, формы прош. вр. СВ «наиболее насыщены повествовательным динамизмом», поскольку «представление результата действия в связи с идеей самого процесса уже само в себе включает обращенность к предшествующему и направленность к предшествующему: результат в прош. времени соверш. вида мыслится динамически, как отправной пункт для нового действия». Таким образом, эта форма представляет собой «потенциальный сюжет с эпилогом, законченный драматический акт с еще неопущенным занавесом» (Виноградов 1980:229-230). Ср. «Форма СВ в самой своей семантике содержит временную перспективу: значение формы СВ нельзя описать, не упомянув трех временных моментов – один, в котором событие еще не имело места, другой, когда оно наступило, и третий, из которого оно наблюдается» (Падучева 1996:363).

Как пишет Б.М. Гаспаров, «предложения с СВ нередко содержат в себе ключевые моменты сообщения, т.е. собственно ту информацию, ради которой был построен данный текст» (Гаспаров 1979:119-120). Ср. *С тех пор прошли семь лет, и какие семь лет* (оценка). По его мнению, в наиболее типичном случае соотношение частей текста с СВ и НСВ можно сравнить с соотношением *темы и ремы* в актуальном членении предложения: первые вводят исходный материал, отправную точку сообщения (*Помните ли... тот день, когда*

провожали...), тогда как вторые дают сообщение в собственном смысле слова. При таком соотношении группа предложений с СВ образует рему в масштабе целого текста. Такие предложения в данном тексте подчеркивают противопоставление и являются этапными предложениями (ЭП)¹- оценки. *«Камня на камне не осталось от прежней жизни... (все рухнуло – общее и частное, европейская революция и домашний кров, свобода мира и личное счастье)»*. ЭП обобщает предшествующую информацию и намечает коммуникативную перспективу дальнейшего развития текста. Далее текст композиционно делится на две части, *тогда - теперь*.

Тогда – формы глагола НСВ выражают активность и незавершенность (цель была, но не достигнута, нет результата в настоящем, незавершенность процесса): *смело шел, торопился, меня манила даль, ширь, борьба...; я искал, мне хотелось попробовать свои силы*. Глаголы объединены семами *‘поиск, движение, надежда, активность’*. Обозначаемые формами гл. пр. вр. НСВ действия «лишь размещаются по разным участкам одной временной плоскости, не сменяя друг друга, а уживаясь по соседству, образуя единство картины» (Виноградов 1980:206). Используя формулировку Ю.С. Маслова, можно сказать, что «претеритом СВ повествование продвигается, претеритом НСВ останавливается» (Маслов 1984:17). В данном случае НСВ – средство выражения многократного повторения действия, безнадежности. Данный эффект усиливается параллелизмом синтаксических структур и их семантически градационным расположением (*Я шел; я торопился; я искал*). В данном тексте противопоставление между частью “тогда” с НСВ и частью “тогда” СВ можно осмыслить как противопоставление между фоном, менее существенным планом текста (СВ) и содержательно-оценочным, наиболее существенным (НСВ). Что противоречит тенденции,

---

¹ ЭП – этапное предложение, коммуникативно-сильное предложение текста.

выявленной на материале классических художественных текстов (Гаспаров; Norrger J. 1979:213-217). В данном случае СВ выполняет свою наиболее типичную текстовую функцию – формирование адвербиальной пространственно-временной рамки для описываемых событий. Используя СВ, говорящий отделяет себя от непосредственного участия в ситуации и смотрит на нее со стороны (Gasparov 1990).

В части *теперь*, отправная точка для оценки будущего, оценка дана с точки зрения настоящего, используются формы НСВ (*не жду, не желаю*). Будущее соотнесено с прош. вр. ⇒ СВ (*удивление и радость обузданы воспоминаниями былого, страхом будущего*) ⇒ оценка: *не удивит, не обрадует, стало безразлично* (результат прошедшего), *пускай конец придет так же случайно и бессмысленно, как начало; будущее, как и прошлое, безрезультатно*. Таким образом, некоторым типам употреблений НСВ в мемуарной публицистике присущ оценочный ореол.

5.4.2. Истинно / Неистинно

К специфическим жанровым чертам исследуемой оценки можно отнести следующие: нерелевантность оппозиций *истинность / ложность*.

Понятие достоверности в лингвистике весьма неоднородное, противоречивое. Если в философско-методологических и логических работах достоверность используется для характеристики доказательных, обоснованных объективных знаний в качестве синонима истины, то в языкознании при анализе этой категории на первый план выдвигается субъективный момент - степень знания говорящим связей и отношений действительности, отраженных в высказывании. Очевидно, что лингвистическая модальность занимается анализом взглядов конкретного человека, или, по крайней мере, его понимания истины, хотя это может и не соответствовать объективному положению дел. Под лингвистической

достоверностью понимается рациональная оценка содержания высказывания, осуществляемая говорящим в соответствии с полнотой его знаний о событиях, вербализованных в высказывании.

Но человек не всеведущ. Он не всегда может делать истинные утверждения. Он высказывает лишь предположение или догадку. Неуверенность в истинности суждения маркируется модальными операторами [МО]: наклонением глагола, вводными словами или глаголами пропозиционального отношения. Модальный оператор сигнализирует о достаточности или недостаточности оснований для утверждения. Он градуирует имеющуюся у говорящего информацию, а не признаки, характеризующие субъект.

Субъективное не может быть истинностным. Оппозиция *истинность / ложность* для мемуарно-исповедального текста, как и для художественного, но по другой причине, нерелевантна. Во-первых, потому что авторская модальность отражает взгляды конкретного человека, его понимание истины, это может и не соответствовать объективному положению дел. «Из того, что мне – или всем – кажется, что это не так, не следует, что это так и есть» (Витгенштейн 1994:17). Под лингвистической достоверностью понимается «рациональная оценка содержания высказывания, осуществляемая говорящим в соответствии с полнотой его знаний о событиях, вербализованных в высказывании» (Павловская 2000:76).

Во-вторых, сам жанр исповеди требует *«беспощадной искренности»*, на которую способен не каждый человек. *«Открыться перед богом легче, чем перед людьми. Нужно бесстрашие, чтобы предстать перед всеми и перед собой со своими слабостями, пороками, пустотой... Друкер прав – рассматривать себя пристально и беспощадно [выделено нами. – Т.Р.] умели разве что такие люди, как Жан-Жак Руссо и Лев Толстой»* (Гранин 1985:235). Русская пословица *«Не любо – не слушай, а врать не мешай»*

вполне выражает суть неискренности в исповедальной прозе¹. Таким образом, в исповеди нарушаются канонические законы жанра. В связи с этим возникают вопросы: что скрывается, что есть истина, можно ли ее установить?

В-третьих, классические мемуарные тексты «создаются в результате фиксации данных памяти, и ключевым модальным оператором этих текстов является оператор *я помню, что (как)*. Поскольку глагол *помнить* относится к категории фактивных предикатов, а его пропозиция имеет значение истинности, сообщаемое в мемуарном тексте способно осмысляться как фактическое, а сами мемуары рассматриваются как документы, из которых можно почерпнуть разнообразные сведения. Такой подход к мемуарному тексту отражает модель восприятия, которая заложена самой природой текстов этого типа. Именно по параметру достоверности они противостоят текстам, в создании которых участвует вымысел, – художественным и фольклорным, а благодаря “фактажу”, содержащемуся в них, они смыкаются с текстами справочно-информирующего типа» (Радзиевская 1992:48-49). Но как только в текстовом пространстве оказываются модальные операторы *я думаю, я знаю, я считаю...*, фактор достоверности уже не актуален, актуальна самопрезентация личности, ее отношение к излагаемому. Именно к излагаемому, а не к изображаемому, т.к. для исповедальной мемуарной прозы (современной в особенности) характерно ментальное, аналитическое восприятие действительности, а не сенсорное. Причем это восприятие часто иррационально, т.е. интуитивно, эмоционально. Иррациональность отмечают в числе основных черт русской концептуальной картины мира (Вежбицкая 1997).

---

¹ «Если записывать все, что бродит на разных уровнях моего усталого сознания и такой же памяти, можно вспомнить о таких глупостях, которые ни за что не переведу на бумагу» (Захаров :22). «... чего-чего, а врать-то режиссеры все умеют. Из того, что я написал, почти все вранье» (там же:111).

Как указывает У.Л. Чейф, «*восприятие является интерпретирующим*» <...> то, что поступает в сознание, не является точной копией стимула, но есть его *интерпретация* <...> То, что находится в сознании, является своего рода убеждением относительно того, что находится во внешнем мире. Это убеждение связано, безусловно, с тем, что предоставлено в распоряжение органов чувств, но оно подвергается и сильному воздействию контекста ситуации, а также культурной и индивидуальной предрасположенности» (Чейф 2001:4-5). Кроме того, «часть информации, находящейся в сознании, может поступить в блок под названием “память” (происходит «накопление информации») <...> “содержимое сознания” является знанием, которое активизируется, или “высвечивается”, в любой момент времени, а содержимое памяти не активно, не “высвечено” в данный момент, но все же некоторым образом “присутствует” в уме, ...ко всему содержащемуся в памяти применимы дальнейшие процессы интерпретации. Интерпретация происходит не только во время восприятия; она имеет место также в то время, когда мы говорим» [оценка того, что извлекается из памяти с точки зрения момента речи. – Т.Р.] (там же: 5-6, 8).

Рассматриваемая в главе оценка концептуально связана с оценкой *правда* и *истина*. Концепты *правда* и *истина* относятся к категории логико-этических концептов. Данные концепты на рубеже сменяющихся столетий привлекли внимание довольно значительного числа лингвистов. Следует указать исследования Ю.С. Степанова, Т.В. Булыгиной и А.Д.Шмелева, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, В.А. Лукина и др. Приведем словарные определения *истины* и *правды*. **Истина** – «1) то, что существует в действительности, отражает действительность, правда; 2) утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом» (Ожегов 1984:221). **Правда** – «1) то, что соответствует действительности, истина», например:

[Ахматова про рассказ Солженицына «Случай на станции Кречетовка»]: *От Солженицына мы ждем правды, только правды. Он не должен такие рассказы рассказывать* (Чуковская:16);

«2) порядок, основанный на справедливости, честности; 3) то же, что и правота [разг.] и т.д.» (Ожегов 1984:498). Но *правота* противопоставляется *правде*. Например: *Правота? Вам, оказывается, нужна правота, а не правда?.. А правда в том, что это начало конца...* (Окуджава, 74); **правота** – «правильный образ действий и мыслей» (Ожегов 1984:499); **правильный** – «(1) соответствующий установленным правилам, не отступающий от соответствующих правил, норм, порядка; <...> (5) удовлетворяющий правилам» (Большой толковый словарь русского языка 1998:952). Ср.: *Правда приравнивается к порнографии* (Нагибин,189); *правоверность* [= правильность. – Т.Р.] – *глупость или страх* (там же:476-477).

Как видим, словарь фиксирует высокую степень совпадения лексических пространств, занимаемых этими концептами, (ср.: *Истина* – то, что отражает действительность, правда; а *правда* – то, что соответствует действительности, истина). Эта же высокая степень совпадения позволяет некоторым исследователям в значительной степени отождествлять эти концепты (например, в исследовании Гака (Гак 1993). В то же время для многих носителей русского языкового сознания понятия «истина» и «правда» предстают настолько несовпадающими по своей референции, что допускают со- и противопоставление.

Если взглянуть на соотношение правды и истины в аспекте тетрахомии *всеобщее – общее – особенное – единичное* (Пузырев 2001), то при проецировании их на указанный логический ряд данные концепты займут позиции, не вполне совпадающие друг с другом.

Правда – «то, что соответствует действительности, истина»; «то, что представляется кому-л. правильным, верным, с точки зрения морали,

этики», «то, чем должен руководствоваться человек в своих поступках» [нравственная правда = истине]; «реалистическое изображение явлений в художественном произведении, на сцене и т.п.» (правда – точность отображения жизни); «справедливость, порядок, основанный на справедливости» (Пузырев 2001:120-121). Исповедальная мемуарная проза позволяет указать еще одно значение слова правда – «духовный опыт». Например:

Такая же смерть постигнет и тех, в ком понимание правды возникнет независимо от каких-либо книг, произвольно, и кто осмелится поделиться своим духовным опытом с кем бы то ни было (Андреев, 580).

Истина – «то, что соответствует действительности, действительное положение вещей...» (Словарь русского языка 1985:688). Например:

Талантливый актер Гостюхин на митинге топчет принародно пластинку Окуджавы, совершая акт духовного вандализма. Николай Бурляев, актер Тарковского, во второй половине 80-х снимает фильм «Лермонтов». На балу у Николая Первого мы видим и Лермонтова [Н. Бурляев], и его убийцу Мартынова. Режиссер акцентирует наше внимание на отчестве Мартынова – Соломонович... Но мало этого. На балу у Николая Первого Гоголь [тот же Бурляев], где он просто-напросто и быть-то не мог, - видел Николая всего два раза в жизни, и то издалека, слушает пространные рассуждения о том, что шинкари-евреи сполли русский народ, и согласно кивает головой.

Гостюхин и Бурляев артисты хорошие. Наверное, люди темные [Козаков 1997:366].

Истина – «нравственный идеал. Искать истину. Верить в истину. Святая истина» [Большой толковый словарь русского языка 1998:403]. Истине соответствует модусы *знать, раскрывать, искать, познавать*. Например:

*Хайдеггер спрашивает о смысле слова «**правда**».*

*Я ответил, что **правда** – в сознании.*

*<...> **Правда** – это истина, но и справедливость, правильность, указание на то, как следует поступать и делать. Слово «**истина**» восходит к корню «**есть**». Тут имеется в виду **действительность, бытие, сущее. Поэзия имеет дело с раскрытием истины** (Вознесенский:337).*

По мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, слова *правда* и *истина* обозначают две стороны одного и того же общепhilosophического концепта: *правда* указывает на практический аспект этого понятия, а *истина* – на теоретический аспект (Булыгина, Шмелев 1997). В каком-то смысле *истину* знает только Бог, а люди знают *правду*. Ср.:

*Уже за этот многолетний трагический мучительный **поиск Божественной истины** Толстой более, чем его ниспровергатели, хулители с крайних православно-церковных позиций, **достоин Царства Божьего**. Он, если вдуматься, величайший и последний в России религиозно-philosophический писатель. Последующие – любимейшие Антон Павлович и Михаил Афанасьевич – каждый по-своему отошли в сторону от столбовой дороги, предложенной великим старцем. Чехов в этом смысле скромно затаился, схитрил, скрыл, счел нужным не писать ни о чем таком впрямую, даже в «Черном монахе» – лишь намеки... А Булгаков с его Пилатом, Воландом, Иешуа, Га-Ноцри создал прельстительную, пленительную, утешительную **великую ересь**, скорее гетевского, нежели толстовского толка (Вознесенский 1998:337).*

*Я спросил ее однажды: «Как умер Горький?» Она долго молчала, а потом как-то нехотя, в сторону, тихо сказала: «**Он много знал...**». **Что еще знала Раневская?** У нее было мучительное желание рассказать. Это видно из сотен рассыпавшихся страничек ее стихийного архива, страничек, которые она **хотела для нас сохранить** (Щеглов: 220).*

Так же искренно верить в новую, очищенную правду и в нового человека, испускающего свет этой правды (Солженицын:29-30). У каждого своя правда, у каждого своя логика и характер (Козаков:308). Ср. познать истину (без указания источника) и узнать (у кого-либо или от кого-либо) правду. Истина (при) открывается, ее достигают, до нее возвышаются, она бывает высшей. Ср.:

Когда-то он [Д. Самойлов] писал:

Допиться до стихов,

Тогда и выпить стоит,

Когда, лишась оков,

По миру солнце стонет...

*Допиться до таких стихов, через которые **приоткрывается некая истина или хотя бы подобие ее!**..*

*В 1980 году я попал в жуткую автомобильную катастрофу и – чудом уцелел. Булат Окуджава тогда сказал: «Значит, Миша, **ты еще не достиг истины**». Сегодня 1992 год, сегодня я уже кое о чем **догадываюсь**. Не только вычитываю у других – и самому уже что-то **приоткрывается**. Или кажется? **Что не покажется, когда «допиваешься» до каких-то открытий в самом себе, в других, в жизни!** Когда, осмелев, обращаешься с самыми главными вопросами к Чему-то или Кому-то в себе и порой, сдается, слышишь ответы (Козаков, 297-298).*

*В тебе есть **потребность метафизики**, то есть **истины высшей**. На это, я думаю, и следует ориентироваться. **Метафизика**, ставшая актерской органикой и не отделенная от всех свойств актерского ремесла. Это не все поймут, но все почувствуют, если и впрямь удастся тебе **возвыситься до этого** [Д. Самойлов – М. Козакову] (Козаков:307).*

*Истина бывает отвлеченной, абстрактной; в слове **правда** отчетливо выражено представление о норме и моральное измерение. Необходимо учитывать многозначность слова **правда**. «Правда – истина» как категория*

гносеологическая, несомненно, отличается от «правды – справедливости» [искать правду] как этического императива [Н.Михайловский]. Ср.:

Почему я отправился к Хайдеггеру?

В годоводье шестидесятых хотелось фундаментальной онтологической истины, еще год оставался до пражского краха надежд, но уже чувствовалась тревога, а в имени последнего германского гения магически хрустели редкие для русского языка звуки «х», «гг», «р», в свое время так восхищавшие будетлян. Еще Велимир «в земле, называемой Германия», находил звук «г» определяющим семена Слова и Разума» (Вознесенский:340); ... в своей сцене у текстильного министра, куда она приходила за правдой (Щеглов:137).

«Правда одухотворена человеческим чувством, личным отношением, характеризуется свободой воли в отличие от predetermined и истины, слишком объективной, чтобы человеческая воля могла ею управлять» (Колесов 1999:116-117). Последовательно признается, что для русского правда важнее отвлеченной истины. В «Русском ассоциативном словаре» слово правда как реакция представлено в семь раз чаще, чем истина, а соотношение русских пословиц со словами истина и правда в словаре В.И. Даля равно 1:100 [данные А.В. Пузырева] (Пузырев 2001:120). Но, с другой стороны, истина важнее, поскольку она принадлежит Богу, или «горнему» миру. Правда, с этой точки зрения, оказывается «приземленной», относящейся к «дольнему» миру. Истина всегда нравственна, поэтому ее достигнуть трудно. «Высшая Правда» [= истина. – Т.Р.] доступна только «пророкам, вестникам, проповедникам», которые способны «узреть миры горние», «услышать мировую гармонию», чей «духовный слух отверзся» и «глубинная память пробудилась». Для этого необходимы «любовь к миру», «духовность», «духовное знание», которые «рождены не только совестью» и «опираются не только на логику»

(Андреев:430). Человек часто находится в ситуации выбора между *истиной* и *правдой*. Например:

При моем стремлении к затуманенности, к тому, чтоб не знать или знать не до конца, я был бы счастливей в другом веке, в другом пространстве. О мир Марселя Пруста!... Но есть горькое удовлетворение в том, чтобы родиться и жить и, наверное, погибнуть тогда и там, где сорваны все маски, развеяны все мифы, разогнан благостный туман до мертвографической ясности и четкости, где не осталось места даже для самых маленьких иллюзий, в окончательной и безнадежной правде. Ведь при всех самозащитных стремлениях к неясности, недоговоренности хочется прийти к истинному знанию. Я все-таки не из тех, кто выбирает неведение. Я не ждал добра, но все же не думал, что итог окажется столь удручающ. До чего жалка, пуста и безмозгла горьковская барабанная дробь во славу человека! С этической точки зрения нет ничего недостойнее в природе, чем ее “царь” (Нагибин:430).

Анализ в исповедальной мемуарной прозе семантических полей как лингвистического аналога концептов и сравнение их состава с вариантом, представленным по данным словарей, позволяют уточнить естественно-языковые свойства концептов *правда*, *истина* и выявить специфику их функционирования в современном дискурсе.

По мнению В.А. Лукина, есть основания полагать, что антоним к перформативу (*говорить истину, правду*) также является перформативом (Лукин 1993). Это касается и предиката *лгать*, противоположного *говорить истину*, и предиката *молчать* — антонима к *говорить* (и к *говорить истину, правду*). *Молчать* – 1) не подтверждать правду-истину; 2) не желать лгать или говорить правду Ср.: *Молчали, соглашались...* (Эткинд 2001, 71; [Солженицын] *молчал* [= не соглашался. - Т.Р.]; <...> *а среднее поколение и молодежь... нет, и продолжать не хочется!* (Козаков: 212); *Он редко высказывает мнение о ситуации и людях...* [= молчит. -

Т.Р.] (Самойлов:213).

Функцию умолчания может в тексте выполнять многоточие. См:

*Итак, насколько я **понял** со слов Завадского, Вам стукнуло... А вот сколько и **не знаю**. Он не сказал. И тут уж я должен сказать - какое это имеет значение? Наша Раневская всегда молода! **Сердцем, душою...** [Из письма В. Некрасова Ф.Г. Раневской] (Щеглов:251).*

У Валентина Гафта, работавшего с Маргаритой Микаэлян в Театре сатиры, есть на нее две эпиграммы. Вот одна из них:

Бездарность у нее видна До самого глазного дна, Об этом знают окулисты, И режиссеры, и артисты...

Эпиграмма не из Валиных шедевров, хотя бы потому, что режиссерам и артистам вышеозначенное Марино качество куда виднее, но... (Козаков:125).

Утверждение о перформативности глаголов *молчать*, *лгать*, по мнению В.А. Лукина, может показаться небесспорным, поскольку перформативное употребление *молчать* и *лгать* должно порождать либо смысл «говорю: я сейчас не говорю», либо «говорю истину: я сейчас лгу», а это не что иное, как иллокутивное самоубийство (Вендлер 1985). И все же *лгать* и *молчать* могут быть употреблены перформативно: *не буду говорить о..., умолчим о том...*

Термины отношения истинности могут варьироваться. Грамматические способы выражения истинностной оценки (модальность) вуалируют эти различия, но лексика их выявляет. Предикаты истинностной и квазиистинностной оценок образуют в русском языке достаточно большую группу: *правильно, верно*; функцию подтверждения истинности могут выполнять также лексемы *убеждение, подтвердить*; обстоятельства *точно, правильно, верно* (*расчет художника, **точно** знающего; пишу **точно** по норме* (Нагибин: 490-491).

Глаголы мнения (*считать, полагать, находить, думать*) представляют оценку истинной относительно концептуальной картины мира субъекта оценки, которая может совпадать с реальным миром, иными словами, если оценочное мнение верифицируется путем обращения к мыслям, чувствам, намерениям оценивающего субъекта как искреннее, то оно обладает субъективной (психологической) истинностью.

При употреблении глаголов *считать / полагать / думать* в прошедшем времени, при ретроспективной точке отсчета, в высказываниях возникает импликатура неистинности оценки в момент говорения, т.е. в настоящий момент. См.:

Я иногда записываю в нее [тетрадь] какие-то факты и мысли, события и размышления о них; разве я всю жизнь не считала, что все мое <...> существование состоит в том, чтобы жить и думать о жизни? Жизнь и смысл жизни. Но теперь я вижу, что смысл ее – в ней самой и во мне – живой, еще живой. А другого смысла нет. И цели нет, и потому-то средства и не оправдываются целью, что цели нет. Цели нет. (Берберова 1999: 437).

Пару лет назад меня пригласил для разговора редактор одного из московских издательств: - он предлагал мне написать книгу воспоминаний. «Мемуары нарасхват!» - подсказал он. Я знала об этом, более того, по возвращении из Америки приятель-фотограф Саша Самойлов уговаривал: «Напиши книгу – это самое ценное, что сегодня ты можешь сделать». Мысль о книге мне понравилась, но не хватало какого-то толчка, повода. Почему сейчас – думала я. – Может, рано? Ведь воспоминания ассоциируются с подведением итогов. Буду стоять на одной полке со всем театром киноактера, Союзом кинематографистов, не говоря уже о Союзе писателей: все хором, вдруг, что-то вспомнили...». Но на встречу с редактором пошла. Он сказал: «Нам нужно что-нибудь поскандальнее, Елена Алексеевна! Понимаете, все пишут, как ходили в

школу, в институт, женились, - если так продолжится дальше, то нашей серии придет конец». Я задумалась о его заказе и через паузу ответила: «Наверное, можно и скандальное». Он явно повеселел: «А что может быть скандального в вашей книге?» Я принялась мысленно перебирать самые «запретные» темы своей биографии. (Коренева 2003:7).

С соотношением субъективного и объективного в оценке связан вопрос об истинности оценочных высказываний, т.е. вопрос о том, можно ли вообще говорить об истинности / ложности оценки.

Развитие идей семантики «возможных миров» привело к представлению, что оценочные высказывания могут быть истинными или ложными в зависимости от их отношения к «возможным мирам» субъекта оценки. Такой подход представляется наиболее адекватным для лингвистического анализа, так как он привлекает внимание к ряду собственно языковых особенностей оценочных структур. Высказывание об оценке подразумевает, что соответствующее мнение входит в «возможный мир» субъекта и может не совпадать с мнением других субъектов в их «возможных мирах». Отсюда вытекает обоснованность споров об оценках.

В теории речевых актов высказывания типа оценочных рассматриваются с точки зрения **не истинности, а искренности говорящего** (см.: Гордон, Лакофф 1985). Очевидно, что «искренность» можно соотнести с истинностью в концептуальном мире говорящего и соответствием высказывания этому миру.

В связи с этим укажем на «градацию правды», приведенную в коллективной монографии «Человеческий фактор в языке...» [1992:23-29]. Выделяется «правда откровенности», «правда открытости», «правда доверия», «правда по секрету», «правда искренности», «правда исповеди», «правда для себя», «правда в интересах другого». Используем данные указанного источника для анализа особенностей мемуарно-исповедальной прозы.

«Правда откровенности» и «правда открытости» — это преимущественно правда о себе, сообщаемая добровольно. Когда правда о себе становится глобальной, говорят о «правде исповеди». Это, разумеется, имеет прямое отношение к специфике исследуемого жанра. Нормативно исповедь включает сообщение об отрицательных поступках и мыслях говорящего — его грехах, и она обращена к духовному лицу, наделенному правом их отпущения. Исповедь есть акт раскаяния, а чтобы раскаяться, нужно прежде всего дать названия грехам. См.:

*Подумать только, что получается! Стал вспоминать о себе, писать книгу о человеке во времени, а получились наброски, зарисовки русских и иных интеллигентов на переломе, с кем встретился на пути — череда случайных фигур. Череда моих мыслей, поступков следует за ними. Их не поменять! Порой жгучий **стыд** заливает лицо.*

Господи, прости меня!

*Сколько **прегрешений**, совершенных и несовершенных было за мою жизнь, тут и **гордыня**, и **гонор**, и **кощунство**, и **грех уныния**, **глупость**, и **запутанность в мелочовке** — столько **грязных страниц**, **ошибок**, столько **ужасов**... Такая **темнота поперла!** Но — все-таки прожитая **болевая**, **нескладная жизнь** кажется **счастливой**, она **моя**, **какая ни есть**. И не надо мне иной <...> **Простите меня те, кого я обидел в этой книге! Кого жизнью обидел, простите!** (Вознесенский: 473, 475).*

Но в миру - это духовная автобиография, предполагающая правдивость и искренность и имеющая своей целью очищение через слово, обращенное к людям. На этой основе сформировался и литературный жанр исповедей.

Условия, которым должна удовлетворять исповедальная проза, определил В. Войнович:

*Я надеюсь, что в числе ее [книги. — Т.Р.] достоинств будут **предельные искренность, откровенность и непредвзятость** в описании*

отдельных событий и личностей. Но при этом она есть не проповедь и не исповедь, а в какой-то степени самопознание, попытка объяснить себе себя и себя другим, и других себе. В ней я собираюсь выйти на люди со всеми своими воспоминаниями, наблюдениями, переживаниями, замыслами, идеями, сюжетами, соображениями по поводу и без повода, фразами, пришедшими на ум просто так (Войнович:8).

В сообщении исповедальной правды заинтересован не адресат, а сам говорящий. Именно говорящему важно, чтобы его выслушали, о нем знали, его поняли, простили. «Правда исповеди» не должна вызывать у исповедника (адресата) любопытства. В этом смысле анализируемая нами современная мемуарно-исповедальная проза являет собой пример нарушения канонических законов жанра. Говорящий часто от исповеди переходит к проповеди и содержанием своих мемуаров часто провоцирует «нездоровое любопытство» адресата. «Правда исповеди» заменяется лукавством самопрезентации в «выгодном» для говорящего «свете».

Итак, «говорение правды» имеет прагматически обусловленные варианты. Могут быть выделены: правда в глаза и за глаза, правда с глазу на глаз (доверия, по секрету), правда откровенности и правда открытости, правда искренности, правда признания и правда исповеди. Они имеют частные варианты, но все соотносятся с модусом говорения: говорить прямо (в глаза), говорить за глаза, говорить откровенно, открыто, искренне, доверительно, неліцеприятно, по секрету и т.д. Это - «правда в интересах говорящего». Она высказывается человеком добровольно — по чувству долга, по склонности к дидактике или ради нравственного очищения. Есть ситуации «правды для другого»: прагматические условия употребления выражений *знать правду* и *говорить правду* различны. Ср.:

И вообще генерал был хорош. Он рассказывал разные истории и каждую непременно заканчивал, независимо от того, слушают его или нет. Выяснилось, что он участник гражданской войны, затем был где-то

начальником милиции, потом снова воевал на всех войнах. Он рассказывал о панике в конском табуне и о том, как на него напали волки, о сибирском гнусе и как с ним бороться. Он принадлежал к той раздражающей породе людей, которые досконально знают то, о чем говорят. Я же всегда говорю на риск, не уверенный ни в едином слове, потому что все знаю понаслышке, и то нетвердо. С некоторой достоверностью я мог бы говорить лишь о своей душевной жизни, но об этом не говорят (Нагибин:120).

Февраль-март 1956 года. Морозы в феврале до тридцати пяти градусов. Я живу на улице Обуха, в очередной снимаемой комнате. Вокруг чужие вещи: легкомысленные шатающиеся столики, за которыми трудно писать, расстроенное пианино, пыльные ковры, на стенах фотографии в затейливых рамках и расписные с золотыми ободками тарелки. И все же я довольна. Тихо, толстые стены старого дома, соседей не слышно, можно работать. Хотелось, чтобы друзья за меня радовались, и я была очень огорчена словами своей в те годы близкой приятельницы... Оглядев тарелки и рамки, она воскликнула: «Как вы можете тут жить? Я бы не могла!» А Анна Андреевна, войдя, сказала: «Здесь божественно тепло!» Бессмысленных слов (ведь я ничего не могла изменить!) она не говорила никогда. Тем паче слов, которые способны задеть или встревожить собеседника. Английская поговорка: «Воспитанный человек никогда не бывает груб без намерения» - подходила ей как ни к кому другому. Так называемых “неосторожных слов” у нее не вырывалось. Она твердо знала, что она говорит и зачем (Ильина:185).

Имеется в виду тактика сокрытия истины. С этой целью могут использоваться утверждения со словами *не помню*, которые равнозначны утверждениям о несуществовании описываемого положения дел (по крайней мере, в сфере личного опыта говорящего). О возможности существования этого положения дел за пределами его опыта субъект

ничего не сообщает. Именно поэтому подобные высказывания могут использоваться для сокрытия истины. Ср.: *по официальной статистике...* (Нагибин:452), *делать вид* (Нагибин:94). См.:

*Вчера за мной заехал Андрон, и мы отправились на дачу. Он предупредил Аллу, что ничего, кроме гречневой каши, есть не будет, поскольку **обожрался** на отцовском банкете. Алла учла это и приготовила громадное блюдо рябчиков с жареной картошкой, кроме того, были овощи, обжаренная в сухарях капуста, мороженое и кофе. Да, и гречневая каша, к которой Андрон не притронулся. Он налег на рябчиков и сожрал не меньше восьми штук, в той же раблезианской манере разделался с овощами, капустой, мороженым, кофе, хорошо пил коньяк, но наотрез отказался от сушеной дыни, прочтя нам целую лекцию о несовместимости дыни с другими харчами. **В обаянии ему не откажешь.** И он, конечно, умен, довольно культурен, разогрет неустанной заинтересованностью в происходящем. **Если б он не был Михалковым, я решил бы, что он не бытовой человек. Но** поскольку он Михалков до мозга костей, **этого быть не может, просто сейчас он глубоко запрятал бытовую алчность. Надо решать иные задачи.***

*Мы играли в диалоги, и он меня переговорил. Он **неизмеримо лучше информирован**, а в том, что лопочу я, много интеллигентского идеализма, что он мгновенно усек. Но было интересно, **как в театре на умной и хорошо исполняемой пьесе** (Нагибин:515-516). [Тактики развенчания неискренности: обнаружение несоответствия заявлений и поступков; присоединение - попутное замечание как оценка; создание ключевой метафоры в семантике текста (*театр, пьеса* = игра), сопоставление].*

Виды «говорения правды» характеризуют речеповеденческие привычки говорящего, ср.: *прямой, откровенный, открытый, искренний, доверчивый человек.* Таковы же и противоположные характеристики:

непрямой, неоткровенный, скрытный, лицемерный, неискренний человек. Очевидно, что скрытный человек скрывает от других правду о себе, но не ложь. См. выделенные средства - экспликаторы неискренности в следующем тексте.

Мир наполнен браком. Сплошь бракованное искусство, бракованная литература, бракованные зрелища, бракованная политика, бракованные распоряжения власть имущих, их действия, их уход. Все фальшивь, бред, грязь, ни в чем ни тени правды, но все сговорились считать грубые подделки подлинниками. Я смотрел по телевизору похоронную церемонию. [Похороны Брежнева – Т.Р.]. И церковь, и Бога запутали в свои сатанинские игры. Господи, как же Ты допускаешь это? И никому не стыдно. Все хладнокровно делают свой бизнес: преемники, осиротевшая семья, приближенные, родня. Финал истории счастливица доконал меня. Нет возмездия, нет отмщения... (Нагибин:476).

Все названные речеповеденческие акты имплицитно предполагают истинность сообщаемой информации, а выведенные из них определения человека характеризуют его по отношению к правде совершаемых им речевых действий. Само понятие открывания, давшее серию такого рода характеристик (*открытый, скрытный, откровенный*) ассоциируется с истиной: истину *скрывают и открывают*.

Содержание же речевых актов под влиянием прагматических условий сдвигается в сторону мнений, оценок, взглядов и психологии говорящих: *открывают* не только истину, но и душу (*сердце*).

Правда, содержащаяся в речеповеденческих актах, все дальше отходит от верифицируемой истины и все более явно распределяется по «владельцам», истина превращается в личную правду. Правда - это не только истина человека, но и истина о человеке.

Укажем на одно наблюдение, сделанное Н.Д. Арутюновой. «Истинность поляризована. Она не знает градаций. Суждение может быть либо истинным, либо ложным: да-да, нет-нет.

Наличие МО, корректирующих истинностное значение, нисколько не противоречит его поляризованности: операторов полуправды в языке нет, но семантический оператор (СО) половинчатости существует, и с его помощью можно создать номинацию соответствующего явления: *полуправда, полуложь*<...>

Языки располагают множеством СО. В их число входят элементы, принадлежащие разным уровням языка: префиксы (*квази-, полу-, супер-, суб-, недо-, пере-* и др.), выражения типа *в полном (лучшем, строгом, собственном) смысле слова*, прилагательные *настоящий, подлинный, суший, чистый* и др., интенсификаторы и градуирующие слова, знаки приближенности, разные виды сравнений и многие другие способы адаптации слова к десигнату, протекающие в рамках предиката» (Арутюнова:830-833). См: *окруженная президентами полупрезидентами* (Рихтер:499); *полутуман, полуоблака* (Тарковский:157).

«Размытые концепты притягивают к себе семантические операторы, а фактивные - модальные. Если концепт уже распатан, то СО его стабилизирует» [Арутюнова 1999:833] Такова функция СО типа *подлинный, истинный, настоящий, натуральный* и др. См.:

*Утром у гостиницы «Жемчужина» мы садимся в машину, проезжаем Адлер, ныряем в туннель — Господи, сколько людей хорошо представляют себе эту дорогу! - и оказываемся на границе Абхазии. Еще два года назад вы бы ее не заметили. А сейчас здесь — контрольно-пропускной пункт, таможня, солдаты с автоматами. Микаэла Леоновича и Андрея узнают пограничники и с той и с другой стороны, мы пересекаем границу без сложностей. Но все это кажется **невзаврадашним, ненастоящим,***

какой-то игрой в «черное-белое не называйте». Только Абхазия настоящая (Таривердиева:288).

В лингвистической теории прототипов (Coleman, Kay 1981) выделяется три вида лжи. Белая ложь, цель которой - «выгораживание третьего лица» (см. Козаков, 80-81), встречается в исповеди крайне редко, чаще встречается стратегия «выгораживания себя», см. (Эткинд, 436-437):

И вот кому-то в голову пришла прекрасная мысль закрыть спектакль чужими руками. Для этой цели пригласили из Ленинграда Георгия Александровича Товстоногова, «Гого Товстоногова», уже поставившего с огромным официальным успехом в Александринке «Оптимистическую трагедию» В.С. Вишневого и возвратившего к жизни БДТ, «либерала», пользовавшегося симпатией интеллектуалов и притом уважаемого большим начальством. Лучшей кандидатуры для хирургической операции над спектаклем про и без того «обрезанных» не придумаешь!

Товстоногов приехал на знаменитую генеральную репетицию, описанную со всеми подробностями в книжке Галича, которая так и называется «Генеральная репетиция». Она проходила в доме культуры «Правды». В зале присутствовали представители министерства культуры, партийное начальство из горкома и Г.А. Товстоногов. Из своих, кроме Галича и Ефремова, никого. Не были допущены даже актеры «Современника», не занятые в спектакле, не говоря уже о родственниках и знакомых. «Матросская тишина» была закрыта окончательно и бесповоротно, решение обжалованию не подлежало.

Формулировку придумал, разумеется, Товстоногов: «Пьеса неплохая. Но молодые актеры «Современника» художественно несостоятельны для решения такой сложной проблемы». Что и требовалось доказать! Как тут спорить двадцатилетним ребятам, вчерашним студентам, с признанным мэтром, крупнейшим режиссером, пользовавшимся всеобщим уважением?..

Годы спустя я напомнил Д.М. Шварц, многолетнему завлиту БДТ у Товстоногова, про историю с «Матросской тишиной», чем буквально ее **взбесил**:

- Этого не было! Этого не могло быть! Клевета!

Было и это, и многое другое, **что хотелось забыть**. Но ведь сказано: **«И нет ничего тайного, что бы не стало явным»** (Козаков:80-81).

<... > «Миша [Дудин], прежде чем мы будем так уж любить друг друга, давай все же выясним, что было пятнадцать лет назад». - «Пятнадцать лет назад? - переспросил он **с напряженной естественностью**. - А что было?»

Я взглянул на его мятое лицо моложавого старика, мне стало его чуть жалко, но я продолжал: «Ты не помнишь свое выступление на секретариате, когда меня исключали из Союза?» - **«Не помню, - сказал он и повторил: - Не помню. А что я тогда говорил?»**

Что это было - **мальчишески глупая ложь или искреннее забвение того, что очень хочется забыть?** Не знаю, до сих пор не знаю. «Миша, - сказал я, **смущаясь собственной прямооты**, - ты был храбрый солдат и благородный человек. Ты редко совершал **низкие поступки**. В тот раз, на секретариате, ты **сделал подлость**. **Может ли быть, что ты не помнишь?»** - **«Ей-богу, не помню»**, - сказал Дудин. И мне пришлось рассказать ему - **хотя очень уж не хотелось: не верилось, что он забыл** (Эткинд: 437).

Для современной исповеди как жанра характерна социальная ложь, целью которой, как правило, является «сохранение лица», преувеличение своих достоинств. Например:

Пьесу Погодина играла молодежь театра. В роли двадцатилетней «маленькой студентки» **притворялась Вера Марковна Орлова**, хорошая комедийная актриса, **претендовавшая на молодые роли**, поскольку

эпитет «вечно юная» прочно закрепился за ней, за Верочкой Орловой <...> (Козаков: 82).

Сложная и разнообразная прототипическая ложь (ложь с целью избежания конфликта, болезненной темы, сокрытия информации, манипуляции и т.д.) хотя и встречается в исповеди, но не является жанрово характерной [см. также: Матвеев 2001:302-311]. Результаты психологического эксперимента, проведенного В.В. Знаковым с носителями русского языка, показали, что женщины чаще лгут ради «спасения другого», реже - для достижения собственных целей, в то время как в группе мужчин соотношение составляет соответственно 46% и 50% [Знаков 1993, 1995]. Данные исповедальной прозы также опровергают стереотип о том, что женщины лгут чаще, чем мужчины, что женщины менее искренни (см. также Пироженко 2001).

Обобщим изложенное.

Логическую оценку нельзя категорично противопоставить эмоциональной оценке. Рассматривая их когнитивную структуру, исследователи приходят к выводу о тесной связи интеллектуальных и эмоциональных процессов человеческой деятельности.

Логическая операция сравнения лежит в основе семантики альтернативы (выбора). Тексты, в которых заключена идея выбора, не однородны по своей семантике: их специфика зависит от типа синтаксических структур, оформляющих семантику альтернативы, от их интонационного оформления, от семантики альтернативных союзов, их экспрессивных возможностей, от семантики лексем, выражающих идею выбора.

Сопоставление в тексте градационно ведет к противопоставлению, которое часто осложняется оттенком уступки: уступка семантически предполагает возмещение или более сильную степень – замещение. Анализ текстов-сопоставлений позволил выявить следующие композиционные типы:

- 1) ЭП₁ – тезис-основание;
 ЭП₂ – первый... распространение-детализация;
 ЭП₃ – второй... распространение-детализация;
 ЭП₄ – итог – предпочтение, вывод.
 Между ЭП₁-ЭП₂; ЭП₁-ЭП₃; ЭП₂-ЭП₃ – отношения подобия;
- 2) ЭП₁ - отношение, выделяющее предмет из рода подобных;
 отличие выявляется в сопоставлении с подобными предметами;
 ЭП₂ - вывод-обобщение, сопоставление;
 распространение-детализация;
- 3) ЭП – оценка (точка отсчета, образец для сопоставления);
 эмоционально-распространительные отношения;
 О₁ (объект₁) → ЭП вывод-сравнение;
 ЭП О₂ ... уточнение;
- 4) ЭП – вывод-результат развития противительно-уступительных отношений.

Структура текстов-противопоставлений подобна структуре текстов-сопоставлений по композиции, типу отношений между ЭП (антонимии, подобия, обобщения, вывода), по семантике ЭП (ЭП-характеристики).

Концепты *правда* и *истина* относятся к категории логико-этических концептов. Анализируемая нами современная исповедальная проза является примером нарушения канонических законов жанра. Говорящий часто от исповеди переходит к проповеди и содержанием своих мемуаров часто провоцирует «нездоровое любопытство» адресата. «Правда исповеди» заменяется лукавством самопрезентации в «выгодном» для говорящего «свете»: тактика «правды доверия» в жанре дневника; более тонкая тактика «правда (=ложь) по секрету», тактика самоуничтожения, доброжелательности, комплиментарности по отношению к адресату; тактика оправдания, раскаяния и др. Из видов лжи, выделяемых в лингвистической теории прототипов (Coleman, Kay 1981), для жанра

современной исповеди более характерна социальная ложь, целью которой, как правило, является «сохранение лица», преувеличение своих достоинств; сложная и разнообразная прототипическая ложь (ложь с целью избежания конфликта, болезненной темы, сокрытия информации, манипуляции и т.д.) хотя встречается в исповеди, но не является жанрово характерной; белая ложь, цель которой - «выгораживание третьего лица», встречается в исповеди крайне редко, чаще используется стратегия «выгораживания себя». Данные исповедальной прозы опровергают стереотип о том, что женщины лгут чаще, чем мужчины, что женщины менее искренни.

Семантика истинности связана с модальностью «кажимости», утверждения / отрицания, приблизительности, неопределенности, предположения, недостаточности основания.

6. Модальность волеизъявления и воздействия

6.1. Степень модализации как мера коммуникативности, или воздейственности, текста

Предметом рассмотрения в этой главе является такой нечетко определенный признак текста, как коммуникативность, или воздейственность. Именно эта характеристика демонстрирует размытость границ между относительными и нулевыми признаками текста: стороны, черты относительности, так как формально представлена в тексте, а с другой стороны, - черты нулевого признака зависит от восприятия читателя (о градации абсолютных, относительных и нулевых признаков текста (Бабайлова 1987:59). Если под коммуникативностью текста понимать степень его обращенности к читателю, то она опирается, в первую очередь, на такие функции языка, как волюнтивная, контактоустанавливающая и эмотивная. Посредством коммуникативности и информативности достигается воздейственность текста. Воздейственность текста связана со степенью модализации, с коэффициентом модальности по И.Р. Гальперину (Гальперин 1981) . Степень, коэффициент воздейственности текста определяется типом модальной доминанты текста: интеллектуальной, эмоциональной, волевой, Большой мерой воздейственности обладают тексты с эмоциональной доминантой, доминантой волеизъявления и меньшей — с интеллектуальной.

К сфере текстов интеллектуального воздействия нами относятся тексты с модальными доминантами *утверждение / отрицание, неясность / уяснение, уверенность / убежденность, возможность, возражение / согласие, логическая оценка*. К сфере текстов эмоционального воздействия — с доминирующей эмоциональной, этической, эстетической оценкой;

волевого воздействия — с доминантой волеизъявления: *желательность* — *необходимость*

долженствование — *императивность*, *волеизъявление нормы* (*разрешено запрещено*), *просьба* и т.д.

Сопоставим тексты одного автора, реализующие различный тип коммуникативности, обладающие различным коэффициентом модальности.

1. *Родина — это мы сами. Наши первые игрушки. Перешитые курточки старших братьев. Бутерброды, завернутые в газету. Девочки в строго коричневых юбках. Мелочь из отцовского кармана. Экзамены, шпаргалки.. Нелепые, ужасающие стихи... Мысли о самоубийстве... Стакан «Агдама» в подворотне... Армейская махорка... Дочка, варезки, рейтузы, подвернувшийся задник крошечного ботинка... Косо перечеркнутые строки... Рукописи, милиция, ОВИР... Все, что с нами было, — Родина. И все, что было, - остается навсегда...* (Довлатов:245).

Модальная доминанта — утверждение. Способ реализации — структурно схема (N1 — это N1) (ИК-1); однородные парцеллированные именные сказуемые (или неполные конструкции), распространенные согласованными и несогласованными определениями; кольцевая композиция (синтаксический структурный и лексический колюр). *Родина — это мы сами... Все, что с нами было, - родина. Мы — Все, что с нами было* — отношения гипонимии на основании смежности (метонимическое расширение образа), отношения вывода-обобщения. Отношения гипонимии (полнота понятия *мы* рематическая доминанта первой фразы) определяет радиус малого колюра¹. Кольцевая композиция фиксирует

---

¹ Колюр относится к числу субкатегорий текста (подчиненных, общих, внешних, не дифференцированных на уровне языка и речи). Колюр — субкатегория сюжетопостроения, предназначенная для повторного соединения фрагментов развития событийности, скрепления единого хода движения повествования, обрамления частей текста с относительной законченностью смысла. Таким образом, колюр — субкатегория и членения и объединения содержания. Функция колюра заключается также в "воспоминаниях" текста, хранящего и воспроизводящего повторно

(завершает) радиус действия модальной доминанты. Однородный ряд — открытый, поэтому радиус действия (правый контекст — усиление семантики) нежесткий (нефиксированный) — может увеличиваться и уменьшаться.

Коэффициент модальности (мера воздейственности, оценочности) минимален. Это объясняется имплицитностью выражаемого отношения и интонационно-семантическим рисунком текста (ИК-1)). Схема развития модальной семантики:

вектор колюра²   последнее предложение

2. Солнце вставало неохотно. Оно задевало фабричные трубы. Бросалось под колеса машин на холодный асфальт. Блуждало в зарослях телевизионных антенн.

В грязном маленьком сквере проснулись одновременно Чиквандзе и Шаповалов.

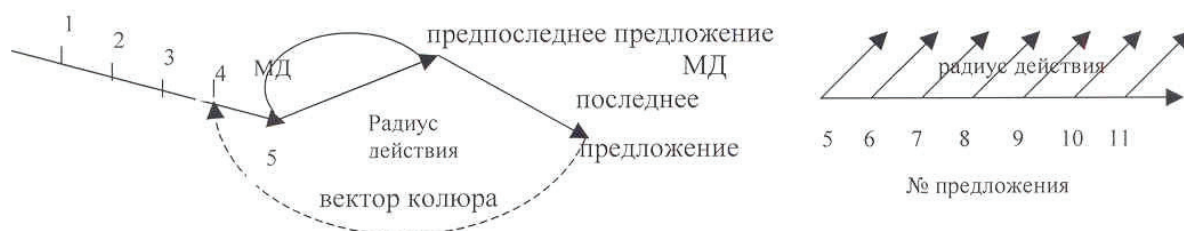
Ах, как славно попито было вчера! Как громко спето! Какие делались попытки танца! Как динамичен был замах протезом! Как интенсивно пролагались маршруты дружбы и трассы взоров! Как был хорошо охваченный легким звоном примат материи над духом). И как они шатались ночью, поддерживая сильными боками дома, устои, фонари... И вот теперь проснулись на гряде щебня (Довлатов:157).

предшествующее содержание. По своей структуре колюр — сфера лексико-семантического повтора, охватывающего относительно целостные части текста — абзацы, главы и даже интродуктивно и эпилог произведения. О структуре колюра см. (Волков 1998, Диброва 1998).

² Вектор колюра – отрезок с определенным направлением и значением, исходящий из начального полюса колюра и направленный в конечный полюс (см. [Волков 1998]).

Модальная доминанта – эмосема (*Ах, как славно...!* – оценочное слово), выражена в этапном (ЭП), ключевом, коммуникативно-сильном предложении текста, находящемся в интерпозиции в микротексте (кульминационная точка, семантически сильный центр). Двунаправленный радиус действия семантики модальной доминанты, распространена левым и правым контекстом. Динамика нарастает с середины к концу; внутренний, неполный коллор. Развитие семантики текста можно представить так:

Средства выражения модального значения (средства воздействия): восклицательные частицы (*как, какие*), междометия (*Ах!*), интонация (ИК-5), параллельное градационное построение конструкций, неполнота предложений, лексика с оценочной положительной семой — положительная эмосема (*славно, громко, динамичен, интенсивно, хорош*) противопоставлена в обрамлении лексике с отрицательной эмосемой (*неохотно, бросалось, холодный, блуждало, грязный, шатались, груды щебня*), метафорические сочетания (*заросли антенн замах протезом, трассы взоров, маршруты дружбы, охваченный лезгинкой, поддерживая боками устои*). Высокий коэффициент воздействия обусловлен эксплицитностью средств выражения, неравномерностью (немонотонностью интонационно-семантического рисунка текста (см. схему).

3. *Тринадцать лет назад я взялся за перо. Написал роман, семь повестей четыреста коротких вещей. (На ощупь — побольше, чем*

Гоголь!) Я убежден, что мы с Гоголем обладаем равными правами (обязанности разные). Как минимум, одним неотъемлемым правом. Правом обнародовать написанное. То есть правом бессмертия или неудачи.

За что же моя рядовая, честная, единственная склонность подавляется бесчисленными органами, лицами, институтами великого государства?!

Я должен это понять.

Не буду утруждать себя композицией. Сумбурно, длинно и невнятно попытаюсь изложить свою «творческую» биографию. Это будут приключения моих рукописей. Портреты знакомых. Документы...

Как же назвать мне все это — «Досье»? «Записки одного; литератора»? «Сочинение на вольную тему»?

Разве это важно? Книга-то невидимая...

За окном — ленинградские крыши, антенны, бледное небо. Катя готовит уроки. Фокстерьер Глафира, похожая на березовую чурочку, сидит у ее ног думает обо мне.

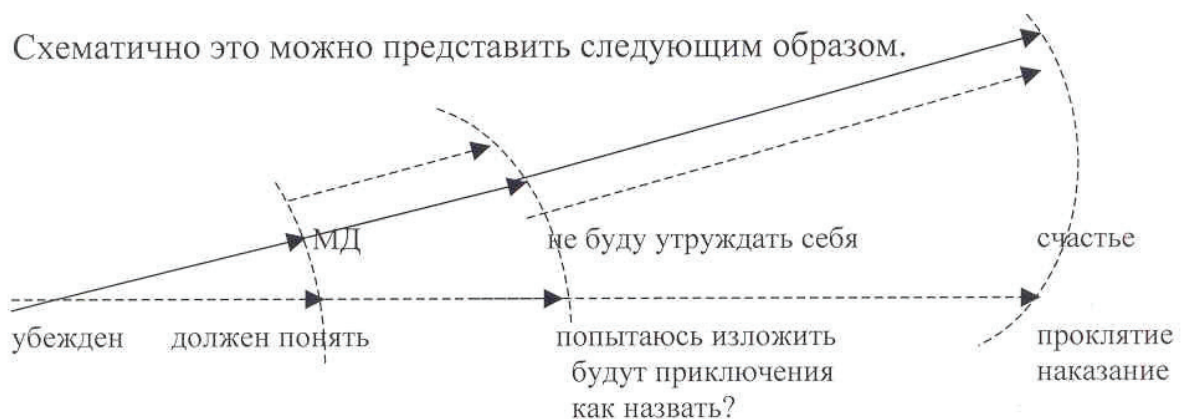
А передо мной лист бумаги. И я пересекаю эту белую заснеженную равнину — один.

Лист бумаги — счастье и проклятие! Лист бумаги — наказание мое (Довлатов: 8).

Модальная доминанта — семантика долженствования, выражена предикатом, кратким прилагательным. Интерпозиционное положение определяется левым и правым семантическим контекстом: интеллектуальная модальность, модус убежденности (я убежден) через противительно-уступительные отношения в первом абзаце обуславливает появление в тексте семантики волеизъявления, долженствования (я должен понять). И та и другая семантика апеллирует к действию в будущем времени (не буду, попытаюсь изложить, будут, как назвать).

Схема действия модального значения текста; напоминает схему распространения сигнала с ближним и дальним радиусов действия: 1-я линия — ближайший радиус действия — левый контекст (причина— следствие), в семантическом ключе (модальной доминанте) сигнал усиливается и распространяется правым контекстом в ближайшем радиусе действия значением второго следствия (причина ► следствие) ► (причина) следствие. Схема напоминает схему «знак знака» (или символ). Один знак в свернутом виде содержит другой: любая причина является следствием, любой волевой акт имеет причину и следствие. Значение предиката *должен* когнитивно и прагматически подразумевает значение причинной обусловленности и следствия (результата, вывода, намерения).

Наконец, сигнал отражается правым контекстом в зоне дальнейшего радиуса факультативной для данного текста семантики эмоциональной оценки

Коэффициент модальности, степень коммуникативности выше, чем в предшествующих двух типах текста, так как семантика долженствования апеллирует к действию, субъектом которого в данном конкретном случае является сам автор.

А.Э. Бабайлова выделяет два проявления коммуникативности: внутреннее присущее любому тексту, ибо его автор учитывает возможные особенности коммуникативной ситуации, в частности, потенциального

адресата; (особенности его как представителя определенного социума, его возможные типологические психологические характеристики), внешнее — вербальную, а в ряде случаев и структурно-графическую выраженность авторской обращенности к читателю (арсенал средств такой апелляции к мыслям, чувствам, воле, памяти, воображению реципиента очень велик) в целях заставить его понять логику развития авторских мыслей, соразмышлять, сопереживать и совершить вербальный или невербальный поступок в ситуациях инструктируемого выхода в затекст, например, при чтении текста инструкции (Бабайлова 1987: 60-61) .

Примером внутренней («*Конечно...*») и внешней коммуникативности («*Хотелось тогда спросить...*») являются следующие тексты А. Розенбаума.

Конечно, я сегодня увереннее. Но не самовлюбленнее и не самонадеяннее.

Я стал старше и не отказываю себе в удовольствии уметь с годами и уметь признавать свои ошибки.

*Я себе нравлюсь и не нравлюсь и тогдашним, и сегодняшним, и завтрашним. Непримируемость мне в себе **нравится**. В себе больше всего **ценю** целеустремленность, независтливость, ожесточенность в достижении цели, в отстаивании своей позиции, которую я никогда не продам и не отдам.*

*В других людях **ценю** в первую очередь профессионализм, особенно в мужчине. Когда человек профессионален — он состоявшийся человек. А когда он состоявшийся, он не завистлив, не зол: ему некогда завидовать, ему надо делом заниматься (Розенбаум:17).*

Хотелось тогда спросить у Аникушина: «Вы же подарили людям памятник Пушкину — это же творение ваших рук! Но что же с этими скульптурами сделали? Зодчие, бедняги, мечут железобетонную икру». Никто не имел права посягать на Невский проспект. И чем? Стелой,

которых немало стоит в любом городе. Память о войне священна, но достойна ли нашей боли и нашей памяти эта стела? Если бы я стал мэром, то всего лишь для одного деяния — хочу убрать стелу Восстания. Чего стоит на сегодняшние деньги снять ее? Я бы сказал горожанам: «Мы хотим вернуть скверик? Тогда товарищи, господа, дамы, давайте уберем стелу. Пришлите по десять рублей (проверить можете по моему личному телефону) — это уже 50 миллионов. Я лично 500 тысяч сразу бы «отстегнул» на это святое дело. А эту стелу можно перенести в другое место, если уж она представляет архитектурную ценность как памятник погибшим. У нас в городе есть немало площадей в районах новостроек». И все уберут в неделю. Уверен, что миллиона два петербуржцев сразу ответят деньгами. Не надо будет и трех остальных; миллионов, которым вообще на все наплевать (Розенбаум:53).

Понятие «коммуникативность» перекликается с понятием «диалогичность» (Кожина 1982:161-162), ибо оба они отражают функциональное назначение человеческой речи. В области литературной коммуникации исследователей может волновать возможность гипертрофирования роли прагматического адресата, «пришедшего в теорию литературной коммуникации из лингвистики речевых актов, где он играет в некоторых случаях стратегическую роль» (Степанов 1984: 21-22). Потенциальность текстовых признаков, о которых шла речь выше, - это предположительная, с точки зрения продуцентов текста (автора, редактора: т.п.), степень воздействия соответствующих признаков на адресата, которая должна привести к совпадению системы смыслов автора текста и системы смыслов читателя. Степень соответствия авторских ожиданий реальная итогам, получаемым на результирующей стадии понимания текста, реципиентом, зависит и от того, насколько характеристики потенциального адресата совпадут с характеристиками конкретного

читателя, получателя текста, и от того, насколько планируемые автором признаки точно отражены в планах выражения и содержания сообщения.

Итак, на основании модальных языковых средств, употребленных в тексте, его можно отнести к определенному модальному виду. Модальность обуславливает и другие признаки текста.

Тип модальной доминанты определяет степень ответственности текста. Большой мерой ответственности обладают тексты с волевой доминантой эмоциональной, меньшей — с интеллектуальной.

6.2. Текст — волеизъявление и текст — воздействие

Семантика волеизъявления и семантика воздействия сильно интенциональны. Сильная интенциональность рассматриваемой семантики связана с иллокутивной силой речевых актов, соотносимых с этой семантикой, с категориальной ситуацией функционирования данных значений и способом выражения (основной — повелительное наклонение глагола, которое сильно интенционально). Во всех употреблениях императива прослеживается наличие объединяющего субъективно-модального (эмоционально-экспрессивного) значения. Толкование любого значения императива требует привлечения понятия говорящего, его отношения к сообщаемому. Возможность выявления субъективно-модальной характеристики в разных значениях императива вне контекста употребления высказывания неодинакова. Основываясь на сказанном, мы разводим семантику волеизъявления и воздействия. Критериями разграничения служат цель, конечный результат указанных тактик, наличие субъекта - адресата.

Линию разграничения между тактикой волеизъявления и тактикой воздействия нужно искать, во-первых, в особенностях взаимодействия коммуникантов. Воздействие — это давление на адресата, насильственно

осуществляемая власть над адресатом. Для манипулятивной позиции характерно отношение к другому как к средству достижения своих целей, «редуцирование в другом качеств субъекта принятия решений» (Доценко 1997:53). При этом манипуляция может производиться и в интересах манипулируемого. Манипулятивными эти действия делает не то, что они противоречат интересам адресата, а то, что они противоречат его воле (Goodin 1980:17), причем в разной степени. Если, например, в ситуации **просьбы** (см. ниже (1)) адресат имеет право на отказ и может его мотивировать, то в случае **уговора** (см. (2) Ю. Нагибин:93-94) уговаривающий владеет инициативой и вводит все новые и новые аргументы, а в случае **приказа** мотивы отказа вообще неуместны. См. Козаков:52.

(1) *Викентий Викентьевич! Прочтите внимательно дальнейшее. Дайте совет...* М. Булгаков — В.В. Вересаеву. 26.VII. М. Булгаков, т.5. Письма.

(2) — ***Вступайте, старик, в партию!** Вы будете крепче чувствовать себя на ногах, чувствовать локоть товарищей У нас умная и горячая организация. Вот мы исключили Толю Сурова. Я ему говорю: подлец, ты, мать твою так, что же ты наделал? Выйди, покайся перед товарищами от всего сердца, а не читай по бумажке, подонок ты несчастный! Так хорошо, по-человечески ему сказал, а он вышел и стал по бумажке шпарить. Ну, мы его единогласно вышвырнули. **Вступайте, старик, не пожалеете!** А как хорошо было с Леней Коробовым, он на коленях ползал, просил не исключать. Я сказал: ты преступник, Леня, но пусть кто другой, не я, первым кинет в тебя камень. Он рыдал. Оставили, ограничились строгачом с последним предупреждением... **Вступайте, обязательно вступайте, старик!..** Вот скоро Мишу Бубеннова будем отдавать под суд. Знаете Мишу? Сибирячок, талант, но преступник. Скоро мы его исключим и под суд, настоящий, уголовный, туда ему и*

дорога. **Вступайте, старик, в партию.** Орест Мальцев- любопытный, право! Я не согласен был, когда на него накинлись за «Венгерские рассказы». Ну, поехал землячок за рубеж, подивился, как граф ест бифштекс, ну, и я бы на его месте подивился. Только надоело копаться в его половой жизни, все время заявления поступают... А нам — возись с его грязным бельем. **Вступайте, обязательно вступайте, старичок!..** (Нагибин, Визит к П. Нилину, 93-94).

А Охлопков уже **командовал.** «Пюпитры на сцену! Быстро, быстро!

- < ... > Коля, готовь к ним проводку, чтобы они горели!

- Николай Павлович, ну откуда я сейчас возьму проводку?.. - **Не спорь!** < ... > (Козаков:52).

Адресатом может быть и сам автор. «Убеждение — это всегда и само- убеждение», - считает Ч. Ларсен. См. Нагибин: 31,295-296.

Однажды было даже **запрещено** обращаться со словом «товарищ» к пассажирам в трамвае, к посетителям в учреждениях, к покупателям в магазинах, к прохожим (для мили пионеров). Ко всем **надо было обращаться** «гражданин»: все оказывались под подозрением – а вдруг назовешь «товарищем» «врага народа»? Кто сейчас помнит об этом приказе! (Лихачев: 409).

А что, если перестроить свою душевную жизнь по государственному образцу? Может быть, я вырвусь из вечного напряжения, из тисков ответственности, из душного зажима сроков, которые – чаще всего – я сам себе ставлю? Ничего не делать вовремя, надувать всех без разбора, избегать малейшего насилия над собой, не браться за то, что чревато хоть крошечными трудностями, не читать чужих рукописей, не помогать начинающим, не отвечать на письма, никому не давать займы, не исполнять просьб друзей, не выступать

перед читателями, не участвовать в общественной жизни, относиться с полнейшей безответственностью и равнодушием к любому делу, если оно не для себя, - вот он, мой кодекс!

Давно пора что-то сломать в себе, дабы совпасть со временем. Никаких сантиментов, никакой жалости и сострадания к окружающим. Стать железным. Иначе меня загонят, зальют раньшие естественного и уже недалекого срока (Нагибин: 295-296).

Мне последнее время не хочется писать. Может, и не стоит себя насиловать? Ведь мне – страшно подумать – заниматься этим всю жизнь (Там же: 31).

Императивная ситуация (ИС) трактуется А.В. Бондарко (Бондарко 1990:4-9) как типовая содержательная структура, основными элементами которой являются 1) субъект волеизъявления, 2) субъект — исполнитель, 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления. В предпосылки ИС входит объективная и субъективная, реальная или образная возможность или необходимость изменения данной ситуации в новую; наличие потенциального исполнителя; возможность для говорящего выступать в качестве С1 (субъекта) (обратиться к данному конкретному С2).

Если часть признаков сопряженности ИС и РС (речевой ситуации) утрачивается, что влечет за собой переход от центрального типа ИС к периферийным разновидностям (на «дальней периферии» признаки императивности вообще размываются). Воздействие трансформируется в волеизъявление. При неконкретности (временной нелокализации) императивного предиката (ср. примеры А.В. Бондарко: *Летайте самолетами Аэрофлота; Пользуйтесь услугами Госстраха; Храните деньги в сберкассе; Мойте руки перед едой*) на передний план выдвигается не собственно императивность, а оценочность: «хорошо летать самолетами

Аэрофлота», «целесообразно пользоваться услугами Госстраха» и т.п. На наш взгляд, здесь выражается и значение необходимости («необходимо»...). Вообще, семантика волеизъявления и воздействия полифонична: в ее рамках может, к примеру, взаимодействовать значение утверждения, сомнения, предположения, просьбы, желания и др.

Итак, прагматическое понятие побуждения, лежащее в основе любого директивного акта, предполагает наличие не только говорящего и адресата, но и перлокутивного эффекта, играющего в данном типе речевых актов (РА) особую роль. Это означает, что коммуникативной целью говорящего является изменение положения дел в мире с помощью адресата локуции. Безадресным и «бесцельным» побуждение быть не может, и именно здесь проходит граница, подчас очень тонкая, между волеизъявлением и воздействием.

Именно поэтому одни и те же средства выражения могут быть в тексте носителями как семантики волеизъявления, так и семантики воздействия. Например, предикат *должен* различается по модальности: категорический императив (узкое значение) *Я должен (обязан) был предупредить об опасности*; широкое значение (отношение к идеалу) *Я должен был бы (мне следовало бы) быть более благоразумным*; гипотетическая (рекомендательная) *Если вы хотите быть здоровым, вам следует рано вставать* (Арутюнова 1988:33). Данная семантика в зависимости от контекста может быть ближе то к волеизъявлению, то к воздействию. То, что выглядит волеизъявлением с точки зрения субъекта речи, с точки зрения адресата является воздействием.

Типы волеизъявления выделяли многие исследователи: Пешковский 1956, Мучник 1971, Откупщикова 1990 и т.д. К семантике волеизъявления мы относим декларативные модально окрашенные реакции: желательность, необходимость, долженствование, волеизъявление нормы (нормативно разрешено / запрещено), семантику

воздействия градуируем по шкале просьба— приказ, включая совет, предложение, мольбу, приглашение.

Кратко остановимся на способах выражения перечисленных значений. Каждое из названных значений инвариантно относительно некоторого набора средств выражения, иными словами, образует свое поле, центром которого является грамматическая категория повелительного наклонения, остальные средства расположены в приядерном «пространстве» и на периферии поля. Таким образом, семантика волеизъявления (волеизъявления и воздействия) может быть представлена некоторой структурой разнородных полей (семантического и лексико-грамматических).

По мнению Храковского, Володина (Храковский, Володин 1986), у императива только одно значение – прямое волеизъявление говорящего относительно исполнения называемого действия, а «частные» значения императива (приказ, просьба, совет, разрешение и т.п.) – всего лишь разные интерпретации императивного значения, которые отражают различные ситуации произнесения императивных высказываний (там же:5). В совместной монографии авторы определяют структуру плана содержания императивных форм (там же:17-18). Постоянные компоненты: 1) грамматическое императивное значение волеизъявления; 2) номинативное значение действия; 3) значение 1 л. ед.ч. говорящего. Это компоненты входят в план содержания любой императивной словоформы. Переменные компоненты: 1) грамматическое значение лица и числа исполнителей; 2) грамматическое значение числа слушающего. С нашей точки зрения, для разграничения семантики волеизъявления и воздействия, важны именно переменные компоненты.

Побудительное значение (значение воздействия) формы повелительного наклонения реализуется только при отнесении ее ко 2-му лицу. Сочетание основной формы повелительного наклонения с 3-м лицом

иногда служит для выражения **долженствования, пожелания** и т.д. (см. Виноградов 1947:593). Значения прямого, непосредственного побуждения здесь нет, но форма повелительного наклонения выражает тем не менее реальное волеизъявление говорящего, она, как и при непосредственном побуждении, направлена на выполнение действия. Ясно, что во всех подобных случаях современный язык предпочитает другие глагольные формы со словами «*должен*», «*пусть*», «*пускай*» и т.п. (Шмелев 1955:13). «... чаще с подобным значением выступают повелительные формы в устойчивых фразеологических контекстах или некоторые формы, обособившиеся именно в данном значении и обычно не служащие для выражения собственно побуждения (например, «*попадись*», «*провались*», «*пропади*», «*пропадай*» и под. (там же).

Особый оттенок «пожелания» передает сочетание повелительной формы с 1-м лицом. Здесь связь действия с субъектом обычно представляется зависящей от выполнения последним того или иного условия (см. Потенция 1958, т.4:177).

Анализ семантики прохибитива, проведенный Храковским и Володиным (Храковский, Володин 1986), показал, что прохибитивные формы выражают волеизъявление говорящего относительно невыполнения каузируемого действия. Иными словами, волеизъявление накладывается как на утверждение, так и на отрицание, а не отрицание накладывается на утверждение (индикатив) и волеизъявление (императив).

В статье Л.А. Бирюлина (Бирюлин 1990) предлагается семантико-прагматическая классификация отрицательных императивов НСВ. Для нас важны следующие значения: модальность желания Исполнителя развивать свою деятельность в том или ином направлении; модальность желания Прескриптора по отношению к деятельности Исполнителя. Автором приводятся условия прочтения отрицательных вариантов со значением предписания (совершать определенное действие) (*Не подходите, не*

подходите: вы с холода!. (Гончаров)); не-поддержки (желания Исполнителя развивать свою деятельность в том или ином направлении) (поддержка: *Положительно с тобою ни о чем нельзя разговаривать. — Ну и не разговаривай, пожалуйста!* (Вересаев); не-поддержка: *Я хочу продолжить свой рассказ. — Нет, не рассказывай!*); разрешения / не-разрешения (совершать определенное действие) (разрешение: *Можно мне прекратить чтение? — Да, не читай!*; не-разрешение: *Могу ли я продолжить чтение? — Нет, не читай!*) (там же:55-56).

В разных значениях императив как целостная грамматическая категория может выступать синонимично как индикативным, так и конъюнктивным предложениям. Индикатив может вторгаться в сферу императива, выражать побуждение (*В таком случае вы немедленно испечете пирожное лично для меня!* — приказ), условное наклонение — желательность (*Хоть бы он заболел!*), приказ (*Молчал бы себе да не высывался!*), просьбу (*Не могли бы вы мне помочь?*) и т.д. Примером сильно развитой омонимии могут служить не только синтетические формы повелительного наклонения, но и аналитическая форма с *пусть*, оптатив, информативные предложения как функциональные синонимы императива и др. Ср. синонимы:

Инф.: Молчать!

Условн. накл. (оптатив): Молчал бы уж!

Безличн.: Хорошо бы выпить чаю! Необходимо проветрить помещение.

Неопр.-личн.: Пусть+ сделают (3 л. мн.ч.).

Именные: Самовар! Ася, телефон! Независимость!

N₃ - N₄ Планете — чистое небо. (Шмелева 1990:120-137).

Междомет.: Цыц!

Слова с модальным значением: *хотеть, готов, надо, должен, необходимо* — наиболее адекватно отражают модальную семантику.

Включение данных средств в категорию субъективной модальности требует особого комментария, т.к. в грамматике этот вопрос решается по-разному. См. Падучева 1996; Балли 1955; Грамматика 1980.

С нашей точки зрения, в исповедальной прозе данные слова выражают волю говорящего, поэтому относятся к средствам субъективной модальности. Надо сказать, что категория авторской модальности, с одной стороны, уже содержания категории субъективная модальность (является ее частью, субъектов может быть много, здесь — только автор), с другой стороны — шире средства выражения: включает всю идиосферу писателя. Мы разделяем и следующее мнение Е.В. Падучевой: «Что же касается наклонения, то его исключение из сферы субъективной модальности в Грамматике 1980, представляется необоснованным. Так, во фразе *Было бы сейчас лето!* выражается идея желания, субъект желания — говорящий, а местоимения 1-го лица во фразе нет, т.е. желательное наклонение обладает всеми признаками показателя субъективной модальности» (Падучева 1996:300).

Опять-таки, речь идет не обо всех средствах выражения коммуникативного намерения, а **только о неэксплицитных** — предложение *Я требую, чтобы ты немедленно оставил помещение*, где коммуникативное намерение говорящего выражено перформативным глаголом с подлежащим *Я*, не относится к сфере субъективной модальности — в отличие, например, от почти равнозначного *Пошел вон!* (Падучева 1996:901). Это кажется нам непродуктивным для нашего анализа. Н.Д. Арутюнова к типам волеизъявления относит обвинение, одобрение, угрозу, предостережение, оправдание (Арутюнова 1988). Все это мы относим к видам речевых актов, а не к модальной семантике.

Укажем также, что значение **долженствования** активизирует **концепт «долг»**, а значение **волеизъявления** активизирует **концепт «воля»**. Долженствование и волеизъявление как основные способы

репрезентации концептов «долг» и «воля» берут свое начало в идеальной картине мира. Модальные глаголы могут рассматриваться как способы репрезентации этих концептов. Если глагол реализует этот концепт, то он может считаться модальным (см. Николаев 2001:112-113).

6.2.1. Текст-волеизъявление

6.2.1.1. Текст с семантической доминантой желательности

Понятие «желание» является одним из концептов русского языкового сознания. Как человек не может существовать без желаний, так и желания не могут существовать вне человека и без него. Природа желаний в силу этого, во-первых, чрезвычайно сложна и индивидуальна и, во-вторых, всегда лично ориентирована, поэтому антропоцентрическая сущность этого явления не вызывает сомнений.

Так, с желания начинается всякий акт коммуникации, в основе которого лежит потребность говорящего передать какую-либо информацию адресату. Желание как импульс к любому высказыванию находится вне языковой системы, в сфере психологии личности, ее мыслительных процессов. В то же время такое желание обеспечивает взаимосвязь языковой и внеязыковой действительности. Выражение желания в качестве отдельного типа РА рассматривалось только J.d. Anwers и А.В. Коковой и в составе эмотивных РА называлось Л.А. Пиотровской, в составе экспрессивов Е.И. Беляевой.

В языковой системе понятие «желание» является базовым для категории желательности. Важно различать «желание» и «желательность», но не менее важно представить содержание концепта «желание» в целом как особого элемента мыслительной деятельности человека.

Как показывают исследования лингвистов (Алтабаева 2000, Пелих 1984, Зализняк 1984 и др.), концепт ‘желание’ имеет многоаспектную и многокомпонентную структуру, которая не исчерпывается словарными

дефинициями соответствующей лексемы. Помимо тщательного анализа синонимического поля лексемы «желание» (оно насчитывает несколько десятков синонимов разных типов) следует подвергнуть рассмотрению текстовые употребления лексики, репрезентирующей данный концепт.

Одной из существенных особенностей бытия концепта «желание» в нашем языковом сознании является возможность репрезентации его не только лексическими, но и грамматическими средствами (формами наклонений, словосочетаниями, некоторыми типами конструкций и др.). Основным индикатором оптативов является сослагательное наклонение, употребление в высказывании одной из следующих частиц: *бы, хоть бы, лишь бы, только бы, если бы, пусть бы, хорошо бы, вот бы, (по)скорей бы*. По наблюдениям исследователей, различий в выражении желания в прямых оптативных РА в НПР и прямой речи не наблюдается, если не считать обозначение говорящего — субъекта желания в НПР формой 3-го лица. В косвенных оптативных РА, выраженных посредством настоящего в значении будущего воображаемого действия, в НПР для обозначения говорящего используется или форма 2-го лица с обобщенно-личным значением, как и в прямой речи, или форма 3-го лица, не функционирующая в прямой речи.

В качестве средств выражения желания выделены: 1) будущее время глаголов, в лексическом значении которых отражена нежелательная [(или желательная. — *T.P.*)] для говорящего ситуация, с модальным значением уверенного предположения / возможности; 2) настоящее время в значении воображаемого будущего действия. Это индикаторы косвенных оптативных РА. Они эксплицируют условие пропозиционального содержания оптативов: предсказывают будущие ирреальные положения дел (Труфанова 2001:15).

Ср.: *И те немногие счастливицы, которые владели этими книгами, кто одной, кто двумя, те отдавали их не иначе как «на ночь», потому что*

иначе и невозможно было. Разве возможно иначе? Это ж никому никакого удовольствия не будет (Ильин:195).

*В этом смысле русской литературе повезло больше, чем русскому «изо». И дело не в количестве признанных мировых гениев; **еще неизвестно, кто кого переборет**: Толстой с Достоевским и, скажем, Чехов с Набоковым — Кандинского, Шагала, Малевича и Кабакова — или наоборот* (Файбисович:240).

Выпив по стаканчику джина за каждый из обоих экваторов, я, довольный, прохаживался по капитанскому мостику и придумывал себе старость.

*Вот сойду я, думал я, в последний раз на берег и первым делом **закажу** себе письменный стол, подобный тому, что я видел и трогал осенью девяносто первого года в одной из антикварных лавок Гавра. То был дубовый комодоподобный конторский стол времен Луи Филиппа, со множеством ящичков, ящичков, потайных пеналов и пенальчиков внутри пеналов, с округло стесанными углами столешницы, просторной и темной, как таллинская гавань в дождливую погоду, с виду простой, по существу надежный стол неопределенной или, вернее всего, никакой стилевой принадлежности; довольно высокий для того, чтобы мне не пришлось сгибать перед ним свою старую спину, и достаточно низкий, чтобы мне не нужно было подкладывать подушки под свою старую задницу.*

*Я уступил помощнику место на мостике, спустился на палубу и, взволнованный, вытер с лысины пот. Допустим, **стол у меня есть**, и теперь я его **устанавливаю**, Чтобы взгляд не бодал обои — подальше от стены, посередине комнаты. Чтобы свет из окна падал слева — левым боком к окну, но не совсем под прямым, нет, скорее, под умеренно острым углом, так, чтобы легчайшего, даже невольного поворота головы к окну хватило на то, чтобы за окном увидеть море* (Дмитриев:34).

См. наст. вр. в значении обобщенного: *всегда, вообще*, формы повелительного наклонения глаголов со значением нежелательности чего-либо (ниже Нагибин:36).

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие способы выражения желательности в анализируемом нами материале.

1. Оптатив (инфинитив + бы; безадресность); условное наклонение¹.

...И хорошо бы художника с подобным же пространственным, режиссерским и архитектурным талантом, каким располагает Олег Шейнцис. Чтобы раздвигал несущие стены, менял этажные перекрытия и закладывал такие сметы расходов, что повергали бы в ужас всех театральных директоров, кроме Марка Варшавера (Захаров:257-258). (хорошо бы иметь — неполное предложение).

2. Безличная конструкция (+ модальный глагол). *Хотелось бы ему...* (А. Герцен).

3. Императив; пусть+ гл. буд. вр. 3 л. мн.ч.

В. Астафьев. Свеча над Енисеем².

Структурно тексты с доминантой *желательности* часто строятся на противопоставлении *желательного / нежелательного (напротив, хотелось / не хотелось)*. Желания локализуются либо в теле, либо в душе. В теле локализуются первичные, простейшие желания, связанные с

---

¹ Перед «Сикстинской мадонной», по выражению Герцена, «человек останавливается с благоговением, со слезою, тронутый до глубины души, очищенный тем, что видел...».

Я пишу тебе об этом, сынок, **чтобы** ты, когда возьмешь в руки альбом, который мы с тобой не раз рассматривали. **не листал** его с поспешностью европейских туристов. **и посмотрел бы** внимательно и вдумчиво. Искусство обладает редчайшим даром сосредоточить человека на его духовном мире, то есть на самом себе. Без этого невозможно жить (Леонов:139).

² **Все равно быть** осени, **быть** непогоде, **все равно зазимисься** и на сей раз за день облететь и погаснуть, но пока стоит, молчит тихая вещунья на голой скале.

Ниже ее в камне пещера таинственно шурится, под нею ключ шевелится, еще ниже Енисей под солнцем сиянием исходит, вроде бы и не шевелится, только дышит холодом, навевая предчувствие неминуемой осени.

Свечечка, родная, не зажигайся подольше, **не сгорай** дотла, **пусть** дни погожие и ясные дольше **постоят**, порадуют людей, их, кроме природы, уже некому и нечем радовать.

И останься за нами, **красуйся**, как и до нас красовалась на утесе. **Гори и не гасни** над Енисеем, над миром, в храме природы, негасимым желтым огоньком свеча вечности. (Астафьев. Свеча над Енисеем / Затеси, 170).

удовлетворением физиологических потребностей; ср. *хотеть есть* <пить, спать>. Считается, что они являются общими для человека и животных. См.: *Потом те, что не уместились в зале, а заполнили огромное помещение театра, услышали голос Гамлета — Высоцкого, его голос: «Что есть человек, когда желанья его — еда и сон. Животное, не более...»* (Козаков:228).

В душе локализуются окультуренные желания, связанные с удовлетворением духовных потребностей. Аналогом души иногда является сердце. См.:

<...> *В сущности, дружок, ничего нет проще живой тревоги отцовского сердца.*

Когда я один, вне дома, тоскуя, вспоминаю каждое твое слово и каждый вопрос, мне хочется бесконечно с тобой разговаривать, кажется, и жизни не хватит обо всем поговорить < ...> (Леонов:135).

Последние, составляющие безусловное большинство желаний, реализуются с помощью воли, деятельность которой корректируется совестью (см. об этом Апресян 1995; Франк 1991:331-332; Арутюнова 1976:97). Семантический примитив — «хотеть». См.:

Если бы передо мной стоял жесткий выбор, о ком писать — о преступниках или их жертвах, - конечно, я писал бы о жертвах. И сказал бы об этом так, чтобы преступникам стало страшно, чтобы даже им стало не по себе. Я спросил бы рецидивиста: «Представь, Вася, что это твою жену, твою любимую зверски изнасиловали. Хорошо бы тебе было после этого? Петя, у тебя есть добрая старенькая мама? Представь, что ее убили, - у такого же, как ты, поднялась на нее рука... Миша, у тебя есть ребенок— хорошенький мальчуган? Представь, что его увезли куда-то в неизвестном направлении...». Я очень хочу об этом написать... Все мы ходим под Богом, и может так случиться, что какой-то подонок

дотянется и до твоих близких... «Подумай, Вася, твои жертвы — они ведь тоже чьи-то близкие...» (Розенбаум:40-41).

Семантика существительных *желания* и *потребности* иногда различается. *Желание* — более высокое, следовательно, духовное понятие; *потребности* — более низкое, следовательно, материальное, бытовое. Ср.:<...> *И главное: все снялись в кино, удовлетворили свои кинематографические желания и материальные потребности...* (Козаков:176).

Итак, в первую очередь желания выражаются модальными глаголами (*хотеть, стремиться, подмывать, не терпеться, воздерживаться, вынуждать, искушать, соблазнять, предпочитать* и т.п.) (Апресян 1995:42). К функционально-грамматическому полю желательности следует отнести императив и оптатив.

И.Б. Шатуновский (Шатуновский 1996) отмечает, что НСВ общефактического типа не имеет в императиве широкого распространения, возможно, потому, что форма НСВ закреплена за выражением «синхронного» побуждения (там же:358). С нашей точки зрения, формы типа *Приезжайте к нам! Возвращайтесь скорее! Передавайте привет родным!* имеют значение желательности (сема 'желательности', 'просьбы', 'побуждения', 'приглашения').

«Экспликация семантической структуры категории волюнтативности, в результате которой в качестве важного составляющего выделяется предикат желания, позволяет обосновать интуитивно ясную лингвистам близость модальностей побудительности (волюнтативности) и желательности (оптативности) [желательное наклонение выделяли многие лингвисты, при этом не смешивая его с императивом (Шахматов 1941, Виноградов 1975, Грамматика 1980)] и в то же время сформулировать их отличие друг от друга. Оптатив имеет место в случаях: а) если субъект

конкретного предиката совпадает с субъектом предиката сообщения: *Я хочу идти домой* «я сообщаю, что хочу, чтобы я шел домой», ср. в случае побуждения: *Я хочу, чтобы ты шел домой* [Цепочка актантов в этом случае: «Я — тебе — я — я» (например, *Я сказал себе. «Не поддавайся, Петр, на уговоры!»*)]; б) если субъект конкретного предиката не адресат, как в случае побуждения, а третье лицо, например, *Я хочу, чтобы Петя хорошо учился; Пусть всегда будет солнце!* = «Я сообщаю тебе, что очень хочу...». Часто при этом желаемый предикат выражает не действие, а состояние» (Откупщикова 1990:11). В Грамматике 1980:110 подобные случаи характеризуются как волеизъявление, не адресованное ни к кому. Семантическое пространство оптативного предиката можно описать шкалой значений, выделенных по степени желания, что соответствует, как известно, другой лексике: *жаждать, желать, возжелеть* и т.п. Напомним, что желаемое может быть обозначено и формой сослагательного наклонения.

По мнению М.И. Откупщиковой, структурно-семантический подход позволяет интерпретировать периферию семантического поля категории волюнтативности — опосредованное побуждение [(желание. — Т.Р.)]. Языковая формула в этом случае имеет вид: «**Я** (автор текста) *сообщаю тебе* (адресату), *что я* (автор текста) *хочу, чтобы ты сообщил* третьему лицу, *что я хочу, чтобы он сделал то-то и то-то*».

Морфологическим способом выражения опосредованного побуждения в русском языке является аналитическая форма *пусть (пускай)* + буд.вр. глагола. Таким образом, фраза типа *Пусть он придет!* содержит в себе два побуждения. В русском языке есть и другие способы выражения опосредованного побуждения (хотя их количество более ограничено по сравнению со способами выражения ядерного значения), например: *Скажи брату, чтобы он пришел домой к 8-ми часам!* (есть сема ‘я хочу’ - пропозиция. — Т.Р.) (Откупщикова 1990:11-12).

Лексико-семантическое поле желания имеет усложненную структуру за счет включения в состав поля разнокатегориальных средств (глагольных и именных). Специфика этой микросистемы как сложного, многопланового поля с расплывчатыми границами зависит от нечеткости самого понятия желания. Номинативные средства данного поля отражают участок внешнего мира, связанного с психической деятельностью индивида и соотносящегося, с одной стороны, со сферой удовлетворения человеческих потребностей, с другой стороны, со сферой эмоционального переживания этих потребностей. Для всего участка объективной действительности, связанного с психической жизнью человека, характерна диффузность, нерасчлененность, что проявляется и в семантике единиц наименования таких понятий, значения которых взаимодействуют, переплетаются и накладываются друг на друга (Шахова 1982). См.:

*Дорогая Евдокия Мироновна, пожалуйста, не отвечайте мне на это письмо, да оно и слишком коротко для этого. Мне очень **бы хотелось, чтоб у Вас все было хорошо и обошлось** благополучно, но как **помочь** Вам отсюда, из Москвы, **я не знаю**. Жизнь вообще состоит главным образом из внезапно накатывающихся огорчений, тревог и несчастий, очень редко перемежающихся чем-то противоположным, чему даже названия трудно подобрать из-за редкости этих счастливых перемен. На кольце Соломона было написано — с одной стороны — «Ничто не проходит», а с другой — «Все проходит». Но Вас это, конечно, **не утешит**, единственное, что Вам **поможет** — это время. Я уже давно стал полагаться на его способность все сглаживать, — что же иначе делать?*

*Мне очень обидно, что я не знаю, чем **я могу быть** Вам существенно **полезен**, но все же, если Вам что-нибудь от меня понадобится, во всех случаях **прошу Вас помнить**, что я еще существую на свете. **Не трудитесь отвечать** на это письмо по долгу вежливости, я*

не буду в обиде, если Вы напишете мне спустя любое время...
(А. Тарковский — Е. Ольшанской:155- 156).

Модальная доминанта — *хотелось бы*, дополнительные маркеры желания — слова и формы, выражающие просьбу — *пожалуйста, не отвечайте; прошу помнить* (= *хочу, чтобы помнили*) и др. Цель желания — *утешит, поможет, могу быть полезен, помочь*.

По совокупности признаков доминантами лексико-семантического поля желания признаны лексемы *желание, желать, хотеть* (Пелих 1984:8). Для глагольной модели поля характерна двучленная структура доминанты. В составе ядра поля вычленены менее частотные и тяготеющие к определенной сфере употребления лексемы, для которых значение желания, влечения, стремления является первичным в семантической структуре слова: *стремление, хотеться*.

Анализ показал, что для выражения понятия желания в общем виде используется незначительное количество лексических единиц.

Соотнесенность понятий желания и переживания желания в виде эмоционально-психических состояний отмечается в семантике компонентов микрополя «Эмоциональная выраженность желания». См.:

Я исступленно хочу видеть хоть на краткий срок иные страны. Я встаю с этой мыслью и с нею засыпаю... (М. Булгаков — В.В. Вересаеву 26. VII (т. 5. Письма)).

Понятие желания соотносится и с понятием отражение желания в сознании, об этом сигнализируют компоненты микрополя «Ментальная выраженность желания». На основе признака ментальной выраженности желания выявляется ряд семантических групп, формирующих градуальные оппозиции по семам степени осознанности желания: бессознательный характер возникновения желания, влечения, стремления (*тяга, тяготение; влечься, тянуться*) (см. Герцен, ч. 4, гл. XXV); недостаточно осознанное

желание (*прихоть, каприз, привередничать*) (см. Тарковский:163-164); осознанное желание, при этом, компоненты с данной интегрирующей семьей дифференцируются по семам морального плана возможности / невозможности реализации желаемого (*намерение, замысел, намереваться; надежда, надеяться; мечта, мечтать*). Ср. Р. Фурманов:111; М. Роцин:49-50³. Желание часто целенаправленно, ПОЗИТИВНО.

*Хотелось бы ему и в Петербург, где так кипит какая-то деятельность и куда его манит театр и близость к Европе; хотелось бы ему побывать почетным зрителем училища в Острогжске; он решает быть полезным «на этом скромном поприще», - это еще меньше Геродота удастся. Его, в сущности, **тянет** в Москву, в Германию, в родной университетский круг, к родным интересам. Без близких людей он жить **не мог** (новое доказательство, что около не было близких интересов). **Потребность сочувствия** так сильна у Станкевича, что он иногда выдумывал сочувствие и таланты, видел в людях такие*

---

³ *Время шло, и мы двигались вместе с ним, а возможно, даже подгоняли его колесо. **Чего мы хотели?** Правды, справедливости. **Чтобы не было** бесконечной пропагандистской лжи, которая разъедала общество, как ржа железо. Диктатуры. Произвола. Глупости. Мы уже прочитали Оруэлла, Солженицына, Гроссмана, Кафку. Уже побывали в Европе и Америке. А иные и уехали туда, не по своей воле. Мы **хотели работать** и много работали, пробиваясь через ужас Отдела культуры ЦК (вспомните хоть одного Поликарпова!), цензуру, произвол каждого райкома и обкома. Вспомним, сколько сделали хотя бы театр Ефремова, Любимова, Товстоногова, Эфроса! А поэты! Барды! А художники, которых сметали бульдозерами и обзывали «пидарасами»! А музыканты! Многие из нас оставались в партии, **думали** [= хотели, мечтали, намеревались. — Т.Р.] сами собою улучшить ее. У меня, например, за тридцать лет набралось три строгача! — не знаю, кто кого улучшил. Когда мы выходили из партии, я, помню, сказал: «Мы-то выйдем из партии легко, а вот как она из нас выйдет?.. » И все-таки! Мы дождались Хрущева и Аджубея, потом знаменитой речи Андропова на съезде. Пришел Горбачев, наш ровесник и почти единомышленник. Пришла гласность. Жизнь прошла, но не зря все же. Слишком много сил, слишком много жертв: инфаркты, лагеря, психушки, водка. И сколько не осуществивших себя, погибших в забвении талантливых, неповторимых! Чудо, спасибо природе, что шестидесятники дотянули до шестидесяти, живы остались. Новое время, однако, оказалось не таким, как **мечталось**. Вот признание одного из тех, кто был самым первым, Андрея Синяевского, уже ушедшего от нас: «Когда мне предложили рассказать о роли интеллигенции в перестройке, я, естественно, начал обдумывать последние десять лет и вдруг обнаружился, что это были, в сущности, самые горькие годы моей жизни. Ибо ничто не бывает горше несбывшихся **надежд**, а также утраченных иллюзий... » Вот так-то, значит. И до этого рубежа довела нас жизнь. Ничего не остается, как жить дальше. Опять работать, сколь хватит сил. (Роцин, 1997, №9:49-50).*

качества, которых не было в них вовсе, и удивлялся им (Герцен, ч. 4, гл. XXV).

Как мне хочется на Украину, в Киев и в мой Кировоград, - я поехал бы на родину за слезами, больше мне в мой город ехать незачем. Да разве еще за детством, которое так нужно в старости. Верно, в моем возрасте впадают в детство по влечению сердца. Если и я впаду в него, не удивляйтесь, есть не только пространство — родина, есть и время — родина (Тарковский:163-164).

В общем, приеду, дам свободные [деньги. — Т.Р.] и давай по стране с тобой зарабатывать деньги, и что можем, направим на храм в Быстрый Исток, я знаю [знаю = уверен. — Т.Р.], если на счету твоего театра что-то есть, ты направишь на счет, который я тебе пришлю и к 600-летию Сергия Радонежского (в 1992 году) может и удастся [= надежда. — Т.Р.] приурочить закладку храма и храму дать имя святого заступника Руси (Фурманов:111 (из письма В. Золотухина)).

О соотношенности понятия желания и понятия реализации желаемого сигнализируют компоненты микрополя «Актуальная выраженность желания» (рвение, домогательство, искания; домогаться, искать, просить) (Пелих 1984). См. М. Булгаков. Письма.

А.М Горькому

28 сентября 1929 г. Москва

28.IX.1929 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Евгений Иванович Замятин сообщил мне, что Вы мое письмо получили, но что Вам желательно иметь копию его.

Копии у меня нет, письмо же мое было приблизительно такого содержания:

«Я подал через А.И. Свидерского Правительству СССР заявление, в котором прошу обратить внимание на мое невыносимое положение и разрешить мне вместе с женою моею Любовью Евгеньевной Булгаковой выехать в отпуск за границу на тот срок, который Правительству будет угодно мне назначить.

***Я хотел** написать Вам подробно о том, что со мною происходит, но безмерная моя усталость уже не дает мне работать.*

Одно могу сказать: зачем задерживают в СССР писателя, произведения которого существовать в СССР не могут? Чтобы обречь его на гибель?

***Прошу** о гуманной резолюции — отпустить меня. Вас убедительно **прошу** ходатайствовать за меня.*

***Прошу** не отказать в любезности сообщить, получено ли Вами это письмо».*

*К этому письму теперь мне **хотелось бы** добавить следующее: все мои пьесы запрещены,*

нигде ни одной строки моей не напечатают,

[никакой готовой работы у меня нет, ни копейки авторского гонорара ниоткуда не поступает],

ни одно учреждение, ни одно лицо на мои заявления не отвечает,

*словом — все, что написано мной за 10 лет работы в СССР, — уничтожено. Остается уничтожить последнее, что осталось, — меня самого. **Прошу** вынести гуманное решение — отпустить меня!*

Уважающий Вас

М Булгаков. (Булгаков. Собр. соч. в 5 т., т.5:436-437).

Данные тактики свойственны некоторым жанрам (письма, уговоры).

Анна А. Зализняк считает, что признак «желание» («желательность / нежелательность») представляет собой один из аспектов категории оценки (Зализняк 1984:86). Ее аргументы мы считаем убедительными. При этом Анна А. Зализняк указывает на необходимость разграничения **намерения** и **желания** (гл. *хотеть, желать, намереваться*). «... человек часто делает не то, что он хочет (например, ситуация борьбы между чувством и долгом, осознание недостижимости желаемого и т.д.)» (там же). См. примеры.

Теперь следовало бы [= должен. — Т.Р.] наконец рассказать о жизни и творчестве Анны Ахматовой, ради чего — признаюсь откровенно — мне пришлось заглянуть в историю литературы, — но сперва я хочу описать [значение реальной желательности: хочу описать и описываю — Т.Р.] вечер, который наступил после этого дневного приема <... > (Рихтер.:503-504).

Мне хочется сказать [= говорю. — Т.Р.] только одно, что в последний год на поле отечественной драматургии вырос в виде Вишневого такой цветок, которого даже такой ботаник, как я, еще не видел. Его многие уже заметили, и некоторые клянутся, что еще немного времени и его вырвут с корнем... (Булгаков, т. 5:479-480).

Желание не обязательно порождает намерение, а намерение не обязательно диктуется желанием (Зализняк 1984:87). См.:

***Знаю и поэтому должен поехать.** Романтический и сентиментальный созерцатель предметов, сохранивших свечение прошлых времен, я **должен** поехать по тем местам, где свершалось это событие < ... >*

<...> побывав под Аустерлицем, вписанным в историю деяний Александра, я должен был побывать и там, где совершал свои деяния Федор Кузмич < ... > (Бежин:93).

Как показали исследования в области семантики естественного языка— прежде всего, работы А. Вежбицкой — в семантической структуре многих предикатов содержатся компоненты ‘хотеть’ и ‘не хотеть’, и именно эти компоненты, очевидным образом, являются оценочными. В работах по семантике используются также и некоторые другие обозначения: «желательно / нежелательно», «приятно / неприятно» и др. В связи с этим возникает вопрос о связи между указанными двумя рядами оценочных значений.

Рассмотрим смыслы «хотеть» и «не хотеть». Анна А. Зализняк обосновывает их независимость (Зализняк 1984). Она условно называет «хотеть» элементарной эмоцией или элементарным ощущением. Объектом, вызывающим эту эмоцию (ощущение) является некоторая пропозиция Р, принадлежащая концептуальному миру субъекта и актуализированная в нем. При этом совершенно не обязательно, чтобы пропозиция не — Р тоже принадлежала концептуальному миру субъекта и тем более, чтобы она была в нем актуализирована. Другим аргументом в пользу независимости рассматриваемых смыслов может служить то, что «хотеть» является элементарной положительной эмоцией, а «не хотеть» - отрицательной. Ср.:

Любовь у нас — замена знанию, вот отчего так мало знаем мы о В.В.— и не хотим знать. Его биография до сих пор не написана. И мы опасаемся, что как только появится у нас свинцовый архивный зад, который высидит наконец подлинную и обстоятельную биографию В.В., тот перестанет быть нашим счастьем, сделается умственной привычкой, из объекта живого безоглядного благоговения превратится в одного из многих субъектов истории (Дмитриев:20).

Третьим соображением в пользу несводимости «не хотеть» и «хотеть», по мнению исследователя, может служить функционирование соответствующих языковых выражений: *Я хочу ничего не делать* и *Я не*

хочу ничего делать. Наконец, признание двух независимых смыслов «хотеть» и «не хотеть» оправдано системными соображениями: это облегчает установление их соотношения с другой парой оценочных значений — «хорошо» и «плохо».

Различие между двумя парами оценочных значений состоит в том, что оценки первого типа («X считает, что P хорошо / плохо») относятся к числу с у ж д е н и й субъекта, а второго («X хочет / не хочет P») — к числу о щ у щ е н и й. Оценочные суждения можно условно назвать р а ц и о н а л ь н о й оценкой, оценочные ощущения — э м о ц и о н а л ь н о й.

Между двумя рассматриваемыми типами оценок имеется одно существенно различие. Рациональная оценка предполагает **основание**. См. М. Захаров⁴. Таким основанием является в конечном счете мнение о наличии между какими-то ситуациями причинно-следственной связи: хорошо то, что влечет за собой хорошее, плохо то, что влечет плохое, т.е. рациональная оценка **относительна**. См. выше Герцен (*хотелось бы*). Эмоциональная же оценка **абсолютна**: хорошо то, что я ощущаю как хорошее, плохо то, что я ощущаю как плохое; она не предполагает основания. Поэтому рациональная оценка может быть оспорена — указанием на отсутствие этой причинно-следственной связи — а эмоциональная нет (Зализняк 1984:86-94). См. М. Булгаков. Письма (выше). См. также синонимический ряд *хотеть, жаждать, желать*,

---

⁴ *Наверное, очень хотелось красиво определить подаренное мне судьбой земное предназначение. А оно все-таки, по трезвому размышлению, лежит за пределами театра, и режиссерские эскзерсисы не есть мерило человеческой силы и глубины. Категории эти лежат ближе к той, пусть несколько анекдотической системе человеческих взаимоотношений, которых коснулся итальянский драматург Эдуардо Де Филиппо, затронув сквозь смех и слезы высшее предназначение человека, не отягощенного мессианскими комплексами всемирного или сугубо профессионального преобразования. «Дети есть дети», - говорит и снова повторяет в нашем спектакле Филумена Мартурано, А как можно сказать лучше, даже в том случае, если это не твои собственные дети, но дети нашей общей Земли — маленькой и хрупкой планеты? Вот такой финальный поток созна... принципиально **не хочу** заканчивать, потому что тешу себя надеждой на продолжение и мыслей, и профессиональных **мечтаний**. Тем, кто все-таки добрался до этой фразы, спасибо за долготерпение (Захаров:284).*

мечтать в «Новом объяснительном словаре синонимов...» 1999 (вып. I:457-463).

Из указанных способов выражения желания назовем имплицитные:
- Ср. письма М. Булгакова: «*Разрешите мне сообщить Вам о том, что со мною произошло...* » [(= *Я хочу сообщить.* — Т.Р.)] (М. Булгаков — И. Сталину). Этикетная формула «запроса дозволения», употребление ее зависит от адресата, цели, регулируется фактором чинопочитания. Ср. М. Булгаков — В. Вересаеву: «*Хочу Вам рассказать о необыкновенных моих весенних приключениях*» <...>

- вопрос с частицей *неужели* (*Неужели не пойдете?* — выражено желание, чтобы пошли);

- вопрос с частицей *разве* (*Разве не прекрасно съездить?* — желание съездить);

- модальная частица *правда* маркирует особый речевой акт выражения желания услышать подтверждение своего мнения (Падучева 1996:303). Ср. предложение, которое, согласно анализу Вежбицкой (Wierzbicka 1984), имеет следующее толкование: *В комнате холодно, правда?* = *Я хочу, чтобы ты подтвердил, что ты думаешь то же самое.* Согласно подходу Вежбицкой, главное в вопросе вообще — **желание** узнать, а не заставить адресата сделать так, чтобы мы узнали (Вежбицкая 1985:260-261).

6.2.1.2. Текст с семантической доминантой необходимости

Говоря о модальности необходимости, следует разграничить значение необходимости и долженствования. Долженствование — это моральная необходимость. Указанные семантики различаются по параметру адресата. При семантике долженствования субъект действия

выражен прямо, формой 1, 2, 3 лица ед. и мн.ч. (формально — подлежащее), при семантике необходимости— косвенно, имплицитно или эксплицитно формой Д.п. 1, 2, 3 л. (формально субъект — дополнение). Есть мнение, что значение долженствования — составная часть значения необходимости. С точки зрения философии, необходимость — это внутренняя, существенная связь, вытекающая из коренных особенностей явления, предмета... то, что при наличии определенных условий **должно** (выделено нами. — Т.Р.) произойти (Краткий словарь по философии 1970). В языке объективный, обязательный характер данных условий отчетливее всего выявляется через отношения действия именно с косвенным субъектом, обладающим, как известно, свойством объективизировать характер отношений субъекта и действия. Тесная связь данных семантик подтверждается случаями взаимного дублирования средств выражения. См. примеры: Е. Леонов:144-145; 261^{1,2}.

---

¹ *Сегодня вот удалось одному побродить по набережной, ночью конечно. Тишина такая и красота, дух захватывает. Вернулся в номер — и не спится. И знаешь, о чем подумал? Иногда **необходимо** человеку **побыть одному**, в тишине, собраться, подтянуться, взглядеться в себя. Мне это редко удается. А вот ты слышал когда-нибудь тишину? Знаешь, что это такое — тишина? Впервые я испытал необыкновенное ощущение тишины на берегу океана, тишины как какой-то величественной тайны. И почему-то, когда я впервые услышал тишину, она для меня была связана с необъяснимой тревогой. И на сиене тоже у меня тишина всегда связана с чем-то нервным. Правда, сценическая тишина вообще драматична. А в жизни тишина совсем другое дело. Был у друзей, в Москве, они живут в переулке, в квартире тихо; у нас под окнами, сам знаешь, вечно шум, грузят, чинят машины, восемь черных кошек, галки, вороны с утра... Бытовая тишина — это так приятно, она ни к чему не обязывает, сиди себе посидивай. Дома не хочется ее нарушать. Конечно, у мальчишек нет этого чувства благоговения перед тишиной, мальчишки слишком любят веселые шумные игры. И это прекрасно. Я сам тоже люблю побеситься, как тебе известно, ведь на даче мальчишки и теперь еще принимают меня в футбол, на воротах постоять... Я не о том, конечно, что лучше, сложив ручки, тихо сидеть у плетня, чем кричать и бегать, гонять мяч или танцевать до упаду.*

Пусть это все будет, это совсем не плохо, но надо и бережно к тишине относиться, должен быть такт по отношению к людям и к природе, к красоте тихой минуты. Такое грустное впечатление производят люди без понятия о тишине, покое, уважении к человеку. Согласись, какое чудо — тихая дружеская беседа или чуткий сон малыша... Иногда наблюдаешь такую картину с умилением и вдруг какой-то вопль бесовский грохот магнитофона, ужасно... **Не надо быть варварами, надо ценить и беречь тишину.**

*Но я хочу сказать тебе о другом: есть еще какая-то тишина... Тишина, которая возникает во мне, в тебе, в нас, когда не слышишь шума, сидишь, думаешь, погружаешься в себя — это внутренняя тишина, она не связана с шумом на улице, она в самом себе. Только очень редкие, очень развитые люди способны организовать такую свою тишину. Но для этого тоже **надо** сначала **научиться слышать, видеть тишину, чувствовать.** (Леонов,144-145). [Надо = должно – Т.Р.]*

² ***Неси свой крест и веруй.** Это не мои слова, Чехова. Лучшего драматурга на земле... (Леонов,261). [Неси=необходимо=надобно=моральная необходимость=должно – Т.Р.]*

Как мы считаем, различаются анализируемые семантики и степенью мотивированности волеизъявления. Необходимость говорящий мотивирует чаще, мотив долженствования присутствует реже. Ср. мотивировка отсутствия необходимости:

*Стадо во время дневной дойки, маленькое «индивидуальное» стадо. Ленивый пастух под кустом строгаёт палку. Несколько женщин доят коров, молоко тонкими, серыми издалека струйками бьёт в подойники. Коровы стоят тихо, как изваяния. А те коровы, чьи хозяйки запаздывают, тревожно, от всей глубины чрева, мычат. Но хозяйки их уже показались из орешника, и мычание становится почти нежным. И опять в горле слезы, как это просто, вечно и прекрасно! Без обязательств добиться повысить жирность молока, не ради того, чтобы кое-кого обогнать, а по святому закону природы творится это доброе дело. Ни «лесенки», ни «подкормки», ни «автопоилки», ни «подвесной дороги», ни доски с соцобязательствами, ни почетных грамот — никакой шелухи, все просто и серьезно, как в библейские времена. Как прекрасен мир, которого не коснулись преобразования! **Не надо ничего преобразовывать, не надо насилловать ни природу природы, ни природу человека.** И все пойдет на лад, и будет жизнь, и будет вдосталь хлеба и молока, и человек освободится от вечной своей униженности (Нагибин: 179- 180).*

Отсутствие мотивировки у семантики долженствования:

*Литератор Александр Храбровицкий прислал мне однажды свою работу (впоследствии мною утерянную), которая называлась: «**Делай что должно, и не думай о последствиях**». Собственно, работа состояла из рассказа о том, что существует такое изречение, приписываемое кому-то из древних римлян (в работе было названо имя, но я его позабыл), на латыни оно звучит так-то, а по-французски вот так. Это изречение уважали, записывали, переписывали и передавали другим Паскаль, Толстой, Ганди, кто-то еще...*

*Изречение мне понравилось. Оно настолько соответствовало моим собственным понятиям об основном правиле поведения (для себя), что я был удивлен, как это раньше оно мне не попадалось. **Еще в молодости я пришел к выводу, что думать о последствиях — самое безнадежное дело, они непредвидимы.** Благоразумие никогда не было в числе почитаемых мной добродетелей. **Я делал, что должно, о последствиях особо не заботился, и они в конце концов оказались более милостивы, чем можно было бы ожидать.***

*Но теперь я все-таки задумался о последствиях, поскольку потерял ориентиры и больше **не знал, что должно делать** (Войнович:18).*

И та и другая семантика, представленная с точки зрения субъекта — говорящего, тяготеет к волеизъявлению, с точки зрения субъекта - адресата — к воздействию, кроме случаев, когда адресат — лицо говорящего (1 л.), тогда степень выраженности семантики волеизъявления и воздействия регулируется прагматико-речевым контекстом. См.:

*У нас, у актеров, существуют всякого рода поверья, и поверий этих, тайн — превеликое множество. У каждого актера они свои, так сказать— индивидуальные. Призваны же они для одного — помогать нам, оберегать нас от провала. Но есть и расхожие общие, и одна из таких общих тайн кроется в простой с виду фразе: «Роль слезу любит». О, значит это многое: **не болтай** о роли, а **приготовь** ее как следует, не жалея себя, как если бы роль эта была единственная и последняя возможность разговора о необходимом, о жизни. **И — молчи. Молчи.** Если уж невтерпеж и тебя распирает от желания поделиться, как это у тебя все здорово, талантливо получается, то — плачь, **хнычь**, но **не смей** похваляться и предвосхищать то, чем ты собираешься завоевывать и поражать зрителя, иначе — провал. **Молчи**, и только таким жестоким самоограничением сможешь уберечь грядущий успех... (Смоктунковский:*

63). Здесь семантика императива ближе к воздействию: говорящий «заклинает себя».

Инстинкт умнее ума

*Но все-таки почему же я, думая, что Бога в обычном понимании нет, и сомневаясь в неизбежности посмертного наказания, никого не убиваю? Просто потому, что во мне есть инстинкт и он говорит мне **не убий**. Именно инстинкт, а не воспитание и даже не религия. Этот инстинкт говорил мне **не убий** задолго до того, как я прочел библию. Инстинкт **не убий** родился до заповеди. Больше того, он сам родил эту заповедь (Войнович:54). [Семантика императива ближе к волеизъявлению: нравственные заповеди, которые необходимо, должно соблюдать (моральная необходимость)].*

Необходимость для исследователя языка предстает в двух аспектах: как значение конкретных языковых единиц, т.е. элемент языковой системы, и как концепт — «особая унифицированная конструкция знания и опыта», элемент концептуальной системы, являющейся результатом отражения в языке знаний и представлений человека о мире.

Значение необходимости представлено в языке разноуровневой системой средств выражения — модальными глаголами, существительными, прилагательными, полнозначными глаголами и т.д.

Авторы коллективной монографии «Диалектика текста» (1999) высказали парадоксальное, на первый взгляд, мнение, что «в тексте значение необходимости в своей основе — объективное (что согласуется с общей трактовкой модальной необходимости в логике как с разновидностью объективной модальности)» (там же:283-284). Имеется в виду то обстоятельство, что «не только субъект действия и действие, но и модальные глаголы (МГ), выражающие отношение между ними, имеют свои денотаты в объективном мире» (там же:284). Того же мнения

придерживается И.М. Кобозева: «...в русском языке модальные глаголы со значением **возможности, необходимости и долженствования** способны выражает как объективную, так и субъективную модальность....Однако **невозможность** и **необходимость** целиком относятся к области объективной модальности (Кобозева 2000:242; 244). С нашей точки зрения, все, что выражает отношение к субъекту и регулируется субъектом (выбирается, устанавливается, предписывается), имеет субъективный характер. На двойственную природу модальных средств типа МГ обращают внимание авторы «Русской грамматики»: «В сферу модальности включаются слова — глаголы, краткие прилагательные и предикаты, - своими лексическими значениями, выражающими возможность, долженствование, необходимость, вынужденность и т.д.: *можно, надо, нужно* и т.д. Предложения, содержащие такие модально значимые слова, находятся в системных отношениях с теми формами предложений, которые синтаксические выражают объективно-модальные значения, близкие к лексической семантике перечисленных слов. Со сферой субъективно-модальных значений перечисленные слова сближает то, что в их лексической семантике в большинстве случаев заключено значение личного, субъективного отношения к чему-либо (*я хочу, обязан, намерен, ему нужно, необходимо...*)» (Русская грамматика 1980:125).

Факт наличия модальных значений, находящихся как бы между двумя основными модальными видами — объективным и субъективным, еще раз свидетельствует о том, что разделение категории модальности на два полюса, один из которых отражает объективное положение дел в мире, а другой— оценку этого положения со стороны говорящего, верно лишь в наиболее общем виде, в позиций исследователя онтологии материального мира. В языке же принципиальных различий между объективными и субъективными значениями в категории модальности нет, а оценочный компонент (т.е. способность выражать диспозицию говорящего) присущ

всем модальным средствам, пронизывает всю модальную систему и выявляется не только в семантике модальных слов и глаголов, но и в семантике наклонений. (См. об этом выше).

Из всех средств со значением необходимости только модальные глаголы (наряду с модальными словами и наклонениями) считаются безусловно модальными. Следовательно, необходимость, выражаемая модальным глаголом, может с уверенностью рассматриваться как модальное значение необходимости, а проблемы, связанные с изучением данного значения, входят в более широкую проблематику категории **модальности**.

Ситуация МН тесно связана с потенциальностью: необходимо и потенциально реально. См.:

*Но и на похоронах Андрея [Миронова] не присутствовало большинство коллег из родного театра, Театр не прекращал гастролей. И в эти же траурные дни руководство театра поспешило предложить некоторым столичным артистам «папановские» и «мироновские» роли. Да, Театр сатиры — особенный. Веселье и насмешка над пороками заложены в самой его природе. Тем более **необходим** был высочайший такт — и по отношению к актерам, и по отношению к публике. А ведь в подобных экстремальных ситуациях обнажаются сокрытые до поры пружины человеческих взаимоотношений, невидимые до того стороны бытия. Прощание с народными артистами — не просто формальная забота руководства и профсоюзного комитета, это дело всех, кто любил и признал навек. Ведь речь здесь идет о главном — как жить всем нам? **Неужели** только по законам сухого прагматизма? Или все-таки возрождая изрядно позабытые нормы человеческого бытия — сострадания и милосердия, без которых не может нормально существовать ни одно человеческое общество? (Фурманов:261).*

Ситуацию МН можно отнести к разряду динамических ситуаций, отличающихся наличием качественно разных фаз в процессе совершения действия, в отличие от статических ситуаций, которые не ведут к изменению состояния или свойств участвующих в ней объектов. Ситуация МН тесно связана с понятием деятельности и широко реализуется на всех этапах осуществления действия: на психологической фазе, которая предшествует действию как таковому — фазе обдумывания, выбора средств (преимущественно с помощью МГ *(должен)* МП принятия решения *(обязан)*, осуществления действия *(должен)* и его завершения *(должен, должны)*. См. Е. Леонов:183³.

Факт выражения необходимости в тексте всегда сопровождается личной оценкой говорящего этого факта — его отрицательным или положительным отношением к нему. Положительная и отрицательная оценка — мотив для необходимости или ее отсутствия. См.:

*Корябание пером еще доставляет радость, но если и это уйдет, тогда конец, **Надо**, надо держаться за слово, как за спасательный круг, иного ничего не осталось. Идеи, мысли — чепуха; реальны лишь слова, их*

---

³ Актер драматического театра проверяется умением создать характер, окрасить его своим сердцем, а не внешней моторностью. Этому **надо учиться**, а сейчас эти понятия стали улечиваться. Зачем же я тогда много лет тому назад ходил по улице Горького и Васильевской взад-вперед и думал о Лариосике, и мучился оттого, что Янишин такое показывал, что я не мог сделать, и помногу раз проверял в уме, что я не так делал. Я ходил, не замечая людей, натываясь на столбы. Может, это искусство ушло в прошлое? Нет, я думаю, искусство, связанное с сердцем, с правдой, с глубиной, - вечно. Мне интересней смотреть те спектакли, где есть настоящая литература и та истина, ради которой мы живем. Этот болевой момент может быть окрашен музыкой и другими современными средствами. Я видел это в фильме «Вестсайдская история» и плакал на американском мюзикле «Иисус Христос — суперстар», в фильме о балете, который видел в Англии, когда семнадцать молодых людей выступают перед режиссером, а нужны только двое, и это трогает до слез.

Один молодой режиссер сказал, что ему больше нравятся заграничные актеры, чем русские. А меня и среди зарубежных актеров поражают те, кто **цепляет за сердце**. Меня потряс Николсон в фильме «Полет над гнездом кукушки». Меня поражал Жан Габен в фильме «У стен Малапаги» и в других картинах, он меня **хватал за сердце**. Может, это было давно и я был еще неопытным зрителем, хотя таким и остался, но меня брали в плен именно такие актеры. Я и сам так стараюсь играть. Помню, как шли «Ванюшины» в Югославии: приходили актеры и говорили, что это интересно, но не нужно так торопиться.

Я ушел из Театра имени Маяковского — рухнул спектакль «Дети Ванюшина», не потому, что я талант, он был так выстроен, режиссером на актера. Я ушел из Театра имени Станиславского — рухнула «Антигона», потому что роль была выстроена, все было выстроено, а по-другому трудно. Наверное, **надо** и роль так же **выстрадать**, говорить со сцены о том, что мучает меня (Леонов:183-184).

порядок, рождающий жизнь. Недаром же из всей беллетристики я могу перечитывать лишь Бунина. В подавляющем большинстве своих вещей он меня ничему не учит, ни в чем не убеждает, не обращает в свою веру — да у него и нет ее, - а просто дает дышать сеном, травой, женщиной, видеть звезды, тучи, деревья, бедных одиноких людей. Это серьезно, все остальное — поденки, лакейство перед временем и его «проблемами», назавтра уже не стоящими и копейки. Так, из раздражения можно поиграть в идейки, но литература всерьез — это радостный плач о прекрасном и горестном мире, который так скоро приходится покинуть (Нагибин: 211-212).

***Не надо бояться октября** (речь идет о месяце, а не о символе), октябрь прекрасен, быть может, прекраснее всех месяцев года, даже мая. Май мучает надеждой, обещаниями, которые никогда не сбываются, октябрь ничего не обещает, не дает и тени надежды, он весь в себе. А за ним — тьма, холод, слякоть, мокрый снег, огромная ночь, конец. Но как красиво сейчас! Какое золото! Какая медь! И как чудесна зелень елей в лесу и лоз над рекой! И до чего же зелена совсем не увядшая трава. А над всем — чистое голубое небо. Тверда под ногой, будто ковкая дорога, лужи подернуты уже не сахаристым, тающим ледком, а темным, непрозрачным и твердым. И великая пустота тихого, просквоженного от опушки к опушке леса: ни птицы, ни зверька, ни насекомого, ни шороха, ни писка, ни свиста. Сегодня я не выдержал и начал орать в лесу от непонятного счастья, как Комаров над морем (Нагибин:344-345).*

Значение необходимости нередко осознается и соответственно выражается на фоне особого эмоционального состояния говорящего, сопутствует его «горьким» или радостным размышлениям и может реализовываться в условиях так называемого эмоционального взрыва. См.:

«Проходит Лик мира сего»... О, да! Вот, вот — именно это! Проходит вообще Европа, и Достоевский говорит ей: «Уходи!» «Не надо тебя», не надо, - мучительница человечества!.. В. Розанов:153.

Наиболее яркими случаями проявления оценочного компонента в семантике МГ являются те, в которых МН приближается к выражению «чистого» желания: *Я должен видеть ее... Желание было так велико, что он не мог ждать, или нежелания совершения необходимого действия: Мы должны будем потратить меньше. Я не хочу..., но ты видишь (понимаешь), что надо (необходимо)...* Ср.: *Главное — не жить мелкими досадами, не думать о них, не травить душу. И еще: довольно благотворительности, довольно тянуть бездарных или малоодаренных людей в печать, в СП, в славу. Ну их к черту! Хватит «откликаться» на просьбы липовых друзей. Сколько раз твердить тебе оно и то же, расслабленный идиот! Обретай мудрую жестокость старости. Все доделывать, доводить до конца пусть остается моим принципом, но надо научиться отказывать: киностудиям, газетам, радио, друзьям, знакомым и сонму неизвестных претендентов на славу, которые почувствовали мою слабость и лезут, лезут... Есть истинные ценности: рассказы, книги, природа, поездки, Ленинград, музыка и два-три человека (Нагибин:319).*

Этот вид оценки получил в лингвистической литературе название **эмоциональной** и является постоянным способом выражения диспозиции говорящего при реализации МН в тексте. Важно отметить, что наблюдается дифференциация МГ и МП при выражении типа эмоциональной оценки. МП *нужно (должен)* тяготеют к выражению «желаемой необходимости», *обязан (должен)* — к типу «нежелаемой / вынужденной» необходимости, в определенных контекстах — к типу «безразличной» необходимости (в тех случаях, когда диспозиция говорящего нечеткая, завуалированная). Ср. желаемая необходимость —

Фурманов:261 (выше), вынужденная — А. Кончаловский:250, А. Солженицын:103⁴.

«Надо нести свой крест и верить», — говорит Нина [Заречная в «Чайке» Чехова]. Приятие жизни, как она ни тяжела. Это нести свой крест. Возвышающий обман может облегчить тяжесть креста. Это верить. Крест — тяжесть, обман — легкость. Реальность тяжела. Не всем дано ее вынести (Кончаловский, Возвышающий обман, 250).

Кроме эмоциональной оценки МГ (МП) со значением необходимости выступают регулярным способом выражения еще одного вида оценки — **логического**, обозначающего разную степень уверенности и категоричности, с которой говорящий судит о необходимости в действии. Ее присутствие фиксируется разнообразными контекстуальными элементами. Так, для контекстуального окружение *обязан* характерно наличие таких лексических элементов темпорального контекста, как *сейчас, срочно, сразу* и т.д., которые свидетельствуют о твердом намерении говорящего, не откладывая, немедленно приступить к осуществлению необходимого действия.

---

⁴ Но если позиция Твардовского была плюс, это мы знаем, а умножение дало минус, то позиция Лакшина открывается нам лгебраически. Ясно, что, приехав, он сказал Твардовскому: **«надо спасти журнал!»** Спасать журнал! Дать визу на публичную позорную резолюцию — и сосморкано наземь собственное одинокое горделивое устояние главного редактора. Разъезжались ноги — одна на земле, одна на плитке. Устоять душой — и сдаться публично! **Разве надолго это спасет журнал? Разве злопамятные верхи забудут ему, что сам он сказал оккупации нет, да только ловкости не имел разгласить.**

Спасать журнал! — крик, на который **не мог не отозваться** Твардовский! С тех пор как все реже и реже поэмы и стихи выходили из-под его пера, он все страстней любил свой журнал — действительно чудо вкуса среди огородных пугал всех остальных журналов, умеренный человеческий голос среди лающих, честное лицо свободолюбца среди циничных балаганных харь. Журнал постепенно становился не только главным делом, но всею жизнью Твардовского, он охранял детище своим широкоспинным толстобоким корпусом, в себя принимал все качни, пинки, плевки, он для журнала шел на унижения, на потери постов кандидата ЦК, депутата Верховного Совета, на потерю представительства, на опадание из разных почетных списков, что больно переживал до последнего дня, - он гордо рассчитывался и за напечатание «Ивана Денисовича», и за защиту меня, и за свое развитие последних месяцев. Он разрывал дружбы, терял знакомства, которым гордился, все более загадочно и одиноко высился — отпавший от закоснелых верхов и не слившийся с динамичным юным племенем. И вот — не из этого разве племени? — приезжает к нему молодой, полный сил, блеска и знаний заместитель и говорит: **надо уступить**, сила солому ломит. Солому! только солому. Ну, еще хворост. Но даже жердинника не берет. (Солженицын 1991, №7:103).

Необходимость, выражаемая МГ (МП) *должен*, *могли* бы характеризует действия, выполнение которых может быть отложено на неопределенный срок, что подчеркивается такими элементами темпорального контекста, как *в следующий раз*, *когда-нибудь*, *на днях*. См. выше Ю. Нагибин:319 (*сколько раз*).

Обобщенность, абстрактность выражаемой необходимости — наиболее характерная черта семантики МП *должен*. При его выражении ярче проступает связь МН с нормами и правилами, и соответствующие элементы темпорального контекста *всегда*, *каждый раз*, *никогда* усиливают, подчеркивают эту особенность семантики МП *должен*, *нужно*. См. Розенбаум:44-45. См. ниже Фурманов:387.

Муза посещает в самое разное время, только надо трудиться, с ней надо работать. Вдохновение не сваливается, как кирпич на голову, его нужно зарабатывать. Муза не придет к тебе сама. Ты должен звать ее: «Муза! Приди ко мне!» И звать ее нужно постоянным трудом. Мозг свой, как и мышцы, нужно тренировать все время. Даже когда гуляешь с собакой. Она идет, нюхает, у нее свои дела... А у меня своя жизнь: я иду, и соответственно котелок работает... (Розенбаум:44-45).

Проанализированный материал позволяет заключить, что в естественном языке модальное значение необходимости тесно взаимодействует с категорией оценки и способно совмещать выражение двух компонентов в своем значении: **дескриптивного** (собственно значения необходимости) и **оценочного**. Если учесть, что оценочный компонент представлен двумя разновидностями (эмоциональной и логической), семантику МП можно представить как комбинацию из трех сем в разных вариантах: а) необходимо и желательно с высокой степенью уверенности в этом (наиболее типичный набор сем для МП *обязан*); б) необходимо и желательно, но нет уверенности в возможности осуществления необходимого действия (что типично для семантики *мог*,

должен, мог бы); в) необходимо и желательно с высокой степенью уверенности в неизбежности действия (должен) и т.п. Ср. а) Фурманов:387; б) Нагибин:15,. в) А. Розенбаум:44-45 (выше).

*Евгений Павлович Леонов говорил: «Если ты выбрал эту профессию, ты **обязан** на сцене тратиться. Ты **обязан каждый раз** на сцене оставить кусок себя, кусок здоровья. Иначе ничего не получится».*

***И это очень верно** и касается не только профессии актера, но в равной степени и профессии режиссера. И антрепренера! Да и всех театральных профессий. Ничего **не получится** у режиссера, не затратившего часть души, не отдавшего часть своего здоровья, часть своего сердца актерам и зрителям (Фурманов:387).*

*Сегодня я снова вернулся к мысли, вернее, к муке: **а надо ли было идти на такую войну?** Это не война, а канцелярия под бомбежкой. Вся наша пшеница не стоит выеденного яйца. Неужели наша писанина и радиотреп могут хоть как-то повлиять на немецких солдат? Но поди скажи об этом вслух. Шапиро попросил у Роцина, чтобы его отозвали в часть, так его чуть не растерзали. Даже начальник ПУ Горохов заинтересовался дезертиром. Ему грозили штрафбатом. Он сказал, что не возражает. А я понимаю, чего они так разошлись. его поступок разоблачает нашу паразитарность, ненужность войне. В результате бунтаря Айзиковича навечно прикрепили к оформлению отчетных папочек. Это то, что батальонный комиссар Кравченко называет умением показывать свою работу (Нагибин:15).*

Оценочный компонент семантики МГ не получает словесного выражения, хотя всегда и подразумевается, т.е. относится к разряду так называемых скрытых категорий и значений. Поэтому для доказательства наличия данного компонента и его особенностей такую большую роль играет текст, который выполняет функцию контекста реализации МН. Но если скрытые значения и угадываются из контекста, то только потому, что

в контексте содержатся четкие и недвусмысленные указания на этот счет. Можно было бы считать описанные варианты семантики МГ со значением необходимости сугубо контекстуальными. Но отмеченная выше тенденция со стороны МГ реализовываться в определенном окружении, свойственном тому или иному из МГ, свидетельствует о том, что контекст (= текст) из средства формирования для говорящего превращается в средство выявления значения для лингвиста, читателя, становится частью формы значения, а оценочный компонент становится частью семантики исследуемых МГ и МП (Диалектика текста 1999).

В текстах любой тематики можно выделить некоторые логические звенья, «блоки», организующиеся вокруг смыслового отношения. Результатом поиска такого «блока», организующегося вокруг МН в исследованных текстах, явилось выделение особого структурно-семантического комплекса с **причинно-следственной зависимостью**. МН в причинно-следственный комплекс входит на правах одного из членов данного отношения и, как правило, играет в нем роль следствия.

Материал исследования показал, что основные факторы, объективный и субъективный, выделяются при реализации всех типов необходимости (желаемой, вынужденной и безразличной), что позволяет авторам «Диалектики текста» не согласиться с мнением о том, что обуславливающие факторы реализуются только при типе вынужденной необходимости (Шведова 1974:111). Различия между разными типами необходимости выявляются, как представляется авторам «Диалектики текста», не в факте присутствия или отсутствия обуславливающих факторов, а в том, как эти факторы «поданы», оценены говорящим, на чем в них поставлены акценты.

Наиболее важную, центральную роль в формировании смысла высказывания МН играет при условии соответствия Р (причины) следствию в смысловой базе. Следствие всегда занимает особое место в

причинно-следственном комплексе: оно передает наиболее важную, существенную для собеседника информацию. Следствие заключает, как правило, новую информацию, в отличие от причины, повторяющей данное. А как известно, в смысл входят в первую очередь те элементы семантики, которые отличаются коммуникативной новизной. Значение необходимости, соответствующее следствию в семантической структуре высказывания, является прагматическим фокусом высказывания, т.е. тем объектом разговора, который говорящий считает наиболее важным для слушающего.

Все высказывания, в которых МН соответствует элементу смысловой базы — следствию, можно разделить на два коммуникативных типа. К **первому типу** относятся те из них, целью которых является просто констатация факта существования необходимости, обусловленной тем или иным мотивом поведения (причиной и целью). См. Ю. Нагибин:403-404⁵; А. Белинков №8:42.

В книгах интересны только слова и самые разнообразные положения их.

5

Концепция спасения мира

Поскольку демократия обнаружила свою полную незащищенность, безоружность перед тоталитарными режимами, во избежание ненужного кровопролития, во избежание кошмара термоядерной войны, которая и в самом деле может быть выиграна теми, на чьей стороне быстрота, оперативность руководства, аморализм, совершенная безжалостность (стало быть, демократии и уран не защита), следует поднять лапы вверх, сдаться на милость победителей. Ничего особенно страшного не случится: конечно, кого-то расстреляют, скорее для проформы, чем по необходимости, кого-то бросят в тюрьму, в лагерь (потом освободят), но народы сохранятся и станут единой братской семьей. Не нужно бояться, что русский народ станет гегемоном, ничуть не бывало, он сохранит, даже усугубит свою бедность, затравленность, свое безысходное убожество, ведь из всех побед этот удивительный народ выходил еще более нищим и плотью, и духом. А все, что накопил мир за тысячелетия своего существования, сохранится: прекрасные города, художественные ценности, музеи, памятники старины. Правда, положится предел тому, что, в сущности, давно не нужно: творчеству, дальнейшему движению культуры. Не будет ни искусства, ни литературы, ни свободы мысли, ни свободы слова. Так ведь без них проще. Зато останутся: спорт, телевидение, кино, пьянство и мочеполовая жизнь. Будет ограничена свобода передвижения, запрещены все формы протеста, несогласия с правительственными мерами, официальной идеологией, зато воцарится порядок – исчезнут гангстеры, мафия, экстремисты, террористы, все беспокойные элементы. Не будет ни правых, ни левых – однородная масса дисциплинированных и защищенных обитателей единого муравейника. Ни безработицы, ни боязни завтрашнего дня, каждый обеспечен работой, жильем, отпуском, медицинской помощью, высшим образованием, пенсией. Ни о чем не надо думать (Нагибин:403-404).

Герои, коллизии, перипетии — хороши только в письмах.

В книгах достаточно одних метафор.

Если автор интересуется кроме читателя еще и своими близкими - то необходимы декларации.

Мы глубоко уверены в том, что интересоваться читателем ни в коем случае не следует. Это дело человека из редакции, устанавливающего тираж.

Если книга напечатана в пяти экземплярах, то в ней может быть все что угодно (Белинков:42).

Ко второму типу относятся те высказывания, в которых наложение факторов прагматического характера на смысловую базу ведет к формированию иных смыслов — побудительного характера — совета, просьбы, приказа и т.д. Ср. Л. Штерн (совет)⁶.

Высказывания, в которых МН соответствует на уровне смысловой базы причине, можно также разделить на два коммуникативных типа. К **первому типу** относятся высказывания с коммуникативной функцией побуждения. См. выше Ю. Нагибин:180. **Второй тип** высказываний, где МН = Р причины, образуют те из них, в которых МН, реализуясь как причина в его семантической структуре, сохраняет за собой позиции смыслового центра, т.е. прагматического фокуса высказывания.

В подобных примерах значение необходимости (причина совершения другого действия) соответствует коммуникативно новой

---

⁶ Если ваша жизнь однообразна и скучна, если в ней не хватает перца, а в крови адреналина, вам следует прокатиться в такси по Каиру.

Каир, Каир... Крупнейший город африканского континента, пятнадцать миллионов жителей и пятнадцать миллиардов мух. Раскаленная туча бензиновых паров над головой, вой и визг клаксонов, скрежет и лязг тормозов. Египетские водители ездят так, будто правила уличного движения — еще не расшифрованные письма. задача любого автомобилиста — установить мировой рекорд скорости, не принимая во внимание количество искалеченных пешеходов. Пешеходы, в свою очередь, ведут себя так, словно никаких автомобилей в природе не существует, а то, что несется на них с воем и вонью, не более чем мираж. По- средникам между водителями и пешеходами являются толпы полицейских в белых униформах с черно- белыми полосатыми нарукавниками

. Они стоят на каждом перекрестке, регулируя движение вне всякой связи с сигналами светофоров. **Но если полицейский** регулировщик — ваш приятель или родственник, **можно**, подмигнув ему, промчатся через перекресток, игнорируя и сигналы светофора, и его регулировки... (Штерн, 157-158).

информации. Это и определяет ее статус прагматического фокуса в высказываниях этого типа. Пример: Фурманов:228; см. также выше Фурманов:384, 261.

*Когда он «ставил свет» на новой площадке, все стонали от него, и многие не понимали, как **можно** столько сил тратить на это. Для него на сцене было все **важно**, он **умел** добиваться своего, хотя чаще был все равно **недоволен**. Но это была постоянная **неудовлетворенность** художника, личности, основанная на творческом поиске. Так же серьезно он относился и к своему сценическому костюму — **надо**, чтобы все было «с иголки», **ведь люди купили билеты!** (Фурманов:228).*

Побуждая собеседника к совершению действия через указание на его необходимость, говорящий тем самым дает понять адресату побуждения, что он побуждает его не только (и не столько) потому, что он лично этого хочет, а потому, что на то есть закономерные, естественные причины (Диалектика текста 1999:282-299).

Рассмотрим средства выражения МН в языке. Наиболее продуктивными из этих средств являются конструкции, состоящие из модальных лексем в сочетании с инфинитивом. Модальные конструкции указанного типа делятся на две группы в зависимости от характера выражения субъекта действия. 1. Безличные конструкции (с косвенным субъектом): а) безличный глагол + инфинитив; б) безлично-предикативное слово + инфинитив. 2. Личные конструкции (с прямым субъектом действия: отглагольное прилагательное *должен* + инфинитив — моральная необходимость, долженствование. К первой подгруппе 1-й группы относятся, например, глаголы *подобаает* и *надлежит*. Глагол *подобаает* в безличном значении в сочетании с инфинитивом передает значение необходимости в его наиболее полном объеме. Необходимость осуществления связи между субъектом и действием может быть обусловлена причинами как внешнего, объективного (существующими

законами, обычаями и т.п.), так и внутреннего, субъективного (осознанием субъектом морального долга) характера. В первом случае косвенный субъект является лицом, к которому направлено требование выполнить действие (субъект действия выражен при этом местоимением в форме 2-го или 3-го лица, существительным или мыслится потенциально, обобщенно). Во втором случае субъект сам осознает необходимость выполнения действия, направленного на осуществление общепринятых законов (косвенный субъект выражен местоимением в форме 1-го лица). Глагол *надлежит*, *нужно* передает значение необходимости осуществления действия, вызванное причинами преимущественно морального характера. При этом обусловленность связи субъекта и действия может раскрываться, как и в предыдущем случае, через посредство говорящего лица, т.е. выступать как предписание к выполнению действия субъектом (выраженном в предложении местоимением в форме 2-го или 3-го лица, именем существительным или мыслимым обобщенно) или «осознается» самим субъектом. Ср.:

Мой отец считал религию в числе необходимых вещей благовоспитанного человека; он говорил, что надобно верить в Священное писание без рассуждений, потому что умом тут ничего не возьмешь, и все мудрования затемняют только предмет; что надобно исполнять обряды той религии, в которой родился, не вдаваясь, впрочем, в излишнюю набожность, которая идет старым женщинам, а мужчинам неприлична. Верил ли он сам? Я полагаю, что немного верил, по привычке, из приличия и на всякий случай. Впрочем, он сам не исполнял никаких церковных постановлений, защищаясь расстроенным здоровьем (Герцен, ч. I, гл. II).

Наблюдения позволяют точнее сделать роль, и такая работа «по изучению» обязательна, многого требует простая профессиональная добросовестность. А чтобы знать жизнь — надо жить. Не беречь себя

от конфликтов своих и чужих, не бояться опасности, риска, не искать пути полегче, не бежать от ответственности, не думать, что твоя хата с краю и что ветры времени тебя не коснутся (Леонов:220).

Несколько иной характер связи субъекта и действия прослеживается в модальных конструкциях, в состав которых входят лексемы *пора, время, нужно* (см, выше Ю. Нагибин:295; М. Захаров:260; Астафьев:246-247).

*Раньше мне казалось, что я всегда буду выглядеть человеком не старше сорока, а вот теперь окончательно понял, что **пора говорить** что-то доброе и вечное. В заключение. Иначе могу не успеть. **Пора** что-нибудь **произнести** в адрес молодых, начинающих режиссеров, преисполненных стремлением к постижению основ суперпрофессии... (Захаров:260).*

В нынешней литературе, откровенно говоря, я не вижу человека, которому такая работа была бы по силам.

*Здесь мало одного таланта, **нужно** мужество, **нужна** самозабвенная любовь к той земле, которая родила всех нас, наградила силой воображения и жаждой творчества. **Нужен** истинный патриот, который бы явился не просто работать или отбывать срок, но мыслить и страдать (Астафьев. Зрячий посох:246-247).*

Значение необходимости осуществления действия возникает здесь, как правило, в силу причин конкретного, часто юридического характера.

Обратим внимание на замечание И.М. Кобозевой (Кобозева 2000:246), что слово *необходимо* выражает модальность долженствования, а не необходимости в том строгом смысле, который придается понятию «необходимости» в модальной логике. Ср. Е. Леонов:216; М. Захаров:189⁷.

---

⁷ Я уже не раз твердил, что уважающий себя режиссер должен быть до некоторой степени, как говорят в народе, «с тараканами». Если тараканов у тебя нет, их надо придумать и развести, желательно в ограниченном количестве, иначе в наш век поголовного роста всевозможных психических

Я никогда не отождествляю себя с персонажем, но соотносить свой мир с миром героя, осознать его как индивидуальность и личность считаю необходимым.

В. И. Немирович-Данченко делил роли на сыгранные и созданные. Очевидно, он имел в виду актерское авторство... (Леонов:216).

Последнее в русском языке выражается иными средствами, кратким прилагательным *неизбежен*, а также наречиями и обстоятельственными оборотами того же значения (с *необходимостью*, *неизбежно* и т.п.). Но это с точки зрения логики. С точки зрения языка, предикат *необходимо* семантически связан с МН (см. выше А. Герцен, ч. I, гл. II).

Напомним еще о форме повелительного наклонения как средстве выражения значения необходимости. См. выше Войнович:54 (*не дружи, не убий*). Периферийно необходимость и ее отсутствие может выражаться глаголом (*не*) *следует*. См. выше Л. Штерн; А. Зубов⁸.

Значение необходимости усиливают лексемы *важно*, *обязательно* и др. Косвенным средством выражения рассматриваемой семантики является риторический вопрос: *«Надо ли обязательно при всех случаях презирать власть и от нее шарахаться?..»* - М. Захаров:170- 171. Текст с модальной доминантой необходимости часто строится на противопоставлении необходимого и ненужного. См.:

аномалий у художника может действительно «поехать крыша» и он, попросту говоря, от навалившихся на него эмоций сойдет с ума.

Режиссера, и это, наверно, закономерно, так и тянет натянуть на себя личину фигуры такой творчески-самобытной, от которой другим, нормальным людям желательно вздрагивать. В крайней случае, озадачиваться. Тут важен (в значении нужно. – Т.Р.), конечно, и внешний облик, вернее, столь желанный для нашего времени имидж. Если ты останешься без имиджа – ничего хорошего не жди (Захаров, 189).

⁸ *И не следует думать (=не нужно. – Т.Р.), что от безысходного голода и нищеты решилась на грабеж русская деревня. Не безлошадная голь, но деревенские богатеи, «справные» мужики, кулаки и середники, страстно жаждали помещичьей земли даром. «Заводчиками всей смуты и крови всегда были сытые – крепкие мужики, одолеваемые ненасытными жадностью на землю и деньги... - писал очевидец революции в русской деревне И.Д. Соколов-Микитов И. Крепота и тощета. – «Родина», 1990, №10.) Пройдет полтора десятка лет, и русский мужик во время раскулачивания и коллективизации поймет на своей шкуре верность старинной итальянской поговорки: «La farina del diavolo se ne va in crusca». (Помол дьявола весь уходит в отруби). Тогда же, в 1917-м, о неизбежности наказания за преступление не помышляли (Зубов. Сорок дней или сорок лет: 131).*

Нельзя понимать только своей характер, нельзя обладать христианским всепрощением только к самому себе. Надо понять и маленького беззащитного человека, без прочного дела в руках, без поддержки и опоры, которому, как в смех, в избытке дано все то, что другим, менее щедро наделенным, обеспечивает простое счастье, если не счастье, то покой, домашнее тепличко, надежность завтрашнего дня (Нагибин:100).

6.2.1.3. Текст с семантической доминантой долженствования

Как уже было сказано, семантику долженствования можно считать составной частью семантики необходимости, долженствование — моральная необходимость.

В логике долженствование рассматривается как одно из значений **деонтической модальности**, характеризующей отношение положения дел Р к норме (закону, правилу). С точки зрения лингвистического разграничения объективной и субъективной модальности, деонтическая модальность- объективная, так как и по своим семантическим, и по семантико- синтаксическим свойствам ее показатели ведут себя как типичные показатели объективной модальности (см. выше о различении свойств показателей объективной и субъективной модальности), и тем самым модальный оператор долженствования относится к пропозиционному компоненту предложения. Отрицательная коннотация вытекает из встроенного в данное толкование ограничения свободы воли субъекта.

Оттенки «обязывающего» значения **должен** зависят от конкретного характера обстоятельств: «морально обязывающее» значение, при котором в качестве ситуации, обстоятельств вынуждения выступают нормы морали, в качестве силы — общественное мнение, а злом является общественное

осуждение (см. Д. Лихачев:249-250); «юридически обязывающее» **должен**, где то, что вынуждает — правовые нормы, органы охраны правопорядка, а зло выступает в форме разного рода санкций (см. выше А. Найман:16).

Но другие последствия приезда Горького на Соловки были еще ужаснее. И Горький должен был их предвидеть.

Горький должен был догадаться, что будет сделана попытка свалить все «непорядки» в лагере на самих заключенных. Это классический способ уйти от ответственности. Сразу после отъезда Горького начались аресты и стало вестись следствие (Лихачев, 249-250).

При таком авторитете он должен был прежде, чем высказать мнение, обдумывать, кому какие слова можно или нельзя говорить. И вообще — он должен был. Должен был помогать, рекомендовать, устраивать, писать предисловия. Он делал это безотказно, часто через силу, он помог тысяче людей, но иногда казалось, что у него не было выбора. Если бы он стал отказываться, это значило бы только, что должен был, а не сделал — плохой человек. При всей своей знаменитой независимости он попал в зависимость еще и от положения, которое занял. Он был хороший человек и потому делал (Найман, 16). (долг — должен / обязанность положения).

Значение долженствования может иметь «функционально-обязывающий» оттенок, высказывание выражает функциональные обязанности определенных социальных ролей, обозначает инстанции, контролирующие их исполнение. См. Кончаловский:250¹

---

¹ Я начинал постановку, думая, что знаю, о чем будет спектакль. Собирался рассказать в нем про эпоху. Но мы начали репетировать, у артистов появились вопросы, я **должен был** давать на них ответы, приходилось импровизировать, мои мысли о пьесе стали обретать все большую конкретность, малопомалу мне становилось ясно, про что мы делаем «Чайку». Про возвышающий обман. Чтобы что-то делать, человек **должен верить**, что он талантлив, даже если это все лишь иллюзия, обман. Он дает силу творить и убеждать других в том, что творить нечто новое нужно людям. Потом эту иллюзию человек теряет, падает с высоты, на которую возвышающий обман поднимал его. И, только упав, человек начинает осознавать реальность. И вдруг приходит к пониманию: то, что писал когда-то, когда все говорили ему, как это плохо, и было на самом деле гениальнее. Что он и был настоящим, когда верил в возвышающий обман о себе самом. А теперь, поняв правду, приходит к горькому итогу: жизнь заглена. Потому и стреляется...

Можно выделить и другие разновидности обязывающего значения (Кобозева, Лауфер 1991). Эпистемическое **должен** имеет следующее толкование: **X должен P** = среди моих знаний о мире существуют знания Q, которые вынуждают меня считать, что P (X) имеет (имело, будет иметь) место в мире.

Модальность долженствования, по мнению Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1988:631), устанавливает образец, к которому следует стремиться (*comme il faut*). См:

*Партийность артиста, его общественная деятельность **не должна** влиять на распределение ролей. Пусть она **влияет** на ордена. Большой артист, рожденный удивлять и поражать, **должен** заниматься только сценой. **Ведь это так прекрасно — не мельчать в искусстве и не быть с чем-то заодно** (Фурманов, 125 (из письма В. Золотухина).*

Именно поэтому долженствование исключает отрицательную оценку и, пожалуй, всякую оценку вообще: как только вводится модальность долженствования оценочное прилагательное становится избыточным.

Принципы нравственности формулируются только в повелительном наклонении, то есть в модальности долженствования (Арутюнова 1999:147; Пуанкаре 1983:506). Все это свидетельствует в конечном счете о принципиальных различиях между естественной картиной мира, изменение которой зависит прежде всего от развития естественных наук, и ценностной картиной мира, изменение которой связано с идеалами человечества (Арутюнова 1999:147).

Напомним, как трактуется **концепт долга** в современной отечественной лингвистике. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев (1997) рассматривают концепт долга в поле долженствования. Авторы

---

*«Надо нести свой крест и верить», - говорит Нина. Принятие жизни, как она ни тяжела. Это нести крест. Возвышающий обман может облегчить тяжесть креста. Крест – тяжесть, обман – легкость. Реальность тяжела. **Не всем дано ее вынести...** (Кончаловский. Возвышающий обман, 250).*

подразделяют русские высказывания со значением долженствования на два класса, эпистемическое и онтологическое долженствование, в соответствии с общим разграничением эпистемической и онтологической модальности (см. выше по Кобозевой 2000).

Высказывания со значением эпистемического долженствования выражают гипотезы относительно ситуации, о которой у говорящего нет непосредственной информации. Показателями эпистемического долженствования обычно служат вводные слова типа *должно быть, наверно, несомненно*. См. :

Сегодня, наверно, ветер. Сосны за моим окном всегда неподвижны, нарисованы. Японский рисунок. А сегодня они качаются, перешептываются, сплетничают. Значит, ветер (Чуковская, т.3:246).

Высказывания онтологического долженствования говорят о ситуациях, в которых имеет место то или иное долженствование. Различают два вида онтологического долженствования: алетическое и деонтическое. Суждение алетического долженствования, как правило, предполагает истинность соответствующей пропозиции не во всех теоретически возможных «случаях», а лишь в «закономерных» (особенно это касается таких показателей, как лексема *должен*). В силу этого высказывания, содержащие лексему *должен*, прагматически близки высказываниям эпистемического долженствования. См. выше Д. Лихачев:249-250.

Такие показатели алетического долженствования, как *необходимо, неизбежно, обязательно, непременно, с необходимостью* в большей степени близки значению логической необходимости. См. примеры с семантикой необходимости.

Если алетическое долженствование связано с объективными потенциями реального мира, то деонтическое — с нормативным и ненормативным поведением. В случае, когда алетическое

долженствование выдается за деонтическое в высказывании возникает иронический эффект. См. Таривердиев:209; А. Найман:16 (выше).

*В «Евгении Онегине» меня так же, как сиена гибели Чапаева в фильме, потрясала дуэль. «Не разойтись ли любовно? Нет... Нет. Нет!» Я не мог понять, почему два прекрасных, умных человека не могут разойтись «любовно», а **должны** — вот именно **должны!** — стрелять друг в друга (Таривердиев:209).*

В деонтическом долженствовании разграничивают условное долженствование (*необходимо для чего?*) и безусловное (*неизбежно*)².

Ср. условное долженствование: А. Зубов:138; Кончаловский:250 (выше); безусловное долженствование: А. Зубов:136; М. Захаров:136 (выше).

*«Если **нужно**, - ответил на вопрос о вероятностной неудаче Белого движения генерал Лавр Корнилов, — мы покажем, как **должна умереть Русская Армия**». И — показали (Зубов:138).*

*И все же, пока жив человек, он **не должен** отчаиваться. Сколь бы ни были тяжки грехи, сама дрящущая его жизнь есть свидетельство надежды, свидетельство того, что Бог еще видит для грешника возможность исправления. Прошлую вину всегда **можно изгладить**, если страстно, в полноте сердца **пожелать** этого. Но для такого изглаживания прошлого **обязательно**, во-первых, осознание прошлых преступлений именно как преступлений, а во-вторых, ненависть к этим преступлениям, к себе самому как к их совершителю и жгучий стыд за*

---

² Неизбежность является одной из семантических разновидностей модальности необходимости. Неизбежность — это предопределенная необходимость (Чумакова 2001:43).

Ср. пример: «Человек **не мог не споткнуться** на этом пути в большую науку, **не мог не вспомнить** о том, что **предсказывали** чистые и высокие умы: к концу века армия и церковь с ее древними устаревшими догмами, правилами и уставами вступят в противоречие с общественной моралью, затормозят ход и развитие жизни **Предсказывалось**, как идеалистами, так и прагматиками: в новое столетие и тысячелетие человечество должно вступить единым коллективом. Без армий, без царей и королей. Единое земное государство должно иметь разумное мировое правительство, все люди должны наконец-то жить по Божьему велению, как братья. (Астафьев, Затеси, 1999, №8, 22).

*содянное. Именно это состояние наименовали греки μετανοια — изменение ума, а наши предки перевели словом **покаяние**.*

*Покаяние — это целая наука, и счастлив тот человек, который с детства навек в ней. Он знает, что уничтожиться зло **может** только искренней и ясной просьбой о прощении. Злодей, дабы перестать быть злодеем, **должен** при внутреннем желании к исправлению ясно и явно просить о прощении того, кому причинил он зло. Как, **казалось бы**, просто сказать «**прости** меня» - и как невероятно трудно искренно это сделать. Легче камни ворочать. Зло защищает себя, и кающемуся всегда **надо** немалым волевым усилием **разрушать** эти линии обороны, воздвигнутые из тщеславия, самолюбия, гордости, боязни «потерять лицо», «осквернить память прошлого». Но зато какая радость и легкость наполняют сердце, когда «волшебные слова» сказаны с последней прямой и прощение получено. Силы вливаются в раскаявшегося, в нем рождается явственное чувство свободы, подобное чувству полета во сне. Только плоды раскаяния — не сон, а явь. Покаяние— царский путь победы над всяческим злом и неправдой (Зубов:136).*

Большинство видов деонтического долженствования возникает с течением времени — в результате специального акта, устанавливающего норму. Подобные нормы Г.Х. фон Вригт (1986) называл позитивными. В исповедальной прозе подобные нормы могут послужить поводом для «столкновения» персонцентрических и социцентрических предписаний (Ср. различие слов *велено* и *положено*). См³ .:

---

³ 3 октября 1973 г.

*Нет, не могу я признать, что так все и должно быть в моей жизни. Не из самолюбия, не из повышенного представления о собственной личности, просто я не вижу в этом смысла, объективного смысла. Я делаю в кино вещи, которые работают на наш строй, а их портят, терзают, лишают смысла и положительной силы воздействия. И никто **не хочет заступиться**. Даже не понимают, зачем развожу я бессмысленную суету. Может быть, это отвечает новому правилу, чтобы интеллигенция ела свой хлеб со слезой? То, что делается у нас, так несозвучно всему остальному миру, его устремлениям, его обеспокоенности, его серьезным потугам найти выход. Наш трамвай чудовищно дергает, и пассажиры поминутно валятся то ничком, то навзничь. А смысла этих рывков никто не понимает.*

*У меня никогда и ничего не выйдет. Одного смирения мало, нужно прямое предательство, активное участие в подлостях. **Нужно** рубить головы стрельцам — так повелось еще со времен Петра. **Боюсь**, что с моей великой идеей прожить жизнь до конца порядочным человеком — ничего не выйдет. Порядочным человеком я-то останусь, но жизни не проживу — заглянусь до срока. (Нагибин:314-315).*

Напомним о противопоставлении *долга* и *обязанности* по фон Вригту, *обязанность* — это позитивная, а не моральная норма. См. Л. Бежин:101; см. выше Кончаловский:250; Леонов:257.

*... Он не чувствует себя настолько здоровым и крепким физически, чтобы надлежащим образом справляться с **обязанностями** монарха. Да, да, он не преувеличивает: физическое здоровье и крепость — одно из важнейших условий успешного царствования, особенно в их беспокойный век, его же силы, увы, слабеют, и он не в состоянии исполнить свои **обязанности** так, как их сам понимает. Вот почему он **считает за долг** и непреложно **решился** отказаться от престола, лишь только заметит по упадку своих сил, что настало тому время. Отказаться — в пользу великого князя Николая, потому что Константин, будучи одних с ним лет, в тех же семейных обстоятельствах, со врожденным сверх того отвращением от престола, **решительно не хочет** его наследовать. Итак, Николай **должен** наперед **знать**, что призывается в будущем к императорскому сану (Бежин:101).*

В исследовательском подходе А.Д. Кошелева для интерпретации концепта *долг* важно, какая (типичная) ситуация стоит за употреблением в высказывании лексемы *долг* (Кошелев 2000:121-124). Прежде всего, это 'внутреннее побуждение Х-а, продиктованное его совестью, осуществить некоторое неутилитарное действие (в интересах У-а)'. См. выше Нагибин:18. Требуется, чтобы Х был способен «выполнить долг» лишь посредством затраты каких-то важных для него собственных ресурсов. Иначе говоря, действия Х-а в защиту интересов У-а должны носить жертвенный характер. См⁴ .:

⁴

Послесловие

Как заметил читатель, я прежде всего пишу о людях. Люди — самое важное в моих воспоминаниях. Стремясь восстановить их индивидуальность, я **выполнял свой долг — сохранить о них память**. Сколько же их было? Как они были разнообразны и как интересны! Какую ценность представляет человеческая личность! Мне **надо было бы** систематически вести записи, ибо ради этих встреч стоит жить. И в основном люди — хорошие. Встречи в детстве, встречи в школьные и университетские годы, а затем время, проведенное мною на Соловках, подарили мне огромное богатство. Его не удалось

О семантике модальных предикатов долженствования см. Кобозева, Лауфер 1991.

При употреблении предиката «долженствования» необходимость действия может диктоваться как волей говорящего, так и внешними обстоятельствами. См. выше Кончаловский:250 (внешние обстоятельства); Довлатов:176-177 (внешние обстоятельства и воля говорящего)⁵.

Обращенные к собеседнику высказывания с модальными глаголами во 2 л. предназначены склонить его к выполнению действия, сближаясь по своим задачам с высказываниями в форме императивных предложений (**семантика воздействия**), но отличаясь от них стилистически, в чем отражается стремление говорящего смягчить форму своего воздействия на собеседника. Ср. Довлатов:176-177 (подкрепляется формой императива). Такое высказывание можно считать одним из способов выражения директива — речевого акта, используемого говорящим для побуждения слушающего к совершению некоторого действия.

При употреблении модальных глаголов в 1 л. ед.ч. в их семантической структуре главным актантом является говорящий, оценивающий свои возможности («Я могу...») или определяющий свою нравственную установку («Я должен...»). Адресат может быть как

---

*удержать в памяти все целиком. И это самая большая неудача в жизни. Остается надеяться, что мои воспоминания о них — не единственные. Но когда подумаешь о том, сколько хороших, душевно богатых людей не оставило о себе никакой памяти, становится **страшно**.* (Лихачев, 578).

⁵ **Окажись** вместо меня кто-то другой, я бы нашел простые и убедительные слова. **Я бы сказал:** «Твое положение безнадежно. Ты **должен** уйти. Мир полон жениц, которые тебя утешат. А **сейчас** — беги и не оглядывайся... Ты с детства ненавидел унижения. Так **не будь лакеем** и сейчас... Ты утверждаешь, что она жестока? Ты желал бы объясниться по-хорошему? Что же **может** быть хорошего в твоём положении? Зачем эти жалкие крохи доброты — тебе, которому она целиком принадлежала?.. Ты утверждаешь — значит, не было любви. Любовь была. Любовь ушла вперед, а ты отстал. Вон поскрипывает табличка. Кусок зеленой жести с номером троллейбуса. Троллейбуса, который отошел... Ты жалуешься — я, мол, не виноват. Ты перестал быть человеком, который ей необходим. **Разве** это не твоя вина?.. Ты удивляешься — как изменилась эта девушка! Как изменился мир вокруг! Свидетельствую — мир не изменился. Девушка осталась прежней — доброй, милой и немного кокетливой. Но увидит все это лишь человек, которому она принадлежит... А **ты уйдешь**». (Довлатов, т. 3:176-177).

конкретно референтным, так и представлять неопределенное множество субъектов. Наконец, он может формально вообще отсутствовать. На первый взгляд, мы имеем дело с речевыми актами, представляющими некоторое положение дел, - репрезентативами. Но сообщение говорящего о своих способностях или внутренней установке наиболее естественно в ситуации, когда это интересно для окружающих, иначе оказывается неоправданным данный речевой акт. Заявление говорящего о способности или решимости совершить действие свидетельствует о принятии им данного положения дел и его внутренней готовности к действию — ситуация, весьма сходная с той, которая в условиях искренности сопутствует обещанию выполнить действие. Это обстоятельство сближает высказывания, содержащие рассматриваемые предикаты в 1 л., с комиссивами — речевыми актами, возлагающими на говорящего обязательство совершить некоторое действие. См. Кончаловский:250 (выше).

Из форм выражения семантики долженствования особого внимания требует долженствовательное наклонение (Шведова Н.Ю.). О долженствовательном наклонении идет речь, когда «в формах императива нет значения волеизъявления, направленного от одного лица к другому, от говорящего к слушающему, от повелевающего к исполнителю: императив имеет <...> не «распорядительное», а «исполнительное» содержание; речь идет о том, что должно осуществляться — в силу чьих-то действий, какой-то вынуждающей ситуации или в силу сложившегося узуса...» (Шведова 1974:107).

Значение долженствования передается с помощью глагола мочь, выступающего обычно в качестве одного из наиболее регулярных средств выражения модального значения возможности: *ты не можешь сидеть здесь* = *ты не должен сидеть здесь*. См. выше Зубов:130; Захаров:137. Рассматриваемое значение отчетливо выступает также в конструкциях с

двойным отрицанием: *не может не приобрести* = *должен приобрести*. См. Астафьев:22 (выше): *не мог не споткнуться, не мог не вспомнить* = *должен*.

Случаи взаимного дублирования, а также случаи передачи значения долженствования (необходимости) с помощью языковых средств, служащих для выражения иных модальных значений, говорят о перекрещивании различных модальных семантик и подтверждают, что модальности необходимости, долженствования, волеизъявления, воздействия относятся к одному семантическому полю.

6.2.1.4. Текст — волеизъявление нормы: нормативно разрешено / запрещено

Взгляд на норму в связи с категорией модальности закономерен: любая норма действует в определенных условиях, в определенной мировоззренческой и правовой системе и при наличии определенных физических законов, т.е. в определенном возможном мире, а противопоставление актуального и возможного мира имеет модальный характер. Поэтому многие модальности строятся по модели «норма / отклонение (уклонение)». Нормативно-модальные значения образуются тогда, когда события, релевантные для одного возможного мира, рассматриваются с позиций другого мира, актуального для говорящего.

Отметим, что языковая модальность пересекается с нормой, но не поглощается ею. Объективная модальность предложения — это отнесенность ситуации к одному из возможных миров (что отражено в семантике наклонения — ядра ФСП модальности), но не ее естественность с точки зрения говорящего. Возможность рассмотрения так называемой субъективной модальности с этих позиций зависит от контекста. Но внутрисинтаксическая модальность явно ориентирована нормативно: ведь

она выражает именно **характер** связи между явлениями действительности, в частности, соотношение реального и ожидаемого (Вригт 1986).

Деонтическая логика — логика выполнения норм. Нормы (в ней) уподоблялись императивам, суждениям-оценкам, восклицаниям, т.е. сущностям, о которых нельзя было вполне ясно сказать, что они имеют истинностное значение. Г. фон Вригт считает, что «(подлинные) нормы не имеют истинностного значения» (Вригт 1986:170).

«Экзистенциальный статус моральных норм является наиболее сложным. Моральные кодексы, различные моральные запреты связаны с обычаем, а также с религиозными учениями и верой. См.^{1,2}

---

¹ *А насчет жены ближнего*

Из десяти заповедей для меня не все равноценны.

Я верю только в ту мораль, которую мне подсказывает мое чувство.

*Мое чувство подсказывает: **не убий**. Мое чувство говорит мне, что грех украсть у голодного кусок хлеба. Но оно не говорит мне, что грех у миллиардера украсть миллион. Это вовсе не значит, что я сторонник крадення этого миллиона, наоборот, противник. **Но это уже по соображениям не морального, а юридического характера.** Закон есть закон: укравший миллион совершил преступление. **Большое преступление, но малый грех.** А — кусок хлеба у голодного, малое преступление, но большой грех.*

Грех есть разбитие чужой семьи. Но если муж изменяет своей жене, то грех ли жене изменить такому мужу? И грех ли мужчине переспать с женщиной, которая изменяет мужу, который изменяет ей?

*Наши доморожденные моралисты говорили, что ни в коем случае **нельзя** желать жены друга, потому что в Библии сказано: **не пожелай** жены ближнего своего. Но в Библии, во-первых, ближним считается каждый человек вообще, а, во-вторых, мораль в подобной редакции звучит так, как если бы человек считал, что красть у друга нельзя, а не у друга можно.*

Среди моих знакомых, считающихся вполне приличными людьми, девяносто девять процентов мужчин спали с чужими женами и, соответственно, столько же процентов женщин спали с чужими мужьями. Они не убивали, не крали, не лжесвидетельствовали, но через эту заповедь переступали без большого смущения. Так кто же они — негодяи, или все же мы должны к их поведению отнестись снисходительно?

Вообще, на данном этапе нашей цивилизации некоторые моральные устои утратили свой абсолютный смысл, в их числе супружеская верность. Считать ее нарушением грехом или нет, зависит от конкретных отношений конкретной пары, от их взглядов на жизнь и прочих вещей. Есть пары, которые ищут другие пары для совместных сексуальных утех. Если всем четверым это нравится и никто никого не принуждает силой, то в чем тут грех?

Грех — намеренно причинять страдания.

Не убий, постарайся спасти погибающего, не отними кусок хлеба, не делай другому больно, не обидь. Я ненавижу убийц, воров, грабителей, насильников, взяточников, мародеров, лицемеров, ханжей, демагогов, шовинистов, националистов, политических авантюристов, с отвращением отношусь к тем, кто греет руки на больных, беззащитных, голодных и мертвых, наживается на чужом несчастье, присваивает себе чужие заслуги и так далее в этом духе.

А насчет жены ближнего, что ж... Если кому-то очень хочется, и она не против, и ее муж сам такой, то почему бы и нет? (Войнович:42-43).

² *Кстати, о Твардовском. Один из лучших видов воспитанности — крестьянская воспитанность. К сожалению, она проявляется лишь в таких важных и крайних случаях, как рождение или смерть. Все присутствующие на похоронах евреи, а их было большинство, находились в смятении, когда **надо** снять, а когда надеть шляпу, **можно** ли двигаться или **надо** стоять в скорбном безмолвии. Твардовский же во*

Г. фон Вригт ввел термин «аксиологические тексты» (тексты, реализующие ценностные концепты. — *T.P.*) и распределил аксиологические концепты между тремя основными категориями: 1) собственно оценки (*value— concepts*): хорошее и плохое, добро и зло; 2) нормативные концепты (обязанность, дозволенность, разрешенность, право); 3) концепты, относящиеся к человеческим действиям, поступкам: практическое рассуждение, намерение, мотив, воля, желание, цель, необходимость (Арутюнова 1988:7). Сейчас речь идет о нормативных концептах. И.Б. Шатуновский в статье «Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке» (Шатуновский 2000) указывает на то, что деонтические речевые акты разрешения и запрещения примыкают к РА побуждения. Принципиальной особенностью РА разрешения и запрещения, выводящей их за пределы собственно побуждений, является то, что они взаимодействуют с волей адресата (А). «А именно, есть РА, соотносительный с понятием «можно» — это *разрешение*, есть РА, соотносительный с понятием «нельзя» — *запрещение*, но нет РА, соотносительного с «должно» («обязан») — порождающего долженствование, обязанность сделать разрешенное (Р)». См. также Маслова 2001:131-134. Другая особенность РА разрешений и запрещений, связанная с первой и также выводящая их за пределы собственно побудительных актов, заключается в том, что разрешения и запрещения не непосредственно побуждают А делать или не делать Р, но сами по себе только каузируют, порождают деонтическую возможность или невозможность для А делать Р. Другими словами, условия, правила этой «языковой игры» (в смысле Витгенштейна) таковы, что РА Г (говорящего)

всех своих действиях был безукоризнен. Он точно вовремя обнажил голову, он надел шапку как раз тогда, когда это надо было сделать. Он подошел к гробу, когда стоять на месте было бы равнодушием к покойнику, он без всякого напряжения сохранял неподвижность соляного столпа, когда по народной традиции должен прилететь тихий ангел. Он даже закурил уместно — словно дав выход суровой мужской скорби (Нагибин:58-59 [похороны Платонова].

[Контекстуальное значение: надо = можно, надо = нельзя — значение формируется синтаксически, разделительным (альтернативным) союзом *или*].

дает право или не дает права А делать / сделать Р, и только во взаимодействии с волей А, направленной на осуществление Р, эти РА «предотвращают» или «вызывают» актуальное действие. См.:

*Все свыклись с тем, что помощи никому и ни от кого ждать не приходится: каждый за себя, каждый против всех. Классический социалдарвинизм стал законом жизни, и, несмотря на красивые дискуссии о необходимости новой российской идеологии, незаметно (вне дискуссий и до них) она уже родилась... Эгоизм как движущая сила прогресса — Россия наконец встала на этот путь, не заказанный никому, но не слишком перспективный для тех, кто ступни на него позже других... **Выживай** Россия, и **обогащайся!** Иного, как говорили прорабы перестройки плохого в идеально хорошее, не дано. А коли выживешь, да если еще и обогатишься, то образуется досуг. Дабы поразмышлять о принципах, о морали, о духовности. **Выживай, Россия! Обогащайся!** (Айзерман:162).*

«Сила», эффективность РА разрешений и запрещений проистекает из «превосходства» Г, расположенного выше А в той или иной иерархии. В этом отношении ситуация разрешения и запрещения подобна ситуации приказа. Однако если в прототипическом случае приказов Г и А — члены какой-то официальной организации, связанные эксплицитными иерархическими отношениями типа «начальник — подчиненный», то в случае разрешений и запрещений отношения между Г и А могут быть не столь формальны. Это могут быть, наряду с официальными иерархическими отношениями, отношения «родители — дети», «старшие дети — младшие», «хозяин кабинета — посетитель», «собственник вещи — несобственник» и т.д.

Гловинская М.Я. (Гловинская 1993:189) считает, что РА разрешения и запрещения «не вполне симметричны». Эта

несимметричность связана с различными отношениями с дискурсом. Разрешение в его первичной форме практически всегда реакция на предшествующую просьбу разрешить Р. Типичный сценарий разрешения: просьба А о разрешении — разрешение Г / отказ дать разрешение — действие / недействие, воздержание от действия А (или действие «не по правилам» - вопреки тому, что Г не разрешил А делать Р). См.:

*В конце ноября, через десяток дней после появления рассказа («Ив. Денис. »), художественный совет «Современника», выслушав мою пьесу («Олень и шалашовка», тоже смягченную из «Республики труда»), **настойчиво просил** разрешить им ставить **тотчас**, и труппа будет обедать и спать в театре, но за месяц берется ее поставить! И то было верное обещание, уж знаю этот театр. А я — **отказал...***

*Да почему же?? Ну, во-первых, я почувствовал, что для выхода в публичность нужна еще одна перепечатка пьесы, это — семь чистых дней, а при работе в школе и наплыве бездельно-восторженной переписки — как бы и не месяц. «Современник» шел и на это, пусть я текст доизменяю на ходу,— так я не мог бросить школу! **Да почему же?** а: как же так вдруг стать свободным человеком? вдруг да не иметь повседневных тяготящих обязанностей? И еще: как же ребяташек не довести до конца полугодия? кто же им оценки поставит? А тут еще, как назло, нагрянула в школу инспекторская комиссия именно на оставшийся месяц. Как же подвести директора, столько лет ко мне доброго, и ускользнуть? За неделю я мог дать «Современнику» текст, приготовленный к публичности; дважды в неделю мог выдавать по «облегченному» отрывку из «Круга» и читать их по радио, и давать интервью, - а я возился в школьной лаборатории, готовил ничтожные физические демонстрации, составлял поурочные планы, проверял тетради. Я был червь на космической орбите... (Солженицын:35-36). [Отказ — аргументы; разрешение не нуждается в аргументах].*

С. Попову

7. V.32. Москва

Эх, рановато было еще о «Мертвых Душах», дорогой Павел Сергеевич! Вы ломаете мой план. Но раз Вам угодно — извольте. Но потом все-таки я вернусь к «Дням Турбиных»... (Булгаков, т. 5:481). [Разрешение с оговоркой — нежелательно для говорящего, против его воли. Семантика разрешения / запрещения характерна для жанра писем, но не для мемуаров].

Иное дело с запрещениями: А не будет обращаться к Г с просьбой запретить ему делать то Р, которое он, А, хочет совершить. Поэтому запрещения в типичном случае делаются превентивно (опережающее действие противной стороны). См. Нагибин:189- 190 ³.

Помимо прямых, перформативных разрешений и запрещений, производимых посредством преформативов *разрешаю, не разрешаю, даю разрешение, запрещаю, запрещено, запрещается, воспрещено, воспрещается, позволяю, не позволяю*, имеется набор стандартных косвенных разрешений и запрещений, разрешительных, «неразрешительных» и запретительных формул. Наиболее распространены из них выражения с *можно* и *нельзя*. (В указанной выше работе

---

³ Как много случилось за месяцы, что я не вел записей. Последнюю я сделал, видимо, в конце октября или в начале ноября прошлого года, когда «Председатель» еще не вышел на экран. Все это время творилась мелкая, нервная, подлая, жалкая, изнурительная суетня. Картину сперва просто **решили не выпускать** на экран, потом ее искромсали и пустили по клубам, но в день премьеры, даже в самый час ее опять **запретили**; мы выступали перед зрителями в кинотеатре «Россия», а по всей Москве сдирали афиши с лицом Ульянова, сдерживали натянутые между домами плакаты, извежавшие о выходе фильма, рушили фанерные рекламные стенды.

Картину в конце концов **разрешили**. Она прошла с небывалым успехом, истинно народным. Не знаю, имела ли хоть одна наша картина такой успех. Может быть, «Броненосец «Потемкин», «Чапаев», «Путевка в жизнь». Ее просмотрели буквально все взрослые люди, ибо детям до шестнадцати лет на картину вход был **запрещен**. Почему? В картине нет никакой эротики, но есть **правда** о прошлом — да и только ли о прошлом? — а **это пострашнее альковных соблазнов. Правда приравнивается к порнографии**. Успех картины был настолько велик, что даже пресса, настроенная поначалу крайне враждебно, содлась и начала хвалить, сперва сквозь зубы, потом в захлеб.

Счастья все это мне не принесло, но было забавно, азартно и порой весело. В одном мои ожидания не оправдались. картину не пустили за рубеж, мечты ездить с нею по белу свету рухнули. Мне фатально не везет с поездками, как будто уже **не люди, а боги** наложили вето на мои попытки увидеть мир. (Нагибин: 189-190).

М.Я. Гловинской понятия «можно» и «нельзя» вообще кладутся в основу толкования запрещений и разрешений). Однако высказывания с *нельзя* и *можно* в первичном и буквальном значении являются дескриптивными (констативными, репрезентативными) высказываниями, говорящими о **невозможности** или **возможности** в каком-либо смысле делать Р.

Высказывания с **нельзя** и **можно** (**можете, можешь**) часто употребляются как запрещения и разрешения. Однако в этой своей функции они являются косвенными, переносными РА, и поэтому не могут быть экспликацией прямых, однозначных РА, выполняющих эту функцию независимо от контекста и ситуации; как и в других случаях косвенных РА, то, что это запрещение или разрешение, должно быть понято, выведено из ситуации и контекста; как все косвенные РА, они отличаются от прямых разрешений и запрещений. А именно: высказывания с *нельзя* и *можно* являются гораздо более широкими и диффузными актами: если *запрещаю* и *разрешаю* (*не разрешаю*) опираются только на личный авторитет и право Г, то *нельзя* и *можно* апеллируют или могут апеллировать одновременно и к каким-то общим моральным или юридическим правилам, и к утилитарным соображениям, и, среди прочего, к авторитету Г. Поэтому *Я запрещаю...* (*разрешаю, не разрешаю*) является само по себе произвольным актом, не требующим никаких дополнительных мотивировок (и поэтому часто вызывающим протест и избегаемым), в то же время *нельзя* (*можно*) предполагает ту или иную мотивировку, которая может быть эксплицирована в тексте. В этом смысле высказывание с *нельзя* является более сильным, веским актом, чем *запрещаю*. См. Войнович:42 (выше): **нельзя** — запрещение; Ю. Нагибин:18; 100 (выше): **нельзя** — **невозможно**; В. Розанов:153: **можно** — **возможно**⁴.

---

⁴ В самом конце жизни Достоевского, в пору писания Толстым «Анны Карениной», Толстой оказался не только «великим писателем земли русской», но и прескучным «толстовцем», маленьким нравоучителем

Если запрещения, как было отмечено выше, наиболее близки к отрицательным приказам, то разрешения из побудительных актов наиболее близки к одному из видов предложений. И разрешения, и предложения могут выражаться одними и теми же способами, в частности, формой повелительного наклонения и констатирующими высказываниями с *можете, можно*. Разграничение этих двух типов РА обеспечивается в таких случаях контекстом. Если это реакция на предшествующую просьбу о разрешении, то это разрешение: *Можно войти? Разрешите войти? — Входите!* (но не всегда: В. Войнович:42-43 (выше) — имплицитное моральное разрешение); если Г дает право А совершить Р по своей инициативе, не дожидаясь просьб А, то это предложение: *Входите! Проходите, садитесь! Пейте чай! Можете налить себе коньяку* и т.д. См.:

«В Вас большая возбудимость. Вы можете легко заплакать, легко рассмеяться. Вы постоянно краснеете и бледнеете. Я прожил уже долгую жизнь, я знаю, как трудно жить с этим постоянным отзвуком на все. Вам будет очень трудно. Может быть, труднее, чем многим. Поэтому я так на Вас смотрел. Мне было грустно. Но, знаете, есть защита — это работа. Работаете всегда, несмотря ни на что. Вы хорошо учились?» — «По гуманитарным хорошо». — «Запомните — главное работа. Да, старайтесь меньше разговаривать, дипломат Вы никакой, так что в основном, слушайте и молчите. С Вашей непосредственностью разговаривать много не надо. Ну, идите». (Дороница, 1996. №5:140).

«в чертковском духе» на темы евангельского морализма. Достоевский стал резко расходиться с ним. Но отчего? Достоевский так быстро и неожиданно скончался в 1882 году — от болезни совершенно случайной, отнюдь не достигнув полноты старости, - что этот вопрос о мотивах их расхождения, назревавший, но не созревший, не выразился ни в полемике, ни в толках общества, хотя все-таки он выразился, наметился несколько. Он заглох, затоптался в обществе глубоко взволнованном начавшимся быстро вслед за смертью Достоевского натиском революционной бури и, вместе, в сиянии толстовской славы. И вот умер Толстой, а буря разразилась. Теперь можно спросить: да отчего два эти писателя, «равно окрашенные в религиозную окраску», - разошлись? на чем они разошлись? (Розанов:153).

Еще одно сохраняющееся невидимое отличие между предложением и разрешением в этих случаях общее, рамочное правило, которое предписывает А не делать Р без санкции Г в ситуации разрешения относится к области этики; в ситуации предложения аналогичное правило относится к более низкому уровню этикета. Ср. М. Козаков:287-288; Е. Леонов:134 («Что за рожи ты там строил, что всем понравилось, покажи-ка»):.

Стало все разрешено, и безболезненно можно было не искать незаменимые слова, спекулировать чем попало: государственностью и антигосударственностью, почвенностью и беспочвенными рассуждениями, выпендриваться, ныть по поводу и без оно, шить модные штаны за машинкой «Зингер», строчить вирши для молоденьких недоумков, которым в кайф, что пришло время митрофанушкино: «Не хочу учиться, а хочу выпендриваться!» И пошла эквилибристика в неогороженном пространстве! И критикам лафа: есть о чем поговорить, самовыразиться, напридумывать, благо Бумага все стерпит — и митрофанушкину рифму, и скотининские рассуждения о ней... (Козаков:287-288).

По мнению И.А. Шаронова (Шаронов 1991), запрет есть подвид речевого акта приказа. Запрет — это приказ не совершать действие (прохибитив- побуждение к несовершению действия, см. Храковский, Володин 1986:93-96). Когнитивная категория, отражающая действие запрета, представляется неоднородной, иерархически организованной. Прототипом данной категории является запрещение. На основе различных общих атрибутов в нее могут быть включены приказ, просьба, угроза, намек и т.д., т.к. все эти высказывания могут иметь целью прекращение объектом какой-либо деятельности и выражать различную степень запрета.

Высказывание запрета не всегда содержит глагол в повелительном наклонении. В качестве периферийных членов в категорию запрета могут

быть также включены действия, выраженные сослагательным (*Я бы не советовали тебе это делать*) или изъявительным наклонением (*Ты сейчас же прекратишь!*). Данные примеры подтверждают положение о размытости границ категории. Ср. М. Булгаков:533 (= запрещаю переделывать).

К С. Станиславскому.

Москва, 22 апреля 1935 г.

Многоуважаемый Константин Сергеевич!

Сегодня я получил выписку из протокола репетиции «Мольера» от 17.IV.35, присланную мне из Театра.

*Ознакомившись с нею, я **вынужден категорически отказаться** от переделок моей пьесы «Мольер», т.к. намеченные в протоколе изменения по сцене Кабалы, а также и ранее намеченные текстовые изменения по другим сценам окончательно, как я убедился, нарушают мой худ-й замысел и ведут к сочинению какой-то новой пьесы, которую я писать не могу, т.к. в корне с нею **не согласен**.*

*Если Художественному Театру «Мольер» не подходит в том виде, как он есть, хотя Театр и принимал его именно в этом виде и репетировал в течение нескольких лет, я **прошу** Вас «Мольера» снять и вернуть мне.*

Уважающий Вас

М Булгаков. (Булгаков, т. 5;533).

Внутренняя структура когнитивной категории запрета, контекстуально зависима и отражает социальные и культурные характеристики субъекта и объекта действия (ср. категоричность запрета, выраженного формами сослагательного наклонения и изъявительного наклонения) (Ломакина 2000:225- 227).

И.А. Шаронов считает также, что семантическое основание «исполнитель будущего действия не имеет права приступить к исполнению действия без позволения / согласия другого лица, находящегося в приоритетной позиции» сближает речевой акт разрешения с речевым актом приглашения.

Можно сделать вывод, что семантика разрешения и запрещения — это социально и жанрово обусловленная семантика. В нашем материале практически отсутствуют прямые РА разрешения / запрещения. Рассмотренная семантика если и актуальна, то только для жанра писем.

6.2.2. Текст-воздействие

Как уже было сказано, различие семантики волеизъявления / воздействия зависит от интенциональной направленности высказывания. К текстам—воздействия мы относим тексты с семантической доминантой просьбы—приказа (указанные оппозиции включают совет, предложение, мольбу, приглашение).

Модальность воздействия связана с РА убеждения, перформативами *прошу / требую*, которые в строгом коммуникативно-грамматическом смысле не относятся к сфере субъективной модальности. Но в сфере семантики, как уже говорилось, РА, перформативы, модальность пересекаются на уровне языковых средств и прагматических функций. Соотносятся основное понятие теории РА иллокутивная сила и модальность в широком смысле (Теория функциональной грамматики 1990:67-68).

С нашей точки зрения, модальности воздействия связаны с РА убеждения. РА убеждения эксплицируется глаголами *убеждать / убедить*. Аргументы, используемые в РА убеждения, могут воздействовать не только на сознание, но и на волю, и на эмоции адресата (ср.

Достоевский:375-376¹), в отличие, например, от доказательства, где аргументы носят чисто ментальный характер. Другое отличие: доказать что-то можно только с помощью истинных аргументов, а убедить можно и с помощью фальшивых. Для убеждения чрезвычайно важна внешняя сторона подачи аргументов — тон, интонация, эмоциональность изложения. Доказывание, напротив, характеризуется с точки зрения внутреннего построения аргументации и с точки зрения убедительности, окончательности результата. Хотя и в убеждении тезис перспективен в отношении адресата: адресат должен воспринять тезис как руководство к действию.

Аргументация, используемая при убеждении / воздействии, сближает данный тип текста с утверждением / отрицанием, но семы побуждения и эмотивности позволяют выделить его в отдельный тип.

«Побудительный дискурс, - пишет У. Эко, - неоднороден, в нем есть различия, целая гамма оттенков — от самых честных и благородных побуждений до прямого обмана. Иными словами, от философского

---

¹ А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, - я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам **почти** так же всем дорога, как Россия; в ней все Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама. Как же быть?

Стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего **надо** каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвертывались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина, нас сочтут тогда за людей, а не за международную обимыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма. Мы и говорить будем с ними умнее теперешнего, потому что в народе нашем и в духе его отыщем новые слова, которые уж непременно станут европейцам понятнее. Да и сами мы поймем тогда, что многое **из** того, что мы презирали в народе нашем, есть не тьма, а именно свет, не глупость, а именно ум, а поняв это, мы непременно произнесем в Европе такое слово, которого там еще не слышали. Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, - единение любви, **гарантированное** уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов... А впрочем, неужели и впрямь я хотел кого убедить. Это была шутка. Но — слаб человек: авось прочтет кто-нибудь из подростков, из юного поколения... (Достоевский:375-376).

дискурса до техники *пропаганды* и способов манипулирования общественным мнением» (Эко 1998:99).

Для того чтобы убедить адресата, автор должен суметь показать, что его выводы основываются на таких предпосылках, которые для него бесспорны, и сделать это так, чтобы ни у кого не закралось и тени сомнения по поводу его аргументации. Следовательно, и посылки и аргументы принадлежат и составляют тот способ мышления, в чьей основательности слушатель заранее был уверен. В качестве таких посылок могут использоваться назидательные примеры, ссылки на авторитет (косвенное, завуалированное побуждение), особенно частые в пропагандистском дискурсе и — ныне — в рекламе. Это касается и жанра исповеди — саморекламы. См. Вознесенский:13.

«Художник, - говорил он (Б. Пастернак), — по сути своей оптимистичен. Оптимистична сущность творчества. Даже когда пишешь вещи трагические, ты должен писать сильно, а унынье и размазня не рожают произведения силы» (Вознесенский:13).

Но для того чтобы вообще в чем-то убедить адресата, надо сначала привлечь его внимание, чему служат тропы и стилистические фигуры, благодаря которым речь поражает своей новизной и необычностью и оказывается информативной.

6.2.2.1. Текст с семантической доминантой просьбы

Просьба — самый распространенный и социально принятый тип побуждения к действию среди перечисленных в группе. Просьба, ставя просителя ниже адресата данного речевого акта, апеллирует к любезности слушающего, его готовности пойти навстречу желанию говорящего. Обычно отмечается, что адресат просьбы может сделать, а может и не

сделать то, что желает говорящий. На основании негласного кодекса предполагается, что выполнение просьбы должно приводить к акту благодарности и исполнитель просьбы получает ответное право просить о любезности. Просьба — наиболее вежливая форма взаимодействия коммуникантов побудительного типа, поэтому ее стараются придерживаться и в случаях более высокой субординации говорящего относительно слушающего. Правильная (удачная) стратегия говорящего при осуществлении акта просьбы способствует наряду с выполнением социальных задач также осуществлению коммуникативной задачи — акта согласия или выполнения желаемого. Просьба, как коммуникативный акт, изучалась как лингвистами, работающими на русском материале (М.Г. Безяева, Е.А. Брызгунова, Н.И. Формановская, А.П. Володин, В.С. Храковский, Е.П. Савельева, Е.В. Падучева, Т.В. Булыгина, Д.И. Шмелев), так и лингвистами, исследующими материал других языков (Д. Гордон, Дж. Лакофф, А. Вежбицкая). Реализация просьбы в русском языке связана с рядом особенностей. К числу этих особенностей относятся, например, ограниченность использования в русском языке эксплицитного способа по сравнению с имплицитным и коммуникативным дублированием; различная «мотивированность» (экспликация разных коммуникативных составляющих) в конструкциях с эксплицитным способом формирования по сравнению с другими языками (например, нетипичность использования конструкций с «просить» и «хотеть» при выражении собственно просьбы). Особенности заключаются и в многозначности лексико-грамматических составов и в различном типе соотношения средств разных уровней языка при имплицитном способе формирования (активизация взаимодействия лексики, синтаксиса, интонации, а также контекстуальных связей в русском языке). Наиболее существенной особенностью является выражение различных оттенков коммуникативных значений, реализуемых в конструкциях русского

вариативного ряда (например, учет ориентации на отказ, связанный с различными причинами, а именно наличие препятствий, нежелание слушающего и т.д.). Особенностью вариативного ряда русского языка является и распределение конструкций по тем или иным сферам общения (например, закреплённость конструкций с эксплицитным способом формирования за официальной сферой общения; при нарушении же этой связи происходит мена коммуникативного задания). Одной из особенностей русских конструкций является возможность совмещения ряда значений (например, просьбы о действии и просьбы о разрешении и т.д.).

«Просьба — это выражение желания говорящего, чтобы слушающий совершил то или иное действие, которое он может, но не должен, не обязан совершать, что, в свою очередь, зависит от его желания (при условии, что исполнитель и слушающий — одно и то же лицо)» (Безаева 1998). Данное универсальное значение можно выразить различными способами: эксплицитным, имплицитным, коммуникативным дублированием.

Укажем эксплицитные средства.

Во-первых, используются конструкции с глаголами *просить*, *мочь*, *хотеть*, которые тяготеют к высоким этикетным формулам, к официально- деловой, научной сфере общения (оттенок официального требования). Значительно чаще, например в условиях бытовой речи, анализируемые конструкции передают в русском языке не просьбу, а резкое раздражение (*Прошу принести второе*; *прошу* + инфинитив глагола каузируемого действия (к.д.) обычно совершенного вида+ ИК₁ или ИК₂).

При употреблении глагола *просить* в форме сослагательного наклонения + инфинитив совершенного вида к.д., взаимодействующих с ИК₁ или ИК₂, часто усиливается раздраженность либо холодность требования.

Иное значение реализуется с помощью формулы «Прошу + глагол к.д. совершенного вида в императивной форме 2-го лица при обычном двусинтагменном оформлении». Эта формула передает значение, близкое к просьбе, однако осложняется дополнительным оттенком **мольбы**, т.е. при осознании возможности отказа предельной заинтересованности и важности для говорящего выполнения действия адресата. Ср.: - *Прошу передать записку*^{1/2}. — *Прошу*², *передай*^{2/3} записку. Ср.:

Н.А. Булгакову.

6. V.1932 г. Москва.

Дорогой Коля,

прошу тебя помочь мне вот в каком деле. Издательство S. Fischer- Verlag, Berlin, № 57, Bulowstr, 90, с которым я связан договором по охране за границей моей пьесы «Дни Турбиных», прислало мне письмо, в котором сообщает, что некий г. Greanin, предъявив в Societe des auteurs et compositeurs dramatiques полномочие (?!) со стороны автора, получил 3000 франков за меня!

1) Никакого г. Greanin (15 Rue Louis Philippe a" Neuilly-sur-Seine) я не знаю. (Во-первых, он Гренин, Греанин или Грэнэн?).

2) Никакого полномочия я ему не давал. Убедительно прошу узнать в Societe, что означает все это. Сообщить Societe, что г. Greanin ничего получать за меня не может, т.к. никакой доверенности у него от меня нет.

*Я завтра отправляю в Societe письмо об этом. Копию тебе. Побывай у Бинштока (236, Boulevard Raspail), **быть может**, он поможет выяснить это дело.*

*Что со мною вообще делают за границей?! Помнишь, ты мне писал, что какие-то лица не понравились тебе вокруг моей пьесы. Кто? Что? Пиши точно, укажи фамилии. **Пожалуйста. Помози мне***

прекратить эти атаки на мой гонорар и в первую очередь срочно разъяснить этого господина Greanin.

Прости за беспокойство.

Целую тебя и Ивана.

Твой Михаил. (Булгаков, т. 5:480).

Отенок мольбы особенно усиливается при взаимодействии глагола в форме императива с ИК₂, хотя и при ИК₃ это коммуникативное задание остается. Связь данного соотношения средств с анализируемым коммуникативным заданием является особенностью русского языка.

Надо сказать, что речевые акты **мольба** и **требование** выделяются как самостоятельные скорее, по традиции (Шаронов 1991:149). Их можно считать и вариациями просьбы, тактическими модификациями, служащими для достижения результата. Мольба отличается от просьбы интенсивностью побуждения. При этом интенсивность выражается через некоторое унижение говорящего перед слушающим. Молящий о помощи эмоционально раскрывает перед слушающим свою зависимость от него и все негативные последствия, которые будут иметь место в случае неосуществления желаемого действия. Ср. жанр молитвы Ч. Айтматов¹.

---

¹ *Еще только светает в небе, и пока мир спит перед восходом солнца, обращаю к тебе, **Всевидящий и Всеблагий**, свою насущную молитву. Прости, о Господи, что своеволие проявляю и прежде вспоминаю не о тебе.*

*Ты, **Сострадающий, Благословенный, Правый, прости** меня, что досаждаю тебе обращениями неотступными. В мольбе моей своекорыстия нет — я не прошу и толики благ земных и не молю о продлении дней своих. Лишь о спасении душ людских взывать не перестану. Ты, **Всепрощающий**, не оставляй в неведении нас, не позволяй нам оправданий искать себе в сомкнутости добра и зла на свете. Прозрение ниспошли людскому роду. Жребий наш Тебе **определять, Творец Невидимый и Необъятный**.*

*Прошу лишь об одном, яви такие чудо: пусть наш корабль **плывет** все тем же курсом прежним изо дня в день, из ночи в ночь, покуда день и ночь сменяются определенным Тобою чередом в космическом вращении Земли. Пусть он **плывет**, корабль тот, при навсегда зачехленных стволах из океана в океан, и чтобы волны **бились** о корму и **слышался** бы несмолкаемый их мощный гул и грохот. Вот и все, более ничего **не прошу** в молитве своей ноче-дневной. И ты **прости, Всеблагий и Милосердный**, что **докучаю просьбою** странной, **молитвой** о затонувшем корабле. Но Ты — твердыня всех надежд высоких, земных и неземных. Ты был и останешься Вездесущим, Всемогущим и Сострадающим началом всех начал. И потому с **мольбой** к Тебе идем как в прошлом, так и ныне и в грядущих днях. И потому, когда меня не станет и некому будет просить, **пусть** тот корабль **плывет** по океану и за пределом вечности. **Аминь!** Ч. Айтматов [Языковые средства, характерные для молитвы:*

Сильное воздействие на слушающего при побуждении оказывает употребление перформатива *Я умоляю*.

Из исследуемого материала очевидно, что русский язык не любит «мотивировать», использовать конструкции с глаголом *просить* для выражения просьбы, однако охотно использует эти конструкции для выражения других коммуникативных заданий (требование, мольба, приглашение). Эксплицирование желания говорящего возможно лишь в высокоэтикетной формуле глагол «*хотеть* в 1 лице обычно ед.ч. + любой глагол, называющий коммуникативное задание, в данном случае просьбу, + глагол к.д. сов. вида» типа: *Я хочу попросить Вас (реже просить Вас)...»*

Кажется, только в России политические ораторы часто говорят «мы» и так редко говорят «я». Сколько раз произносилось на разных трибунах: «Тогда мы верили в возможность построения коммунистического общества, тогда мы верили в правоту нашей партии». Каждый раз хотелось прервать оратора и попросить его: «Не говорите «Мы верили», скажите «Я верил»! Если прежде люди с вами не спорили, это вовсе не означало, что они с вами, коммунистами, соглашались. Молчание не было знаком согласия! Оно означало лишь отсутствие свободы слова» (Тхоржевский:51).

Возможна не только глагольная, но и именная экспликация одной из составляющих коммуникативного задания. В частности, это конструкции «Просьба + инфинитив глагола к.д. обычно сов. вида» и «Просьба + глагол к.д. сов. вида в императивной форме 2-го лица».

Наиболее употребительными конструкциями с эксплицитным выражением одной из составляющих коммуникативного задания в русском

обращения, глаголы в повелительном наклонении со значением просьбы, пожелания, оптатив, побудительные предложения, этикетные формулы].

языке являются конструкции с глаголом «мочь». Одной из наименее распространенных, но наиболее маркированных как высокоэтикетная является конструкция, в которой глагол *мочь* употреблен в форме 2-го лица мн. (реже ед.) числа настоящего времени + инфинитив гл. к.д. сов.в. + ИК₂ (ИК₄, ИК₅) в формуле с частицами «не» и «ли».

Отмеченной повышенной степенью вежливости является конструкция с: частицей «не + глагол «мочь» в форме мн. (возможно ед.) числа сослагательного наклонения с ИЦ ИК₃ + инф. гл. к.д. сов. вида при препозитивном личном местоимении 2-го лица мн. или ед. числа типа: «Вы не могли бы перезвонить завтра?»

В конструкциях «Вам не трудно переписать эту бумагу еще раз?» или «Вас не затруднит пересесть на третий ряд?», хотя и эксплицирована возможность затруднений у слушающего при выполнении просьбы, однако просьба носит достаточно настойчивый характер.

В русском языке при выражении волеизъявление / воздействия, представленного в конструкциях с глаголами в повелительном наклонении, присутствуют лексические средства вежливости. Но как экспликация коммуникативного задания не всегда говорит нам о его реализации в высказывании, так и наличие средств вежливости далеко не всегда передает вежливую просьбу. Так, например, в конструкциях с высокоэтикетными «будьте любезны» и «будьте добры» при следовании за ними формы императива глагола к.д. передается достаточно официальная просьба либо просьба при наличии социальной или возрастной дистанции между говорящим и слушающим независимо от обращения на «ты» или «вы», а при следовании за ними глагола в инфинитивной форме в русском языке может передаваться вежливый приказ («Будьте любезны перепечатать») либо, значительно частотнее, раздраженное требование

типа «*Будьте любезны не перебивать*» и т.д. Ср. Войнович:12-13² (социальная дистанция, хотя на «ты» - семантика гл. *поспособствуй* смягчает официальность).

Одной из особенностей русской просьбы о действии является расширение ее функционирования в типовых речевых ситуациях. Примером является ситуация прощания: *До свидания, звоните, заходите*, а также этикетная формула извинения 'прости' — является просьбой о прощении (*прошу простить*) и РА извинения. См.:

*Затем вышел Ковалевский старый мальчик, и сказал голосом ясным, твердым, хорошо, по-мужски взволнованным: - Андрей Платонович! — это прозвучало как зов, который может быть услышан, а возможно, и был услышан. — Андрей Платонович, прощай. Это просто русское слово «**прощай**», «**прости**» я говорю в его прямом смысле. **Прости** нас, твоих друзей, любивших тебя сильно, но не так, как надо было любить тебя, **прости**, что мы не помогли тебе, не поддержали тебя в твоей трудной жизни. Андрей Платонович, **прощай!**... (Нагибин:57-58).*

В данном случае мы имеем дело с намеренной этимологизацией ЛСВ слова *простить*. Извлекая этимологическую информацию из слова, сталкивая разные его значения, автор тем самым создает модально-эстетическую доминанту текстового фрагмента: пов. накл. **прости (те)**

---

² *Да, дорогие, вы правильно заподозрили, надумала и я на старости стать, прости Господи, писательницей. Живя в нашем мраке и совсем ошалевши от всего, свалившегося на мою голову с покрашенными сединами, решила я описать свою бабскую жизнь такой, какой она была и пока еще есть, и с первой страницы поняла, что если описывать ее в рамках, дозволенных общей цензурой, то и за дело приниматься нечего, она вся состоит из действий, явлений, мыслей и слов, ни с какой цензурой не совместимых и не передаваемых намеками, многоточиями и эвфемизмами. Насчет последнего я как раз очень сильно старалась и избегала описания некоторых положений и употребления крепких слов, но потом подумала: а как же я опишу свою жизнь и жизнь своих знакомых, если в нашем кругу писателей, ученых, переводчиков, литературоведов, людей в высшей степени интеллигентных и образованных, все без исключения и давным-давно вышли за пределы нормативной лексики? Так что, если попытаться наши разговоры изобразить средствами, допускаемыми цензурой, они превратятся в сплошное многоточие, соединяемое изредка предложениями и приставками. Я долго над этой проблемой мучилась, даже, можно сказать, извелась ею. Описание любого дня моей жизни немедленно приближала меня к тому или иному табу, через которое я по природной робости не осмеливалась переступить. ...Если, Володя, ты меня **не осудишь** и **найдешь** мою писанину достойной печатного станка, то, **будь добр, посспособствуй** этому под указанным псевдонимом. Он мне нравится тем, что пошловат и загадочен... (Войнович:12-13).*

употр. в знач. прощай (устар.) (прощай навсегда); сказать **Последнее прости** — проститься навеки (с умершим) // несов. прощать, к знач.: Не поставить в вину чего-н.; Освободить от какого-н. обязательства (Ожегов 1984:539). Буквально: «освободить от долгов, грехов и т.п.» (Шанский, Иванов 1971:370).

В заключение необходимо сказать, что семантика просьбы как модальная доминанта характерна для жанра писем, молитвы и менее — для исповеди в другой форме.

6.2.2.2. Текст — побуждение к совместному действию

Для некоторых жанровых разновидностей исповеди актуальна семантика побуждения к совместному действию 1-го и 2-го лица, когда в совершении каузируемого действия планируется участие самого Г вместе с А, то есть в качестве исполнителя действия выступают совместно Г и его собеседник (Белошапкина, Саранцацрал 1994:55-59). Модальность приглашения и предложения связана, в первую очередь, с жанром «прогулок», путешествий (В. Некрасов «Записки зеваки», В. Прокофьев «По Италии», Л. Бежин «Усыпальница без праха. Записки сентиментального созерцателя»), раздумий, совместных рассуждений, эссе (В. Белов «Раздумья на родине», А. Зубов «Сорок дней или сорок лет?», И. Иволгин «Из России — с любовью?» и др.), писем (А. Тарковский, Е. Леонов). Определяющей чертой коммуникативной ситуации побуждения к совместному действию является полное равенство ее участников (Г и А) в процессе общения и следующем за ним процессе исполнения каузируемого действия: они оба заинтересованы в его осуществлении, одинаково участвуют в нем и одинаково несут ответственность за его последствия. В границах побуждения к

совместному действию есть основания различать два подкласса — две семантико-прагматические разновидности: приглашение и призыв.

Приглашения имеют место преимущественного в неофициальной обстановке и реализуются в стимулирующих репликах диалога. И Г, и А в этом случае — конкретные люди. **Призывы** же имеют место только в специфическом речевом жанре лозунга, для которого характерно не конкретное, а обобщенное представление Г и А, также в публицистическом жанре, обращенном к обобщенному адресату.

Из форм выражения побуждения к совместному действию следует указать такие, как формы глагола 1 л. мн.ч. наст. / буд. времени изъяв. накл.; аналитические формы с частицей *давай (те)*; формы прошед. вр. глаголов изъяв. накл., перформативные глаголы *приглашать, предлагать, призывать*; вопросительные предложения (*Не пойти ли нам в кино?*); частицы *же, ну-ка*; слова *пожалуйста, может быть*.

Приглашение с точки зрения вежливости занимает высокую позицию, т.к. адресат побуждается к благоприятному для него действию. Кроме определенной кодифицированности, ритуализированности, данный РА отличается от разрешения еще и тем, что не бывает обычной реактивной репликой.

Стандартная форма приглашения — высказывание с НСВ императива.

В качестве приглашения интерпретируется обычно ограниченное количество побуждаемых действий, которые связаны с тем или иным перемещением адресата, приятным для него и вводящим его в контакт с говорящим (в зону «владений» говорящего): *зайти в гости, сесть, прилечь и т.п.* В других ситуациях семантически близкое приглашению побуждение называют РА предложения.

Предложение — наиболее «богатый» выражающими его грамматическими формами речевой акт. Он представлен формами

императива, конструкцией «давай + индикатив 1-го лица ед. / мн.ч. буд. вр.» с повествовательной и вопросительной интонацией, формами императива и другими формам Широка использования грамматических средств объясняется, в частности, тем, что для данного РА снимается до определенной степени семантическое ограничение: «действие совершается адресатом сообщения». Говорящий может вызваться самостоятельно выполнить действие, нужное для слушающего.

Ожидание говорящего, что адресат будет выполнять желаемое действие, другими словами, каузативная сила предложения основывается на том что результаты данного действия мыслятся не менее необходимыми / полезными для слушателя, чем для автора предложения.

Под предложением часто понимается взаимовыгодная сделка, в которой учитываются интересы обеих сторон. Отношения коммуникантов в речевом акте предложения равные, и этот признак может оказаться решающим при интерпретации побудительного высказывания. См.:

*Загляните в глаза бурому медведю, поднявшемуся на задние лапы, и вам даже в голову не придет водрузить на его передние лапы какой-нибудь оловянный халдейский поднос, — такая ярость затаилась в этих стеклянных глазах, такая жуткая решимость запечатлелась во всей его фигуре, такое злобное бесстрашие подняло его на дыбы и подняло дыбом шерсть на его загривке... **Проследите** взгляд волчицы, обращенный на ее бестолковых пегих щенков: вроде бы и сонный, вроде бы спокойный, но исподволь излучающий страх одиночества, неизбежного, **если не удастся их уберечь** от холода, голода, от смертельных врагов, - и вас вдруг смутит настороженное чувство родства. **Не старайтесь объяснить** его себе. **И не бойтесь** его. **Гоните** его. **Отдохните** душой в обществе енотовидной собаки — с виду беззаботного и, похоже, глуповатого существа (Дмитриев:19).*

Довольно часто говорящий предлагает слушающему выполнить будущее действие совместно, и это находит выражение в употреблении инклюзивных побудительных форм с частицей *давай (те)* или без нее, с вопросительной или повествовательной интонацией. Индикативные формы будущего времени не кажутся невежливыми в РА предложения, вследствие и благодаря наличию вопросительной интонации, позволяющей воспринять побуждение как вопрос, а также ввиду того, что говорящий берет на себя обязательства принять участие в желаемом (полезном) для обоих коммуникантов действии совместно со слушающим. Из всех возможных грамматических форм, использующихся в РА предложения особенно активны следующие: инклюзивные формы, императивы в **СВ** и **НСВ**, оптативы; кроме того, РА предложения выражается перформативными формулами.

Инклюзивные формы: *давай (те) пройдемся; пешком пойдём* и др. В речевом акте вежливого предложения побуждение совершить данное действие обычно бывает подкреплено контекстом, стимулирующим это действие, что и порождает **НСВ**: *Проходите, раздевайтесь...*

Если говорящий не представляет свое побуждение как обусловленное ситуацией, то более естественен СВ, даже если побуждение делается в вежливой форме: *Давайте подождем здесь. Сядьте!*

Формы НСВ императива чаще встречаются в ситуациях, близких приглашениям и разрешениям.

Формы оптатива, являясь наименее категоричными, используются при учете возможного несовпадения мнений коммуникантов относительно бенефактивности предлагаемого действия для слушающего. Например, «Но у Достоевского собственное воображение героев столь же всесильно, как и серийные телевизионные чары: **полагаем**, автора «Записок из подполья» **можно было бы причислить** к основоположникам виртуального реализма» (Иволгин:232). Ср. также М. Захаров:109-110:

Это у меня публицистически завуалированный укор замечательному артисту, с которым так плотно связана моя судьба, — не грех бы слегка притормозить, поостеречься. Может быть, не во всех «досье» надо сниматься?!.. Такая у меня легкомысленная и самонадеянная поза: дескать, прочтет, задумается. К сожалению, ни того, ни другого не сделает. Некогда (Захаров:109-110).

Из перформативных и близких перформативным формул наиболее распространенная *Я предлагаю*. Другие формулы (*Я предложил бы, хочу предложить, могу предложить*) встречаются реже.

6.2.2.3. Текст с семантической доминантой совета

Подобная доминанта характерна для жанра письма, для текстов, отражающих восприятие ситуации от лица ее участника.

Совет «представляет собой не попытку заставить тебя что-то делать в том смысле, в каком это можно сказать о просьбе. Совет напоминает сообщение тебе того, что будет для тебя лучше всего» (Серль 1969:67).

Отличие совета от других побудительных РА заключается только в том, что совет **маркирован** по отсутствию личной заинтересованности (выгоды) говорящего в осуществлении действия, и вообще по участию говорящего в событии, описываемом в пропозиции.

Совет часто — реактивный РА. Ему может предшествовать просьба о совете. См.:

Андрюша, ты люби меня, как я люблю тебя. Ты знаешь, это какое богатство — любовь (Леонов:134).

Советующий должен обладать компетентностью в рассматриваемой проблеме. Он несет до некоторой степени моральную ответственность за

результат. Некомпетентность советуемого может привести речевой акт совета к коммуникативной неудаче. См.:

Неглупый, хитрый, осторожный Дудин ко мне относился хорошо.

*Учил жить. Говорил: - У тебя все складывается отлично, лучше не бывает. **Чего ты ерепенишься? Веди** себя в театре тише воды ниже травы, и все будет о' кей. Роли тебе дают, тарификацию подбросили, **вступи** в партию — получишь звание... Софроновым он, видишь, недоволен! **Высказываешься, трепешься при всех...** А люди, знаешь, какие? Тебе завидуют, Гамлета играешь, статьи о тебе пишут, киноартист... Дурак ты!*

- Владимир Федорович, вы что, сами не понимаете, что пьеса Софронова — это подлянка и вообще дерьмо? Ну как мне играть этого Медного? Художник-абстракционист, - значит, подонок и пьяница... Ну как я в глаза людям буду смотреть? <... > (Козаков:77-78).

Сила каузации в речевом акте совета (как и в предложении) — апелляция к выгоде слушающего — очень невелика. В речевом акте совета используются грамматические формы СВ и НСВ императива (выражающие соответственно относительно большую и минимальную степень желания говорящего относительно выполнения действия), формы оптатива. Из всех перформативных побудительных формул формулы (Я) *советую, посоветую, посоветовал бы* — одни из наиболее часто встречающихся в текстах. См.:

*Народ **чист сердцем**, но ему нужно образование. Но **чистые сердцем** поднимаются и в нашей среде — и вот что самое важное! Вот этому **надо поверить** прежде всего, это надобно уметь разглядеть. А **чистым сердцем** один совет: самообладание и самообладание прежде всякого первого шага. **Исполни** сам на себе прежде, чем других заставлять, — вот в чем вся тайна первого шага (Достоевский:418).*

Как считает Е.В. Падучева, для речевого акта совета форма СВ естественнее, чем НСВ. Советчик, в принципе, должен сообщить адресату неизвестную ему информацию, т.е. предложить ему некое новое действие, не вытекающее из ситуации с очевидностью; кроме того, мотивировкой побуждения адресата к данному действию должно быть то, что оно принесет ему пользу, а не то, что это действие само собой разумеется в данной ситуации. Таким образом, семантика РА совета противоречит компоненту «обусловленность действия ситуацией» в характеристике НСВ императива (Падучева 1996:76). Но в проанализированных нами текстах семантика совета как раз обуславливается определенной ситуацией, поэтому употребляется форма НСВ. См.:

*Ты очень обидчивый, Андрюша, я даже не представляю, что ты будешь делать, если режиссер начнет тебя ругать. Вот Гончаров вовсю кричит — ну и что? Когда я был молодой, меня это вдохновляло, и в Театре имени Маяковского когда я работал, он кричал, а меня это дисциплинировало, я неожиданные интонации искал. И еще: не будь **самолюбивым**. А ты самолюбив, этого не поправишь, ты белеешь, может, это даже честолубие. Ты упрямый, но, может, это только со мной? Больше себя **люби профессию**, она такая прекрасная, столько ты увидишь в жизни интересного. И еще: **никогда не завидуй**, особенно в театре это заметно — ему прибавили пять рублей ему дали главную роль, а мне нет. Мне понравилось, что к предложению сниматься ты отнесся сдержанно: «сценарий не очень», «мы поправили сценарий, он стал лучше». Самолюбие в хорошем направлении неплохое дело. Так что **держись спокойнее, не спеши, не суетись...***

Отец (Леонов:161).

Как уже указывалось в лингвистической литературе, негация, выражаемая отрицательной частицей при глаголе *советовать* (включая и

его перформативное употребление) относится не к иллокутивной, а к пропозициональной части семантического представления глагола. Другими словами, **не советовать делать что-либо = советовать не делать что-либо**: *Вы знаете, я вам не советую этого делать... Зачем вам портить карьеру? Послушайте совета старого человека* (В. Войнович).

Побуждения в рамках вежливости основываются реально на иерархическом неравенстве отношений коммуникантов. Говорящий либо имеет по закону более высокое положение, осуществляя в речевом акте роль начальника, командира, хозяина и т.п., либо сам ставит себя выше слушающего, угрожая конфликтом при отказе слушающего выполнить действие. Однако данное основание каузации говорящий формально (на лексико-грамматическом уровне) пытается скрыть, делая вид, что остается в рамках вежливости. Побудительные высказывания строятся по моделям просьбы, совета, приглашения или предложения, то есть побуждение как будто апеллирует либо к любезности слушающего, либо к его выгоде при осуществлении действия.

Обобщим сказанное. Мы различаем семантику волеизъявления и воздействия. Критериями разграничения служат цель, конечный результат данных тактик, наличие субъекта-адресата. Воздействие, в отличие от волеизъявления, предполагает имплицитно выраженного субъекта-адресата; коммуникативной целью говорящего при этом является изменение положения дел в мире с помощью адресата. К семантике волеизъявления мы относим декларативные модально окрашенные реакции: желательность, необходимость, долженствование, волеизъявление нормы (нормативно разрешено / запрещено), семантику воздействия градуируем по шкале просьба-приказ, включая совет, предложение, мольбу, приглашение. Семантика волеизъявления и воздействия полифонична: в ее рамках может, к примеру, взаимодействовать значение утверждения, сомнения, предположения,

просьбы, желания и др. Каждое из названных значений инвариантно относительно некоторого набора средств выражения, иными словами, образует свое поле, центром которого является грамматическая категория повелительного наклонения, остальные средства расположены в приядерном «пространстве» и на периферии поля. Таким образом, семантика волеизъявления (волеизъявления и воздействия) может быть представлена некоторой структурой разнородных полей (семантического и лексико-грамматического). Одни и те же средства выражения могут быть в тексте носителями как семантики волеизъявления, так и семантики воздействия. То, что выглядит волеизъявлением с точки зрения субъекта речи, с точки зрения адресата является воздействием.

Рассматриваемая семантика актуализирует определенные модальные концепты. Так, значение долженствование активизирует концепт «долг», а значение волеизъявления активизирует концепт «воля». Как способы репрезентации этих концептов могут рассматриваться модальные глаголы, категория наклонения (императив, оптатив) и под.

Источники

- Абрамов Ф.* Неужели по этому пути идти всему человечеству? (Дневниковые заметки) // Наш современник. – 1997. - №2. – С. 12-140.
- Айзерман Л.* Русские классики в стране «новых русских» // Новый мир. – 1999. - №7. – С. 155-165.
- Айтматов Ч.* Плаха. - М., 2003.
- Андреев Д.Л.* Роза Мира. – М.: Мир Урании, 2000.
- Астафьев В.* Вечерние раздумья: Заключительная глава книги «Последний поклон». Окончание // Новый мир. 1992. - №3. – С. 6-31.
- Астафьев В.* Забубенная головушка. Из книги «Последний поклон» // Новый мир. - 1992. - №2. - С. 44-63.
- Астафьев В.* Затеси. Новая тетрадь // Новый мир. - 1999. - №8. - С. 5-57.
- Астафьев В.П.* Зрячий посох: Книга прозы. - М.: Современник, 1988.
- Ахмадулина Б.А.* Памяти Б. Пастернака // Ахмадулина Б.А. Побережье. Стихотворения. – М., 1991. – №42. – С. 3-6.
- Басинский П.* Московский пленник (исповедь провинциала) // Октябрь.- 1997. - №9. - С. 100-133.
- Бежин Л.* Усыпальница без праха. Записки сентиментального созерцателя // Новый мир. - 1992. - №8. - С. 86-140.
- Белов В.* Раздумья на родине. – М.: Современник, 1986.
- Белинков А.* Черновик чувств // Звезда. - 1998. - №8. - С. 38-45.
- Берберова Н.Н.* Курсив мой: Автобиография. - М., 1999.
- Бродский И.* Меньше единицы: Избранные эссе / Пер. с англ. под ред. В. Голышева. - М.: Независимая газета, 1999.
- Булгаков М.А.* Письма // Собр. Соч.: В 5т. – М., 1990. – Т.5. – 735с.
- Вознесенский А.А.* На виртуальном ветру. - М.: Вагриус, 1998.
- Войнович В.* Замысел // Знамя. - 1994. - №10. - С. 7-74; №11. С. 11-71.

- Герцен А.* Былое и думы // Собр. Соч.: В 30 т. – М., 1956. – Т.8 – 519с.: Т.9. – 355 с.
- Глазунов И.* Россия распятая // Наш современник. 1996. № 1-5; 7, 8, 9.
- Гранин Д.А.* Эта странная жизнь // Гранин Д.А. Река времен. – М.: Правда, 1985. – С. 217-324.
- Дмитриев А.* Закрытая книга (роман-исповедь) // Знамя. – 1999. - №4. – С.3-47.
- Довлатов С.* Собрание прозы: в 3 т. – СПб.: Лимбус-Пресс, 1995.
- Доронина Т.* Дневник актрисы // Наш современник. - 1996. - № 4-6; 1997. - №11,12; 1998. - №3,4.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя: Избранные страницы. – М.: Современник, 1989. – 557с.
- Жженов Г.С.* Прожитое. - М.: Пропаганда, 2002.
- Залыгин С.* После инфаркта // Новый мир. – 1999. - №9. – С. 102-117.
- Захаров М.* Суперпрофессия. – М.: Вагриус, 2000.
- Зубов А.* Сорок дней или сорок лет? // Новый мир. – 1999. - №5. – С. 130-144.
- Иванов В.В.* Голубой зверь (воспоминания) // Звезда. – 1995. - №1. – С. 4-65.
- Иволгин И.* Из России – с любовью?: «Русский след» в западной литературе // Иностранная литература. – 1999. - №1. – С. 231-239.
- Ильин С.* Моя жизнь с Набоковым (Человек в пейзаже) // Знамя. – 1999. - №1. – С. 170-210.
- Ильина Н.* Дороги и судьбы. – М.: Советская Россия, 1988.
- Козаков М.* Актерская книга. - М.: Вагриус, 1997.
- Кончаловский А.* Возвышающий обман. - М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.
- Кончаловский А.* Низкие истины. - М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1998.

- Коренева Е.А.* Идиотка: Роман-биография. - М.: ООО «Издательство Астрель», 2003.
- Леонов Е.П.* Письма, статьи, воспоминания / Сост. В.Я. Дубровский. - М.: Центр-полиграф, 2000.
- Лихачев Д.С.* Избранное: Воспоминания. - 2-е изд., перераб. - СПб.: Jodos, 2000.
- Мордюкова Н.* Записки актрисы // Октябрь. - 1996. - №2. - С. 126-160; 1997. - №8. - С. 135-161.
- Нагибин Ю.М.* Дневник. - М.: «Олимп», «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2001.
- Найман А.* Великая душа. Из книги «Славный конец бесславных поколений» // Октябрь. 1997. - №8. - С. 3-23.
- Некрасов В.П.* По обе стороны океана: Записки зеваки; Саперлипопет, или Если б да кабы, да во рту росли грибы.../ Сост. А. Парниса. - М.: Худож. лит., 1991.
- Образцов С.В.* По ступенькам памяти. - М. 2001.
- Окуджава Б.* Упразненный театр. Семейная хроника. - М.: Издательский дом Русанова, 1995.
- Павлов О.* Из нелитературной коллекции (Дневник писателя): «Казенный дом»; «Бывшие люди» // Октябрь. 1997. - №6. -С. 136-143.
- Рассадин С.* Самоубийцы. Повесть о том, как мы жили и что читали. - М., 2002.
- Рихтер Г.* Эвтерпа с берегов Невы, или чествование Анны Ахматовой в Таормино // Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т.- М., 1997. - Т. 3. - С. 498-505.
- Розанов В.В.* Апокалиптика русской литературы // Новый мир. - 1999. - №7. - С. 90-110.
- Розенбаум А.* Бультерьер. - М.: Вагриус, 2000.

- Роцин М.* Блок 1995-1996 // Октябрь. 1997. - №9. - С. 43-99; Блок 1993-1994 // Октябрь. 1995. - №6. - С. 30-63.
- Роцин М.* На открытом сердце: Из книги «Америка» // Новый мир. – 1992. - №1. – С. 80-123.
- Самойлов Д.* Из книги «Памятные записки». Сны об отце // Дружба народов. - 1993. - №10. - С. 211-240.
- Смоктунувский И.М.* «Быть!». - М.: Алгоритм, 2000.
- Солженицын А.* Бодался теленок с дубом // Новый мир. - 1991. - №6-8; 11-12; 1992. - №4.
- Солоухин В.* Камешки на ладони // Москва. – 1994. - №4. – С. 9-24.
- Таривердиев М.Л.* Я просто живу. «Впереди, мне казалось, меня ждет только радость...». - М.: Вагриус, 1997.
- Тарковская М.* Осколки зеркала. - М.: Дедалус, 1999.
- Тхоржевский С.* Отменный приговор // Звезда. – 1990. - №10. – С. 45-53.
- Файбисович С.* Игра в бисер // Иностранная литература. – 1999. - №1. – С. 240-241.
- Фурманов Р.* Из жизни сумасшедшего антрепренера. Театральный роман. - СПб.: Белое и Черное, 1998.
- Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. В 3-х томах. М.: Согласие, 1997.
- Штерн Л.* Путешествие по Каиру // Звезда. - 1998. - №8. - С. 150-160.
- Эткинд Е.Г.* Записки незаговорщика. Барселонская проза. - СПб.: Академический проект, 2001.

Библиографический список

- Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учебное пособие. М., 1990.
- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. - 7-е изд., стереотип. - М., 1993. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. - С. 37-68.
- Аркадьева Т.Г. Текстовая этимологизация слов и ее функциональная значимость // Проблемы исследования слова в художественном тексте. - Л., 1990. - С. 38-50.
- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - М.: Просвещение, 1990.
- Артемяева Е.Ю. Психология субъективной семантики. - М., 1980.
- Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка: Культурные концепты. - М., 1991.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М., 1976.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М., 1988.
- Арутюнова Н.Д. Человек и «фигура» (анализ понятий) // Филологический сб. (к 100-летию со дня рожд. ак. В.В. Виноградова). - М., 1995. - С. 34-46.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - 2-е изд., испр. - М., 1999.
- Бабайлова А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. - Саратов: 1987.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.
- Балли Ш. Французская стилистика. - М., 1961.
- Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. - СПб, 2000.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. - М., 1990.
- Безаева М.Г. Вариативный ряд конструкций русской просьбы // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1998. №1.
- Белошাপкова В.А., Саранцацрал Ц. Выражение побуждения к совместному действию в русском языке // Русский язык за рубежом. 1994. №4. - С. 55-60.
- Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе. - М., 2000.

Бергсон А. Материя и память. СПб., 1911.

Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова.- СПб., 1998.

Бирюлин Л.А. Семантика отрицательных императивов НСВ в русском языке // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. – М., 1990. - С. 53-58.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб, 1998.

Бондарко А.В. Структура императивной ситуации (на материале русского языка) // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. - М., 1990. С. 4-9.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). - М., 1997.

Васильев С.А. Уровни понимания текста//Понимание как логико-гносеологическая проблема. - Киев, 1982. - С. 91-122.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. - М., 1997.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / Общ. Ред. Е.В. Падучева. - С. 17-23.

Виноградов В.В. Основные вопросы предложения (на материале русского языка). Исследования по русской грамматике: Избр. тр. - М., 1975.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избр. тр. -М., 1980.

Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. Учебное пособие для вузов / Моск. ун-т им. М.В. Ломоносова. - М-Л, 1947.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. - М., 1994.

Водяха А.А., Терещенко Т.М. Функционирование лексических единиц в ходе отражения эмоций в языке и речи // Владимир Даль и современная филология: Материалы международной научной конференции, 22-23 ноября 2001 года. Нижний Новгород. Т. 2. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – С. 49-51.

Волков О.В. Коллор как элемент композиции // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конф., март 1998, МГОПУ: В 2 т./ Отв. ред. Е.И. Диброва. - М., 1998. – Т. 2. - С. 228-233.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М., 1985. – 228 с.

Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – С. 55-76.

Вригт Г.Х. Логико-философские исследования. М., 1986. – 594 с.

Гак В.Г. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. - Вып. 6. – С. 22-29.

Гак В.Г. Языковые преобразования. - М., 1998. – 763 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981.

Гаспаров Б.М. О некоторых особенностях функционирования видовых форм в повествовательном тексте // Вопросы русской аспектологии. - Вып. 4. – Тарту, 1979. - С. 3-29.

Гаузенблас К. О характере и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста / Под ред. Т.М. Николаевой. – С. 57-79.

Гладров В.А. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1992.

Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. - М., 1993.

Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. - Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучева. – С. 41-57.

Демидов Д.Г. Русская неопределенность и славянская определенность. // Мат-лы XXX межвуз. конф. Вып. 17. Язык и ментальность. - СПб.:СПбГУ, 2001. – С. 20-24.

Диалектика текста: В 2 т. Т. I/О.Н. Гордеева, О.В. Емельянова, Е.С. Петрова и др.; Под ред. проф. А.И. Варшавской. - СПб., 1999.

Диброва Е.И. Категории художественного текста // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междунар. конф., март 1998, МГОПУ: В 2 т. / Отв. ред. Е.И. Диброва – М., 1998. – Т. 2. – С. 250-257.

Дмитровская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991. – С. 78-85.

Зализняк Анна А. Признаки «контроль» и «желание» в семантике предикатов внутреннего состояния // Семантические проблемы речевой деятельности. - М., 1984. - С. 86-95.

Знаков В.В. Понимание субъектом правды о моральном поступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // Психологический журнал. 1993. – Т. 14. - №1. – С. 32-43.

Знаков В.В. Почему лгут американцы и русские: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана // Вопросы психологии. 1995. – №2. – С. 84-91.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Ониненко, М.Ю. Сидорова; Под общ. ред. д-ра филол. наук Г.А. Золотовой - М., 1998.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М., 1982.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987.

Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. - М., 1990.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. - М., 2000.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. - С. 136-137.

Кожина М.Н. О некоторых актуальных проблемах функциональной стилистики // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка: Материалы V конгресса МАПРЯЛ, 1982 – М., 1982. – С. 161-162.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». - СПб., 1999. – 368 с.

Кошелев А.Д. О языковом концепте 'долг' // Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000. - С. 119-125.

Краткий словарь по философии. - М., 1970.

Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.

Лауфер Н.И. Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний // Логический анализ языка. Ментальные действия. - М., 1993. Вып. 6. – С. 105-110.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977.

Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и другие работы. – СПб., 1999.

Лук А.Н. Эмоции и чувства. – М., 1972..

Лукин В.А. Концепт истины и слово истина в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания. 1993. №4. - С. 63-86.

Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. - М., 1989. - С. 24-34.

Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. - Л., 1984.

Маслова А.Ю. О специфике выражения запрета (на материале русского и сербского языков) // Владимир Даль и современная филология: Материалы международной научной конференции. 22-23 ноября 2001 года. Нижний Новгород. Т.1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – С. 131-134.

Матвеев А.А. Модальность знания и мнения в публицистике (на материале русского и английского языков) // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Междунар. конф., апрель 2001. – М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2001. - Т.2. - С. 302-311.

Милевская Т.Е. Природа оценки в мемуарном жанре // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, С. – Петербург, 11-17 марта 2001 года. - СПб., 2001. – Вып. 13: Стилистика художественной речи. – С. 17-21.

Минский М. Фреймы для представления знаний // Психология машинного зрения. - М., 1979. - С. 249-338.

Мокиенко В.М. Образы русской речи: Ист.- этимол. и этнолингвист. Очерки фразеологии / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1986.

Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М., 1971.

Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М., 1988.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. – М., 1999. – Вып. 1.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. - 16-е изд., испр. - М., 1984.

Ортони А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. – М., 1995. – С. 353-381.

Откупщикова М.И., Об одном способе представления семантики категории волюнтивности // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч.2. Семантика и прагматика повелительных предложений. - М., 1990. - С. 9-13.

Павловская Н.Ю. Модальность достоверности: лингвистический статус, когнитивный подход в изучении // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной шк.-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова и др. - В 2 ч. - Ч.1. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. - С. 75-78.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). - М., 1996.

Пелих Е. А. Структура лексико-семантического поля желания (на материале русского, украинского, английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1984.

Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1982.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 2-е изд. - М., 1956.

Пироженко О.Г. Ложь как реализация цели говорящего // «Язык и культура». Научное издание. Сер. «Филология». Вып. 3. Т. 4: Язык и художественное пространство. – Киев, 2001. – С. 187-192.

Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 1996.

Потебня А.А. Записки по русской грамматике. – М., 1958.

Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - 2-е изд., испр. и доп. - М., 1990.

Пузырев А.В. Соотношение «правды» и «истины» в аспекте тетрахомии «всеобщее – общее – особенное – единичное» // Филология и культура: Мат-лы III Междунар. науч. конф. 16-18 мая 2001 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им.Г.Р. Державина, 2001. - Ч.2 – С. 120-121.

Радзиевская Т.В. Инструктивный потенциал комментария (художественные и мемуарные тексты) // Принципы изучения художественного текста: Тезисы вторых саратовских стилистических чтений, апрель 1992 г. - Ч. 2. Саратов, 1992. – Ч.2. - С. 48-49.

Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 1996. – 272 с.

Романова Т.В. Конструирование текста с опорой на этапные предложения как средство совершенствования речевых навыков учащихся. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02./Горьковский гос. пед. ин-т им. М.Горького.- Горький, 1989.

Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. - СПб., 2003.

Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: Дис. доктора филол. наук: 10.02.01 – С. Петербург, 2004.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. – М., 1989.

Русская грамматика: В 2 т. / Глав. ред. д-р филол. наук Н.Ю. Шведова. – М., 1980. – Т. 2: Синтаксис.

Санников В.З. Прагматика неопределенных утверждений // НТИ. Сер.2. №9. 1987. – С. 32-37.

Саяхова Л.Г. Тематический словарь русского языка / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин / Под ред. проф. В.В. Морковкина. – М., 2000.

Селезнев М. Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. науч. трудов. – М., 1988. - С. 244-245.

Сидоров Е.В. Основы системной концепции текста: Автореф. ... докт. филол. наук. – М., 1985.

Словарь по этике /Аверинцев С.С. и др./ Под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. - 6-е изд. - М., 1989.

Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: В 4т. - М., 1985. - Т.1.

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К.С. Горбачевич. - 2-е изд., перераб. и доп. - М., 1991.

Словарь структурных слов русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др. - М., 1997.

Солганик Г.Я. О текстовой модальности как семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции МГОПУ. - М., 1999. - С. 364-372.

Степанов Г.В. К проблеме единства выражения и убеждения // Контекст – 83. – М., 1984. – С. 21-22.

Степанова В.В. Функциональные ориентиры в семантике слова и их текстовое воплощение // Проблемы исследования слова в художественном тексте. – Л., 1990. – С. 4-17.

Сулименко Н.Е. Лексическая экспликация внутри- и внетекстового адресата//Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 26 - 28 февраля 2001 г.)/Отв. ред. В.Д. Черняк. - СПб., 2001. - С. 305-314.

Сулименко Н.Е. Лексические предпосылки свертывания информации в художественном тексте // Проблемы исследования слова в художественном тексте. – Л., 1990. – С. 17-27.

Таривердиева М.А. Семантика модальных глаголов и их роль в предложении-высказывании//Филологические науки. 1987. №6. - С. 53-59.

- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.
- Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Республика Казахстан, Алматы, 1999.
- Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин и др.: АН СССР, Ин-т языкознания. - Л., 1990.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т./Под ред. проф. Д. Ушакова. - М., 1996.
- Трипольская Т.А. Речевые стратегии самооценки как средство описания языковой личности // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и в вузе). - СПб., 1995. - С. 38-40.
- Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Дис. ... докт. филол. наук. - СПб., 1999.
- Трипольская Т.А. Языковая интерпретация чужой оценки//Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 26-28 февраля 2001 г.) / Отв. ред. В.Д. Черняк. - СПб., 2001.- С. 315-322.
- Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Н. Новгород, 2001.
- Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. – М., 1990
- Фесенко С.Л. Эмоции как элементы социокультурной реальности // Филология и культура: Материалы III Междунар. науч. конф., 16-18 мая 2001 г.: В 3 ч./ Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2001. – Ч. 3. – С. 57-59.
- Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье. – Л., 1991. - С. 231-332.
- Храковский В.С. Семантика и типология императива: Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Л., 1986.
- Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. – Киев, 1982.
- Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта//Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: Сб. ст. - М., 2001. - С. 3-42.
- Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992.
- Черняк В.Д. Синонимы в перспективе художественного текста // Семантические и эстетические модификации слов в тексте. – Л., 1988. – С. 40-48.
- Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. - С. 90-95.
- Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. - М., 1971.

Шаронов И.А. Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте. Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1991.

Шатуновский И.Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова и др. – М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 319-325.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М., 1996.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.

Шаховский В.И. Эмотивно-модальные компоненты семантической структуры текста / В.И. Шаховский, В.И. Карасик // Семантика целого текста: Тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь 1987 г.). - М., 1987. - С. 158-159.

Шведова Н.Ю. О долженствовательном наклонении // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г.А. Золотова. - М., 1974. - С. 107-121.

Шибутани Т. Социальная психология. – М., 1969.

Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. – М., 1971.

Шмелев Д.Н. Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955.

Шмелев Д.Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. №5.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – М., 1998.

Язык и антропологические сущности / Кубанский госуд. ун-т. Отв. ред. Г.П. Немец. - Краснодар, 1997.

Coleman L., Kay P. Prototype semantics: the English verb “lie” // Language, 1981. №57. Vol. 1. P. 26-44.

Gasparov V.M. Notes on the “methaphysics” of Russian aspect // Verbal aspect in discourse / Amsterdam Philadelphia. 1990.

Hopper I. Aspect and foregrounding in discourse // Discourse and syntax.
New York, 1979. P. 213-217.

Wierzbicka A. English speech act verbs. A semantic dictionary. – Sydney, Academic
press.cop - 1987. – VIII.

Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Anr Arbor, 1985.

Wierzbicka A. Lingua mentailis. The semantics of natural language. – Sydney, ets. Acad.
Press. X1, 1980.

Содержание

1. Текстовая корреляция категорий модальность-оценка-эмоциональность...	3
2. Модальные факторы и модальные средства текстообразования.....	20
3. Модальность интеллектуальной квалификации.....	28
3.1. Определенность / неопределенность.....	29
3.2. Уверенность / убежденность.....	37
4. Модальность диалогической реакции: возражение / согласие.....	48
5. Оценочная модальность.....	64
5.1. Метафора как способ выражения оценки.....	75
5.2. Эстетическая оценка.....	83
5.3. Эмоциональная оценка.....	106
5.4. Логическая оценка.....	169
5.4.1. Соотнесение/сопоставление/сравнение/ противопоставление.....	169
5.4.2. Истинно / неистинно.....	177
6. Модальность волеизъявления и воздействия	201
6.1. Степень модализации как мера коммуникативности, или ответственности текста.....	209
6.2. Текст-волеизъявление и текст-воздействие.....	218
6.2.1. Текст-волеизъявление.....	218
6.2.1.1. Текст с семантической доминантой желательности.....	218
6.2.1.2. Текст с семантической доминантой необходимости.....	233
6.2.1.3. Текст с семантической доминантой долженствование.....	253
6.2.1.4. Текст-волеизъявление нормы: нормативно разрешено / запрещено.....	262
6.2.2. Текст-воздействие	272
6.2.2.1. Текст с семантической доминантой просьбы.....	274
6.2.2.2. Текст-побуждение к совместному действию.....	282
6.2.2.3. Текст с семантической доминантой совета.....	286
Источники.....	291
Библиографический список	295

Научное издание

Романова Татьяна Владимировна

Модальность. Оценка. Эмоциональность

Печатается в авторской редакции
Лицензия ПД №18-0062 от 20.12.2000

Подписано к печати 20.04.08

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 19,3

Заказ

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

603155 Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-а.